

К 1237555

Античный мир и археология

1

1972

АНТИЧНЫЙ МИР
И АРХЕОЛОГИЯ

Межвузовский научный сборник

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

1237555

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1972

Межвузовский научный сборник «Античный мир и археология» посвящается проблемам археологии СССР, и особенно археологии Северного Причерноморья в античную эпоху, истории античного мира, истории античной культуры.

Авторами настоящего выпуска являются научные работники Саратовского и Ленинградского университетов. Он состоит из двух разделов — археологического, в котором публикуются работы по археологии СССР и Северного Причерноморья, и исторического, представленного исследованиями по истории древней Греции архаической и классической эпохи, истории древнего Рима и его провинций.

В качестве приложения к сборнику публикуется новый перевод памятника античной литературы — пародийной поэмы «Батрахомахия» («Война мышей и лягушек»).

Сборник рассчитан на специалистов историков и археологов, преподавателей высшей и средней школы, студентов и всех интересующихся античной историей и культурой.

Редакционная коллегия: проф. *К. М. Колобова*, проф. *А. И. Немировский*, проф. *В. Г. Борухович* (отв. ред.), проф. *И. В. Синицын* (зам. отв. ред.), доц. *Э. Д. Фролов*, доц. *Ю. В. Андреев*, доц. *Р. Е. Ляст*, доц. *В. А. Фисенко* (отв. секретарь), асс. *В. Г. Миронов*.

*Профессору Ивану Васильевичу
Синицыну—товарищи и ученики*

Иван Васильевич Спиницын

К 70-ЛЕТИЮ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА СИНИЦЫНА

Имя профессора И. В. Синицына, видного советского археолога, которому в 1970 году исполнилось 70 лет, хорошо известно ученым миру не только в Советском Союзе, но и далеко за его пределами. Иван Васильевич Синицын родился 22 февраля 1900 года в селе Дьяковка Краснокутского района Саратовской области в бедной крестьянской семье. Его трудовой путь начался рано — с малолетства ему пришлось батрачить на кулаков. Начальное образование получил в сельской школе. В 1917 году поступил в учительскую семинарию (педагогическое училище) села Ровное Саратовской области и окончил ее в 1920 году. С этого времени и по настоящий день продолжается его педагогическая деятельность: с ноября 1920 года И. В. Синицын работал учителем в школе И ступени по месту рождения. С 1923 года вся жизнь нашего юбиляра связана с Саратовским государственным университетом: в этом году обком ВКП(б) командировал его на учебу на педагогический факультет университета (общественное отделение), который он закончил в 1928 году. По окончании университета И. В. Синицын Наркомпросом РСФСР был утвержден аспирантом Научно-исследовательского института краеведения при СГУ. Учась в аспирантуре, И. В. Синицын по совместительству работал лаборантом на кафедре педагогики и преподавателем Саратовского педтехникума. После окончания аспирантуры (1932—1937 гг.) Иван Васильевич был ученым секретарем в Институте краеведения, а с 1937 и по 1939 год включительно — директором этого же института. Одновременно (1928—1941 гг.) он являлся сотрудником и заведующим археологическим отделом Саратовского областного музея краеведения. С 1935 года и по сегодняшний день И. В. Синицын работает на историческом факультете: сначала ассистентом, за-

тем доцентом, а ныне — профессором археологии. С 1941 по 1946 год он заведовал кафедрой археологии, а с 1942 по 1954 год был деканом исторического факультета.

Наряду с административной и педагогической деятельностью И. В. Синицын ведет большую и плодотворную научно-исследовательскую работу. Он заслуженно считается одним из видных археологов Советского Союза. В научном отношении Иван Васильевич является учеником и преемником советского археолога П. С. Рыкова, который сумел на всю жизнь привить ему страстную любовь к археологии: еще со студенческой скамьи И. В. Синицын являлся непременным участником всех экспедиций, возглавляемых П. С. Рыковым. Студенческая и аспирантская подготовка И. В. Синицына прошла под руководством П. С. Рыкова — основателя археологической школы при Саратовском университете. И. В. Синицын заимствовал, а впоследствии развил все лучшее, что дал ему его учитель. Планомерное изучение древнейшей истории края, отказ от погони за эффектными вещами, внимание к рядовому материалу, выявление бытовых деталей, отсутствие вещеведческого подхода к собранному материалу, стремление к широкому историческому обобщению — вот главные черты исследовательской деятельности И. В. Синицына. Сейчас, по прошествии многих лет, мы можем твердо сказать, что если П. С. Рыков заложил основы планомерного изучения археологических памятников Нижнего Поволжья всех эпох человеческой истории, от неолита вплоть до позднего средневековья, то И. В. Синицын вот уже свыше 40 лет достойно и с честью продолжает дело своего учителя.

Первые самостоятельные шаги И. В. Синицына связаны с территорией Калмыкии и относятся к 1930 году: по поручению Института истории материальной культуры АН СССР (сейчас Институт Археологии) им была обследована совершенно неизученная область от дельты Волги до нижнего течения реки Кумы (район сел Басы, Зензели и другие пункты). Здесь было обнаружено несколько дюнных стоянок и поселений с микролитическим инвентарем, а также целый ряд памятников эпохи бронзы, скифо-сарматского и более позднего времени. Забегая вперед, отметим, что 16 лет спустя, т. е. в 1946 году, эта же область снова явится объектом его научных интересов. После его работ стало ясно, что территория северо-западного побережья Прикаспия была густо заселена начиная с эпохи неолита.

К этим исследованиям примыкают работы И. В. Синицы-

на в северных районах Нижнего Поволжья в нижнем течении реки Колышлей — левого притока Медведицы. В этом районе им были открыты и изучены памятники эпохи бронзы и сарматской культуры. В 1937—1941 гг. И. В. Синицыным производились раскопки археологических памятников в нижнем и среднем течении реки Иловли (от станции Иловлинской до села Александровки), а также в Заволжье у села Бородаевки Марковского района, близ города Энгельса и в бассейне Большого Иргиза. Здесь были вскрыты десятки курганов различных исторических эпох и исследовано два поселения срубной культуры у сел Максютово и Успенка Пугачевского района. Эти исследования вместе с данными, полученными П. С. Рыковым и другими археологами, позволили наметить основные вехи исторического процесса эпохи бронзы и железа Нижнего Поволжья, установить закономерность в развитии местных племен и их культурно-хозяйственных связей с населением сопредельных районов. Так, стало совершенно очевидно, что срубная культура Нижнего Поволжья сформировалась на основе ямной культуры. Однако было бы ошибочным ограничивать только этим значение перечисленных раскопок И. В. Синицына. Можно сказать, что его работы уже тогда давали возможность говорить о расселении совершенно иной этнической группы племен катакомбной культуры из калмыцко-манычских степей — центра их обитания — на север, в пределы территории Волгоградской области по обоим берегам Волги. Раскопки курганов, а в особенности поселений срубной культуры у сел Успенка и Максютово, позволили более четко выяснить основные особенности материальной культуры этих племен. Значение данного факта переоценить трудно: материалы Успенки и Максютова заняли достойное место не только в специальной археологической литературе, но и в учебных пособиях по археологии для высших учебных заведений. Наряду с этим раскопки И. В. Синицына в 30-х годах не только обогатили, но во многом позволили по-новому оценить культуру скифо-сарматских племен Нижнего Поволжья.

После Великой Отечественной войны И. В. Синицыным были организованы археологические экспедиции в различные районы Нижнего Поволжья. Так, уже в 1945 году под его руководством в пределах Саратовской области от села Кологриковка произведены раскопочные работы на трассе газопровода Саратов — Москва. Тогда же детальному обследованию была подвергнута левобережная полоса Волги от устья реки Чагры до села Духовницкое Саратовской области. В 1946—

1949 годах внимание И. В. Синицына привлекла группа малоисследованных памятников — курганов с каменными насыпями у села Пролейка Волгоградской области. В то же время была исследована территория по берегам Большого и Малого Узеней и Западного Казахстана. С 1951 по 1957 год экспедиция под руководством И. В. Синицына занималась исследованием археологических памятников различных исторических эпох на левом берегу Волги от Энгельса до Волгограда. Результаты полевых раскопок в зоне затопления Волгоградской ГЭС были обобщены И. В. Синицыным в двух монографических работах, в которых поставлен и освещен целый ряд важнейших проблем древней истории Нижнего Поволжья. В 1958—1960 годах И. В. Синицыным производились раскопки поселений срубной культуры у села Осипов Гай в Заволжье и поселения ямной культуры у хутора Репин на правом берегу Дона. Собранные материалы наметили возможность решения важнейших проблем в древней истории степей юго-востока Европейской части СССР. Они приближают решение таких важных вопросов, как хронология и происхождение ямной культуры на всей территории ее распространения. С 1961 года и по настоящий день И. В. Синицын ведет большие раскопки на территории Калмыкии. Раскопки больших курганных могильников у поселка Лола, у города Элиста, в урочищах Архара, Энчин Толга, Кермен Толга, а также в зоне затопления Чограйского водохранилища обогатили археологическую науку ценнейшим материалом, который позволит пересмотреть проблему взаимоотношений между ямной и катакомбной культурами, с одной стороны, и культурно-исторических связей населения степного Предкавказья с племенами Кавказа и Закавказья — с другой. Короче говоря, заслуги И. В. Синицына перед археологической наукой весьма значительны: без его работ совершенно невозможно изучение древнейшей истории не только Нижнего Поволжья и сопредельных с ним районов, но и всей степной полосы Восточной Европы.

На протяжении многих десятков лет И. В. Синицын является постоянным участником сессий, конференций и различных симпозиумов Института Археологии АН СССР, где всегда выступает с цennыми докладами и сообщениями по различным проблемам археологии.

Административная, педагогическая и научно-исследовательская работа сочетается у И. В. Синицына с большой общественной деятельностью. Так, вступив в 1919 году в ряды ВЛКСМ, он много сил и энергии отдал организации комсо-

мольских ячеек в Краснокутском районе, а также борьбе с кулачеством. В студенческие годы он активно участвовал в комсомольской жизни университета. В зрелые годы И. В. Синицын в гуще общественной жизни не только университета, но и города Саратова: неоднократно он избирался в партком и местком университета, активно участвовал в работе общества «Знание», шесть раз избирался депутатом горсовета, где возглавлял одну из постоянно действующих комиссий. И сейчас он не стоит в стороне от общественной деятельности: консультирует школьные археологические кружки, возглавляет археологическую секцию Саратовского областного отделения общества по охране памятников истории и культуры, выступает с лекциями среди населения города и области, а также ведет другую большую и полезную работу. За разнообразную и плодотворную научно-исследовательскую, педагогическую и общественную деятельность И. В. Синицын награжден орденом «Знак Почета», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», юбилейной медалью в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, Почетными грамотами Президиума Верховного Совета РСФСР и Верховного Совета Калмыцкой АССР, а также грамотами горсовета, университета и других учреждений и организаций.

Общественность университета искренне желает И. В. Синицыну доброго здоровья и долгих лет жизни на благо археологической науки и воспитания молодого поколения.

Список научных работ И. В. Синицына

1. Кремневые орудия с дюнных стоянок Калмыцкой области. — ИНВИК, т. IV, Саратов, 1931.
2. Памятники бронзовой эпохи в районе Колышлея. — ИНВИК, т. V, 1932.
3. Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья. — Сб. Нижне-Волжского краевого музея, Саратов, 1932.
4. Древние памятники Приморского района Калмыбласти. — ИНВИК, т. VI, Саратов, 1933.
5. 25-летие научной, педагогической и общественной деятельности П. С. Рыкова (в соавторстве с Н. К. Арзютовым и В. А. Сушицким). — ИНВИК, т. VII, Саратов, 1936.
6. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья. — ИНВИК, т. VII, 1936.

7. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. — СА, т. 8, 1946.
8. Археологические работы в Саратовской области в 1945 году. — КСИИМК, вып. 17, 1947.
9. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. — УЗ СГУ, т. 17, 1947.
10. Древние памятники в бассейне Иргиза по раскопкам 1938—1939 гг. — УЗ СГУ, т. 17, 1947.
11. Изучение родового общества бронзовой эпохи на территории Нижнего Поволжья. — Сб.: «Научная конференция СГУ». Саратов, 1947.
12. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. — СА, т. 10, 1948.
13. Поселение эпохи бронзы степных районов Заволжья. — СА, т. 11, 1949.
14. Археологические памятники по реке Малый Узень. — КСИИМК, вып. 32, 1950.
15. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане. — КСИИМК, вып. 37, 1951.
16. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане. — КСИИМК, вып. 45, 1952.
17. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС. — КСИИМК, вып. 50, 1953.
18. Древнее население Нижнего Поволжья (в соавторстве с Е. И. Крупновым). — Сб.: По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954.
19. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции. — КСИИМК, вып. 55, 1954.
20. Археологические памятники в низовьях реки Иловли. — УЗ СГУ, т. 39, 1954.
21. Археологические исследования в 1954 году в зоне строительства Сталинградской ГЭС. — Научный ежегодник СГУ за 1954 год. Саратов, 1955.
22. Археологические исследования в Западном Казахстане (1948—1950). — Труды Института истории, археологии и этнографии Казахской ССР, т. 1, 1956.
23. Археологические памятники у села Пролейки. — УЗ СГУ, т. 47, 1956.
24. Работы Заволжского отряда Сталинградской археологической экспедиции. — КСИИМК, вып. 63, 1956.
25. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени. — ТСОМК, вып. 1, 1956.

26. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Приднепровьем. — КСИА, АН УССР, вып. 7, 1957.
27. Скифо-сарматские памятники Нижнего Поволжья. — Научный ежегодник СГУ за 1955 год. Отд. оттиск, отд. 2, Саратов, 1958.
28. Археологические исследования в зоне затопления Стalingрадской ГЭС в 1955 году. — Научный ежегодник СГУ за 1955 год, отд. 2, Саратов, 1958.
29. Памятники родового общества степей Заволжья. — УЗ СГУ, т. 66, 1958.
30. Археологические исследования Заволжского отряда. — МИА, т. 60, 1959.
31. Итоги археологического изучения древней истории Нижнего Поволжья. — УЗ СГУ, т. 68, 1960.
32. Археологические памятники северо-западного Прикаспия. — ТСОМК, вып. 3, 1960.
33. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.). — МИА, № 78, 1960.
34. Ровенский курганный могильник. — КСИА, вып. 84, 1961.
35. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году (в соавторстве с У. Э. Эрдниевым). — Труды Калм. респ. краев. музея, вып. 1, Элиста, 1963.
36. Памяти Павла Сергеевича Рыкова (в соавторстве с П. Д. Степановым). — СА, т. 1, 1964.
37. Древние памятники Саратовского Заволжья. — Археологич. сборник, вып. 1, Саратов, 1966.
38. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962—1963 гг.). В соавторстве с У. Э. Эрдниевым. — Труды Калм. респ. краев. музея, вып. 2, Элиста, 1966.
39. Раскопки в долине Восточного Маныча. — Сб. «Археологические открытия 1967 года». М., 1968.
40. Поселение Осинов Гай в Заволжье. — МИА, № 169, 1969.
41. Раскопки на Утесе Степана Разина (в соавторстве с В. А. Фисенко). — Сб.: «Археологические открытия 1969 года». М., 1970.
42. Элистинский могильник (в соавторстве с У. Э. Эрдниевым). Элиста, 1971.
43. Древние поселения у с. Михайловки. В печати.
44. Новые памятники Восточного Маныча. Изд. СГУ. В печати.

ЧАСТЬ I. АРХЕОЛОГИЯ

И. В. СИНИЦЫН, В. А. ФИСЕНКО

ПОСЕЛЕНИЕ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ГУСЕЛКА-II В ОКРЕСТНОСТЯХ САРАТОВА

На расстоянии 8 км от Саратова по тракту, в направлении к поселку Усть-Курдюм, находится автобусная станция Зональная. В двух километрах к северу от нее протекает небольшая речушка Гуселка-II. Против Зональной она делает пово-

Рис. 1. Общий вид поселка Гуселка-II.

рот спачала на юго-восток, затем на юг, а далее — на северо-восток. В этом изгибе, непосредственно на берегу речки, и расположено поселение срубной культуры, которое мы назвали Гуселка-II (рис. 1). Протяженность этого поселения вдоль берега составляет около 100 м, а в глубь берега — до 80 м. Место, занимаемое поселением, представляет собой ровную площадку с

легким уклоном к югу и возвышающуюся над уровнем поймы, которая местами хорошо разработана, на 1,5 м. Каких-либо искусственных сооружений в виде рвов или валов здесь нет. Если с юго-запада, юга и юго-востока поселение имеет естественные укрепления, представляющие собой обрывистый берег речушки, которая в летнее время сильно мелеет и превращается в небольшой ручеек, то с северной, напольной стороны оно совершенно открыто. Поселение обнаружено в 1963 году. Стационарные раскопки на нем проводились в течение трех летних сезонов — с 1964 по 1966 год включительно. За это время исследована значительная часть территории с культурным слоем. В процессе раскопок установлено, что поселение однослойное и оставлено племенами срубной культуры. Культурный слой располагается сразу же под дерном. Толщина культурного слоя не везде одинакова. Наиболее насыщенной оказалась полоса, прилегающая непосредственно к берегу. Протяженность ее около 60 м, а глубина — до 40 м. На этом участке культурный слой имеет мощность до одного метра. Цвет земли здесь серый, подзолистый. Именно в пределах этой зоны наблюдалась наибольшая насыщенность вещественными остатками. Фрагменты керамики, кости домашних животных, обломки зернотерок и другие хозяйствственные и бытовые отбросы прослеживаются вплоть до самого грунта. Далее, в глубину берега, располагается полоса шириной до 20 м, с толщиной культурного слоя до 50 см и слабой насыщенностью вещественными остатками. Еще дальше лежит полоса, где культурные остатки встречаются крайне редко — это уже окраина поселения. Таким образом, общая площадь поселения с культурным слоем интенсивной насыщенности довольно незначительна. Тот факт, что площадь с насыщенным культурным слоем упирается непосредственно в берег речки, свидетельствует о том, что значительная часть поселения оказалась размытой водами Гуселки. Особенно интенсивное разрушение берега с большими отвалами идет в центре поселения.

В процессе раскопок в центре поселения удалось обнаружить остатки трех жилых сооружений и одной хозяйственной ямы — погреба. К сожалению, две землянки, расположенные на прибрежной части поселения, сохранились не полностью: сильный размыв береговой полосы, большие обвалы и осипы разрушили основную часть жилищ. Однако на расстоянии 10 м от разрушенных жилищ с северо-восточной стороны обнаружено жилище, не затронутое обвалом. Оно представляет собой полуземлянку удлиненно-прямоугольной формы, ориен-

тированную по длинной оси с юго-запада на северо-восток (рис. 2). Длина землянки 15 м, ширина — 7 м. Общая ее площадь 105 м². Наибольшая глубина дна пола — 0,85 м от древней поверхности. Пол землянки плоский, с незначительной покатостью к центру. Стенки землянки сильно оплыли и только в нижней части около пола местами сохранили вертикальную форму.

В юго-западной стороне землянки, в центре стены, находился вход в виде покатости, имевшей в длину и ширину око-

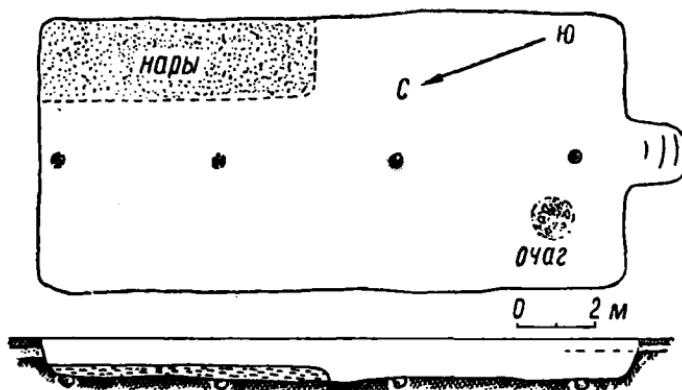

Рис. 2.

ло 1,50 м. Вдоль продольной юго-восточной стены землянки, начиная от северо-восточного угла, на протяжении 7 м отмечено сильно оплывшее возвышение от земляных нар. На полу перед входом в землянку и на противоположном конце у северо-восточной стены с достаточной четкостью прослежены ямки от столбов, имевшие диаметр и глубину до 35 см. Две таких же ямки расположены в центре в одну линию на расстоянии 4 м друг от друга. Несомненно, отмеченные ямки служили остатками столбов, поддерживавших бревенчатую двухскатную крышу землянки.

На полу землянки в юго-западном углу, ближе к входу, расположен очаг круглой формы, диаметром до 1,20 м, состоящий из обожженной земли, углей и небольших камней. Вокруг очага, а также на полу землянки в разных местах находилось много пережженных костей животных и черепков посуды. Находимые в землянке черепки повторяют те же типы

посуды, которые находятся на всей площади, окружавшей землянку.

Из других находок, обнаруженных в землянке, особого внимания заслуживает находка бронзовой височной подвески, согнутой в полтора оборота (рис. 9/5). Подвеска сделана из узкой пластины с расплощенными желобчатыми концами, имеет удлиненную форму. Как известно, бронзовые височные подвески в полтора оборота имели широкое распространение в эпоху бронзы. Для хронологического определения поселения Гуселка-II важно отметить, что аналогичные бронзовые подвески были обнаружены в погребениях Чардымских курганов, относящихся к позднему этапу срубной культуры Нижнего Поволжья¹.

Как уже отмечалось, две землянки на поселении подвергнуты сильному разрушению и не вносят каких-либо дополнительных данных. Все же следует отметить, что частично сохранившаяся северо-восточная часть землянки позволяет предполагать, что и эти жилища представляют собой аналогичные прямоугольные землянки. Во всяком случае, полученные данные раскопок жилищ, их форма, конструктивные особенности позволяют признать полную их аналогию с землянками поселений срубной культуры Саратовского Поволжья.

Наряду с открытием жилищ на поселении обнаружена большая хозяйственная яма для хранения продуктов. Яма расположена в 3 м от землянки с западной стороны и имела продолговато-овальную форму, ориентированную по линии север-юг. Длина ее — 1,75 м, ширина — 1,20 м и глубина — 2 м от древней поверхности (рис. 3). Вокруг ямы были вскрыты защелки глубиною до 0,35 м и шириной до 0,30 м. На них укреплялось деревянное бревенчатое перекрытие ямы. Стенки ямы хорошо сохранились и от верхнего края до дна шли отвесно. Земля, заполнившая яму, обрушилась сверху и на разной глубине представляла собой прослойки темно-серого цвета и перегной от больших кусков дерева — обвалившегося перекрытия. Пол имел ровную, горизонтальную поверхность. Никаких скоплений на полу ямы не обнаружено.

Аналогичные ямы-халичища теперь известны и на других поселениях срубной культуры. Так, при раскопках на поселении Осинов Гай была обнаружена аналогичная хозяйственная

¹ П. С. Рыков. Чардымское городище. — ИНВИК, т. VI, 1933, стр. 58, табл. 1. Материалы раскопок курганов не опубликованы. Рисунок подвески см. О. А. Кривцов-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. — МИА, 1955, № 46, стр. 65, рис. 15/2.

Рис. 3. Яма-хранилище на поселении Гуселка-II.

яма². Весьма интересные хозяйствственные ямы-погреба обнаружены Н. Я. Мерпертом на поселениях срубной культуры в районе Среднего Поволжья³. Можно считать, что подобные сооружения являлись хранилищем различных хозяйственных продуктов.

Весьма интересным на поселении Гуселка-II явилось открытие редко встречаемых единичных захоронений. Погребение было обнаружено в центре поселения, в 14 м к северу от береговой полосы, в могиле прямоугольной формы, ориентированной по линии северо-восток-юго-запад. Длина могилы 2,10 м, ширина — 1,35, глубина — 0,85 м от древнего горизонта. Заполнение состояло из мягкого влажного чернозема. В засыпке могилы на разной глубине изредка встречались отдель-

² И. В. Синицын. Поселение Осинов Гай в Заволжье. Древности Восточной Европы. — МИА, 1969, № 169, стр. 200.

³ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. — МИА, 1958, № 61, стр. 112.

ные черепки посуды, аналогичные тем, которые встречаются в культурном слое поселения. На дне могилы лежал костяк мужчины без черепа, скорченно на левом боку, грудью вниз, и ориентирован на северо-восток. Руки согнуты в локтях и кистями положены перед лицом. Ноги согнуты в тазобедренных и коленных суставах (рис. 4). Вещей при погребенном не обнаружено. Стратиграфические данные показывают, что обнаруженное погребение было совершено в период существования поселения.

Погребения на поселениях срубной культуры Поволжья до недавнего времени оставались неизвестными. Впервые в Нижнем Поволжье В. Ф. Ореховым при раскопках на Ивановском поселении близ г. Хвалынска в 1913—1914 гг. было обнаружено погребение, совершенное также в период существования поселения⁴. По поводу Ивановского погребения А. А. Спицыным⁵, а позже А. П. Кругловым и Г. В. Подгаецким были высказаны некоторые сомнения в отношении времени и ритуала указанного погребения⁶. О. А. Кривцова-Гракова, касаясь вопроса определения времени возникновения Ивановского поселения, считает, что «положение покойника и другие детали ритуала позволяют без всякого сомнения отнести это погребение к ямной культуре⁷. В связи с этим важно отметить, что В. Ф. Ореховым в 1927 году недалеко от Ивановского поселения, в черте города Хвалынска, при впадении ручья Камышинки в реку Волгу, на поселении срубной культуры было обнаружено типичное погребение срубного времени: скелет взрослого человека лежал в скорченном положении на левом боку, головою на северо-восток, руки согнуты в локтях и кистями положены перед лицом. Между коленями и локтями поставлены два сосуда срубного типа⁸.

В последние годы на поселении срубной культуры, так называемом Танавском городище, расположенному также на левом берегу Гуселки, в 4 км от поселения Гуселка-II нами открыт целый могильник (28 погребений) срубной культуры. Кроме того, захоронения срубной культуры выявлены раскоп-

⁴ В. Ф. Орехов. Две раскопки на церковной земле села Ивановки Хвалынского уезда Саратовской губернии. — ТСУАК, 1916, вып. 33, стр. 41.

⁵ А. А. Спицын. Саратовские стоянки медного века. — Труды ОИАЭ, 1923, вып. 34, ч. I, стр. 34.

⁶ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. — ИГАИМК, 1935, вып. 119, стр. 52 и 126.

⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 45 и сл.

⁸ Дневник раскопок В. Ф. Орехова. Материалы не опубликованы.

1927555

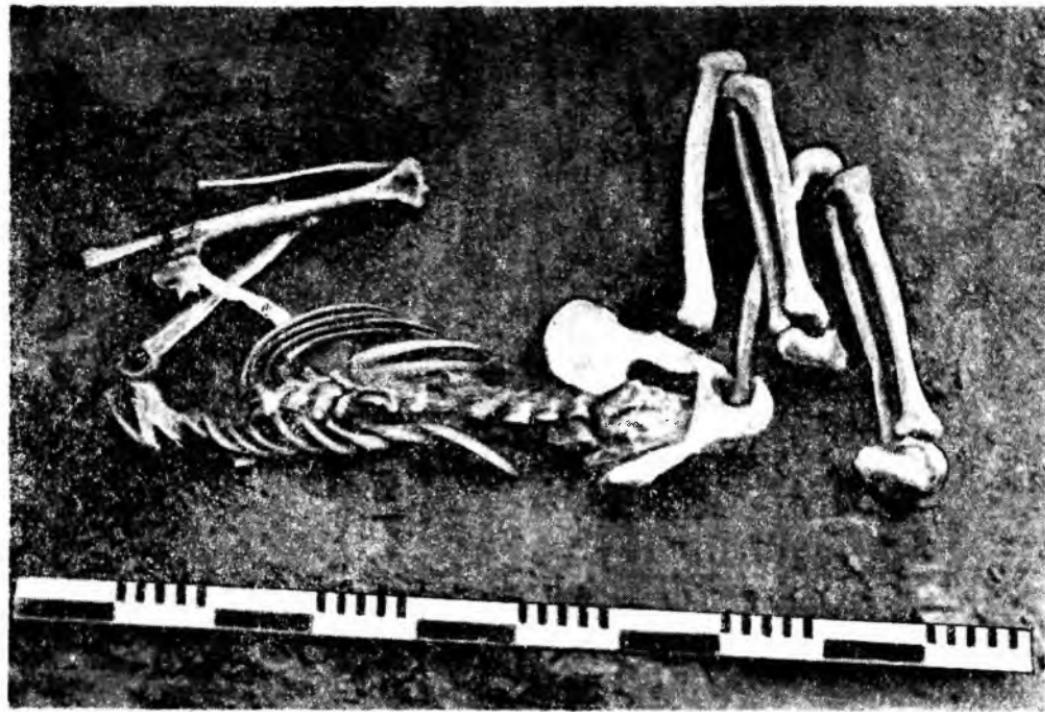

Рис. 4. Погребение на поселении Гуселка-II.

ками последних лет (1968—1969 гг.) и на поселении Утес Степана Разина, расположенным в границах Саратовской области близ с. Белогорского⁹. В ближайших районах распространения срубной культуры левобережной полосы Волги погребения на поселениях обнаружены Н. Я. Мерпертом в Среднем Поволжье¹⁰, Т. В. Поповой — в южных районах, в окрестностях села Быково¹¹.

Благодаря новым открытиям, сделанным за последние десятилетия, можно более определенно говорить о существовании у племен срубной культуры обряда, связанного с захоронением отдельных погребений на площади поселений. Новые материалы позволяют с уверенностью заявить, что обычай устраивать захоронения прямо на поселениях уносителей срубных культурных традиций был более широко распространен, чем это считалось ранее.

Самым массовым материалом, полученным в процессе раскопок, является керамика. Она представлена обломками венчиков (больше 300 экземпляров), боковых стенок и плоских днищ. Это обстоятельство дает возможность выявить как способы изготовления посуды, так и технику ее орнаментации. Так, изучение собранного материала показывает, что орнаментальный узор и его тематика были довольно просты и однообразны. Техника нанесения орнамента сводится, по существу, к трем приемам: прочерки палочки, отиски гребенки (мелкой, средней и крупно-зубчатой) и скобообразные, подтреугольные и клиновидные вдавления различной величины. Отисков веревочки, шнура или тесьмы не отмечалось ни разу. Иногда перечисленные выше приемы украшения сочетались в различные комбинации. Сам рисунок также не отличается многообразием форм. Чаще всего встречаются зигзагообразные узоры, треугольники с заштрихованной поверхностью, косые или пересекающиеся линии и другие немногочисленные сюжеты. Нередко эти композиции находятся в сочетании друг с другом (рис. 5—7). Следует отметить также и то обстоятельство, что орнамент наносится только на верхнюю часть сосуда, никогда не опускаясь на нижнюю половину.

По своим типологическим формам посуда с поселения Гуселька-II не отличается многочисленностью — она может быть сведена к двум ведущим формам. Первой и наиболее распро-

⁹ Материалы не опубликованы.

¹⁰ Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 118.

¹¹ Т. В. Попова. Памятники срубной культуры в окрестностях села Быкова. — МИА, 1960, № 78, стр. 278.

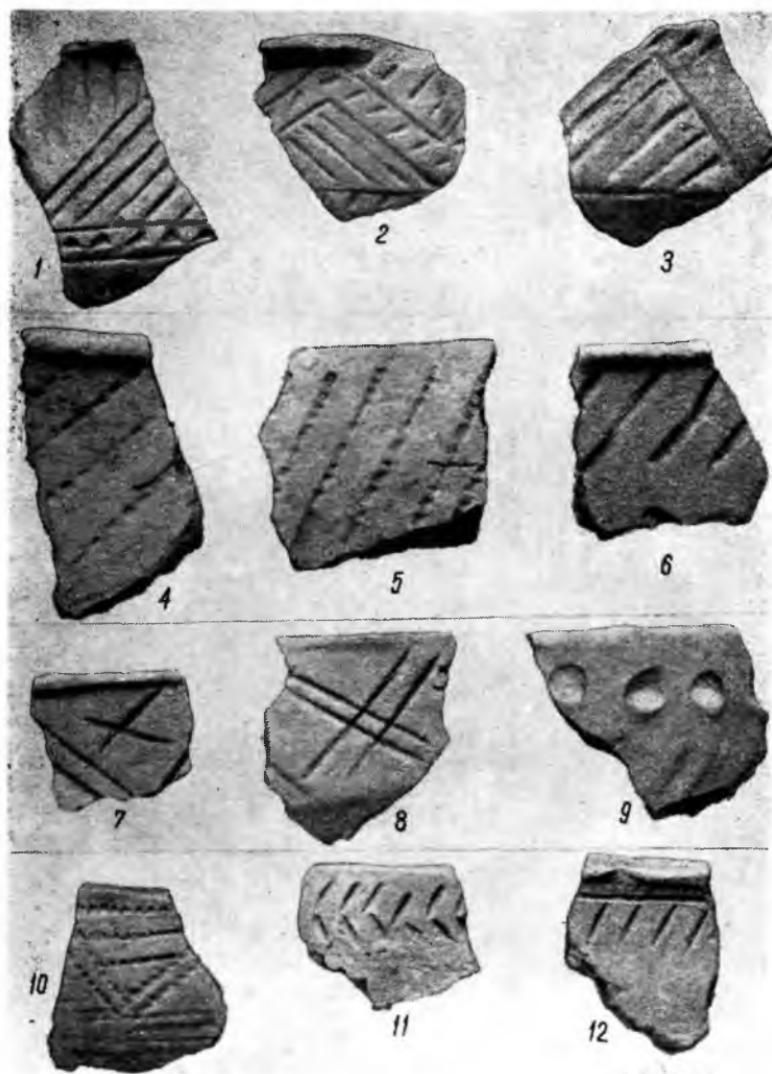

Рис. 5. Керамика срубной культуры поселения Гуселка-II.

Рис. 6. Образцы фрагментов керамики с поселения Гуселка-II.

странный формой являлись баночные горшки с более или менее округлыми стенками. По своим размерам эта категория посуды различна: она включает как крупные корчаги, так и небольшие банки. Важно отметить, что «кухонная» посуда, то есть большие корчаги и горшки, как правило, не орнаментирована. Что касается «столовой» или «парадной» посуды, то она по размерам не велика, но зато богаче орнаментирована.

Рис. 7. Обломок глиняного горшка с поселения Гуселка-II.

Во вторую группу может быть объединена посуда с заметно выраженным ребром в верхней части корпуса. Размеры посуды этой группы небольшие, но, в отличие от кухонных горшков баночной формы, поверхность ее лучше обработана и всегда орнаментирована. Рисунок при этом никогда не опускается ниже ребра. В количественном отношении горшки с островерхими стенками весьма немногочисленны: на изучаемом поселении они обнаруживались не более 15 раз.

Большое количество обломков венчиков, собранных на поселении, позволяет судить не только об их обработке, но и о профилировке стенок. Так, в подавляющем большинстве случаев обрез венчика делался прямым в горизонтальной плоскости. В отдельных случаях край слегка утончался вверху и отгибался наружу. И, наконец, нельзя не отметить и то, что среди керамической продукции почти полностью отсутствует посуда, украшенная под венчиком валиками: из 300 обломков венчиков в нашем распоряжении имеется всего лишь два та-

ких экземпляра. Валики сделаны под отворотами венчика и украшены горизонтально вытянутыми ромбовидными узорами, выполненными гребенчатыми оттисками (рис. 8).

Перечисленные выше формы посуды, орнаментальный узор и техника его исполнения для Нижнего Поволжья являются обычными: они хорошо известны как в погребальных комплексах, так и на поселениях срубной культуры Заволжья — Успенка, Максютово, Осинов Гай¹². Из ближайших поселений срубной культуры, расположенных непосредственно на берегах

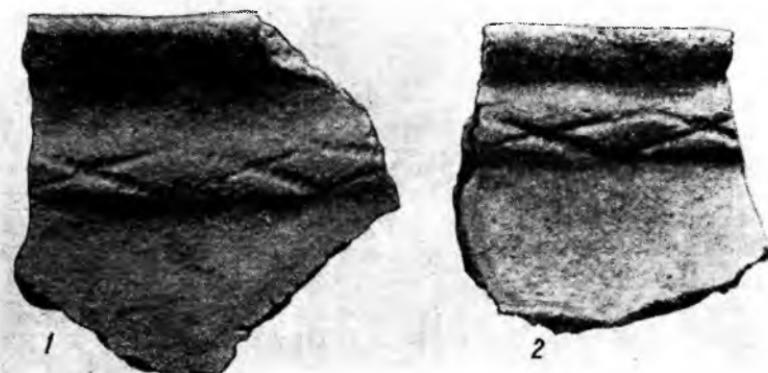

Рис. 8. Фрагменты сосудов с валиком с поселения Гуселка-II.

Волги, особенно близка аналогия керамического материала с Покровского поселения, расположенного напротив поселения Гуселка-II, близ устья реки Саратовки, на левом берегу Волги.

Большое количество обломков посуды позволяет в деталях проследить за технологией ее изготовления. С этой точки зрения, а также с точки зрения обработки наружной и внутренней поверхности стенок, вся керамика довольно однородна. Прежде всего она изготовлена вручную, без помощи гончарного круга. Стенки толстые (иногда до 1,5 см), грубо обработаны. Снаружи и изнутри хорошо видны косые или круговые следы заглаживания щепой, пребенкой или мокрой тряпкой. Наружная поверхность шероховатая и в большинстве случаев имеет коричневый цвет различных оттенков.

К категории керамической продукции, найденной на посе-

¹² И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. — СА, 1949, XI. Его же. Указ. соч., стр. 196.

лении Гуселка-II, относится и фрагмент биконического глиняного пряслица высотою 3 см. Диаметры оснований равны соответственно 4,5 и 4 см. Боковая поверхность пряслица украшена четырьмя рядами мелких ямочек (рис. 9/4). Глиняные пряслица известны и на других поселениях срубной культуры Нижнего Поволжья. В качестве примера можно указать на перечисленные выше поселения Заволжья.

Каменные изделия весьма немногочисленны: они представлены тремя небольшими обломками песчаниковых зернотерок с отчетливо сработанными поверхностями. Толщина зернотерок не превышает 5 см. Кроме того, сюда же следует включить и небольшой растиральник булкообразной формы.

Среди костяных изделий наиболее выразительным является псалий из трубчатой kostи, расколотой вдоль. Его длина 9,5 см. Лицевая сторона выпуклая и хорошо заполирована. На внутренней стороне по продольным граням вырезано по 6 зубцов. «Головка» псалия длиною 4 см, слегка сужена. Она заканчивается упором в виде полукруглого рельефного валика, шириной 0,5 см, который делит псалий на две асимметричные части. Длина нижней половины 5 см. Здесь, в центре, просверлено круглое отверстие для продевания ремня. Его диаметр равен 1 см. Вокруг этого отверстия расположены три концентрических окружности, но это не орнаментальный узор, а, видимо, результат трения ремня о kostь. Ближе к нижнему концу псалия в боковой стенке, перпендикулярно центральному отверстию, просверлено еще одно отверстие меньшего диаметра. Кроме того, на верхней части, в «головке», по дуге имеется еще три отверстия (рис. 9/1).

Костяные псалии на территории Нижнего Поволжья встречаются сравнительно редко. Тем не менее они известны как на поселениях, так и в погребениях срубной культуры.

В известной работе К. Ф. Смирнова дана сводка находок изделий этого рода¹³. Данное обстоятельство избавляет нас от излишних повторений. Вместе с тем следует добавить, что в последнее время два близких по форме псалия были обнаружены Н. Н. Чередниченко на поселении срубной культуры Капитаново-I Луганской области¹⁴. Наш псалий входит в единую группу, которая выделена К. Ф. Смирновым в самостоятельный тип прямых псалиев. Этот тип был распространен на об-

¹³ К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках по-волжско-уральских степей. — СА, 1961, I, стр. 46—72.

¹⁴ Н. Н. Чередниченко. Поселение срубной культуры на Луганщине. — СА, 1970, I, стр. 233—238.

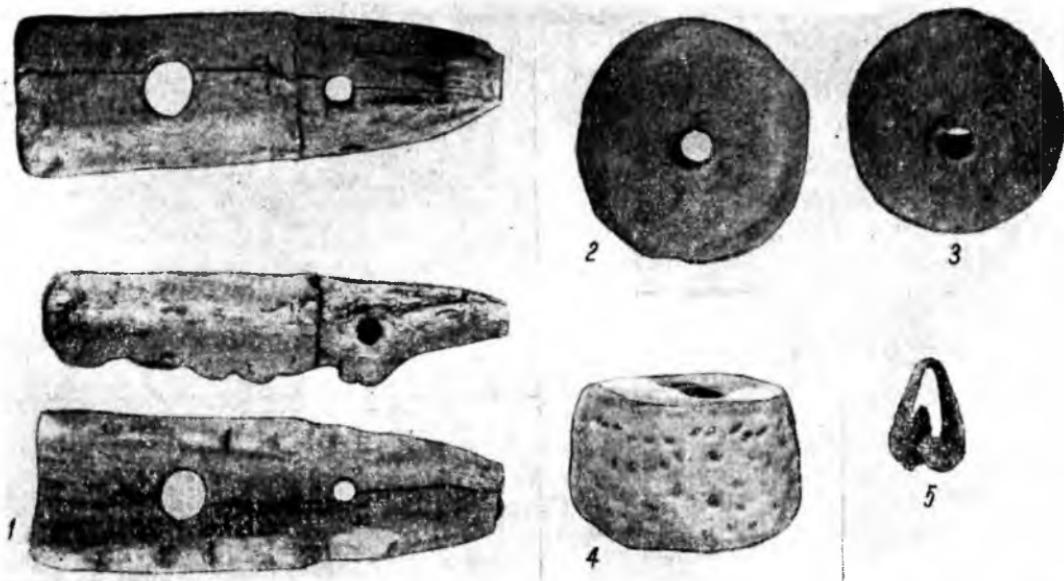

Рис. 9. Предметы, найденные на поселении Гуселка-II. 1 — костяной псалий; 2, 3 — костные прядильца; 4 — глиняное прядильце; 5 — бронзовая подвеска.

широкой территории евразийских степей. К. Ф. Смирнов датирует их в пределах XV—XII вв. до н. э. Такая датировка основана на сходстве костяных псалиев поволжско-уральских степей с венгерскими типами фюзешабонь и переднеазиатскими экземплярами, сделанными из бронзы. Однако Н. Н. Чередниченко считает возможным пересмотреть конечную дату существования псалиев рассматриваемого типа в пользу удлинения и отнести ее не к XII, а к XIV в. до н. э.

Кроме псалия, на поселении Гуселка-II найдено два костяных прядильца, изготовленных из эпифизов бедренных и плечевых костей крупного рогатого скота (рис. 9/2, 3). Размеры их обычны: диаметр основания в одном случае равен 4,7 а в другом — 4,3 см, высота соответственно 1,5 и 2,3 см. Диаметр вершины составляет 3,5 и 1,8 см. В центре каждого прядильца в вертикальной плоскости просверлено по одному отверстию для продевания деревянных стержней. Костяные прядильца неоднократно обнаруживались и на других поселениях срубной культуры Среднего и Нижнего Поволжья. Известны они также на Дону и в Приуралье. Так, например, они входят в состав бытового инвентаря таких поселений, как Осинов Гай и Заволжье, Утес Степана Разина у села Белогорского Красноармейского района Саратовской области, Комаровка у Моченного Озера Куйбышевского Поволжья и целого ряда других мест¹⁵.

Для выяснения хозяйственной деятельности населения, оставившего поселение Гуселка-II, большое значение имеет изучение костей животных. Этот материал позволяет с неоспоримостью заявить, что в состав домашнего стада обитателей изучаемого поселения входил крупный и мелкий рогатый скот, а также лошадь и собака. Короче говоря, населению Гуселки-II были известны все основные виды домашнего скота. Изучение костного материала еще не завершено, поэтому количественное соотношение между различными видами скота внутри стада остается пока еще не вполне ясным. Однако можно полагать, что это соотношение мало чем отличалось от тех данных, которые получены для Заволжских поселений Максютово, Успенка и Осинов Гай. В целом же уже сейчас можно совершенно определенно говорить о том, что роль скотоводства в хозяйстве срубных племен Нижнего Поволжья была значительной.

¹⁵ А. Е. Алихова. Комаровское поселение у Моченного Озера. — МИА, № 61, стр. 164, рис. 6/2; стр. 165. Материалы с Утеса Степана Разина не опубликованы.

Другой важной отраслью хозяйства жителей Гуселки-II являлось земледелие. Правда, орудий труда по своему функциональному назначению, связанных с обработкой почвы под посев (мотыги) и уборкой урожая (серпы), здесь не найдено. Данное обстоятельство, однако, вовсе не означает, что «срубники» не занимались земледелием. Во-первых, каменные или роговые мотыги встречаются крайне редко — до настоящего времени их найдено всего лишь несколько экземпляров. В связи с этим некоторые исследователи считают, что в качестве орудий для обработки почвы могли использоваться деревянные палки-копалки, которые по условиям местности не дошли до нашего времени¹⁶. Сравнительно редко попадаются также и бронзовые серпы: металл ценился дорого, поэтому сломанные изделия не выбрасывались, а пускались в переплавку. Мало выразительны и немногочисленны орудия труда, предназначенные для размола зерна культурных злаков и плодов диких растений (желуди, орехи и пр.). Все это вместе взятое говорит, видимо, о том, что скотоводство в хозяйстве населения Гуселки-II являлось доминирующей отраслью.

Находки на всех известных поселениях срубной культуры Нижнего Поволжья, в том числе и на Гуселке-II, костяных, глиняных и каменных пряслиц-маховичков от веретена в сочетании со сравнительно высоким процентом овец и коз в составе домашнего стада подтверждают мысль о наличии прядения, а следовательно, и ткачества у «срубников». Кроме пряслиц, имеются и другие доказательства прядения и ткачества у племен срубной культуры: в жилище № 3 на Успенском поселении было обнаружено глиняное прузило от ткацкого станка¹⁷. Таким образом, даже несмотря на то, что образцы тканей ни в погребениях срубной культуры, ни на поселениях этого же времени до сих пор не найдены, вопрос о наличии ткачества и прядения у населения Нижней Волги второй половины II тыс. до н. э. должен решаться положительно.

Шкуры животных также широко использовались в домашнем быту. Из них изготавливались сбруя, обувь, а возможно, и одежда. О широких масштабах обработки шкур свидетельствуют довольно частые находки «тупиков» — инструментов, предназначенных для разминания кож. Тупики делались из нижних челюстей коров. На Гуселке-II они не найдены, зато на других поселениях эпохи бронзы Нижнего Поволжья, До-

¹⁶ П. Д. Степанов. Из истории земледелия в Нижнем Поволжье. — ТСОМК, вып. I, Саратов, 1956, стр. 86 и сл.

¹⁷ И. В. Синицын, Указ. соч. — СА, XI, стр. 214.

на, Северного Причерноморья и Южного Урала они являются непременными находками¹⁸.

Несмотря на сравнительно ограниченный материал, полученный на поселении Гуселка-II, все же тип жилищ, отдельные находки и особенно керамический материал имеют много аналогий в других поселениях срубной культуры. В заключение можно уверенно сказать, что данное поселение содержит ярко выраженную однородность основных элементов культуры, которая характерна для срубных племен Нижнего Поволжья, хронологически относящихся ко второй половине II тыс. до н. э., видимо, ближе к его концу.

В. И. КАЦ

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ УСАДЕБ НА ГЕРАКЛЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Усадьбы Гераклейского полуострова являются уникальными памятниками античного земледелия. Они привлекли внимание ученых уже с конца XVIII века. По мере ознакомления, часто поверхностного, с остатками этих сооружений исследователи высказывали различные предположения об их назначении и времени возникновения¹. Только широкие археологические изыскания, проведенные на Гераклейском полуострове главным образом в последние десятилетия², позволили воссоздать историю земледелия античного Херсонеса. Эта задача была поставлена и успешно решена С. Ф. Стржелецким, кото-

¹⁸ М. П. Грязнов. Землянки бронзового века близ хутора Лапичева на Дону. — КСИИМК, 1953, вып. 50, стр. 142. Его же. К вопросу о культурах эпохи бронзы в Сибири. — КСИИМК, 1956, вып. 64, стр. 40.

И. В. Синицын. Указ. соч. — МИА, № 169, стр. 197, рис. 1.

¹ История изучения памятников Гераклейского полуострова с исчерпывающей полнотой изложена Н. И. Репниковым в одной из глав неопубликованного «Гераклейского сборника» (Арх. ЛОИА, ф. 35, оп. 2, арх. № 452) и С. Ф. Стржелецким в первой главе монографии «Клеры Херсонеса Таврического», Симферополь, 1961.

² Н. М. Печеникин. Археологические разведки местности страбоновского старого Херсонеса. — ИАК, вып. 42, СПб., 1911; И. Бороздин. Новые археологические открытия в Крыму. — «Новый Восток», 1925, № 1 (7); К. Э. Гриевич. Раскопки Гераклейской экспедиции 1928 г. — «Крым», 1928, № 2 (8). Его же. Отчетная выставка результатов раскопок Гераклейской экспедиции (7 авг. — 4 сент. 1929 г.). Севастополь, 1929. Его же. Исследование подводного города в 1930—31 гг. близ Херсонес-

рый вскрыл различные стороны организации сельскохозяйственного производства эллинистического Херсонеса³.

Значительное место в его работе отведено выяснению времени размеженания на клеры территории Гераклейского полуострова. С. Ф. Стржелецкий считает, что процесс освоения гражданами Херсонеса прилегающей к городу хоры прошел два этапа. Возникновение на западной оконечности Гераклейского полуострова (Маячный полуостров) ранних небольших клеров с неукрепленными усадьбами следует отнести к первой половине IV, возможно, даже к рубежу V—IV вв. до н. э.⁴ Появление укрепленных усадебных комплексов на остальной территории полуострова связывается с размежевкой ее на клеры среднего размера единовременно в начале III в. Дату этого кардинального изменения облика всей сельскохозяйственной территории Херсонеса С. Ф. Стржелецкий аргументирует тем, что в округе города, исключая Маячный полуостров, не обнаружено усадебных зданий, возникновение которых можно было бы отнести ко времени ранее начала III в. до н. э.⁶.

Выделение С. Ф. Стржелецким двух этапов освоения Гераклейского полуострова выглядит достаточно убедительно, но едва ли можно безоговорочно согласиться со всеми предложенными им датировками, так как не все группы раннего археологического материала, обнаруженного на усадьбах Гераклейского полуострова, были подвергнуты исчерпывающему анализу. Не повезло в этом отношении клеймам на керамической таре и черепице⁷. Между тем выделение из массы клеменного керамического материала наиболее ранних амфорных и

ского Маяка. М., 1931; В. П. Лисин. Обзор археологических раскопок Херсонеса в 1937 г. — ВДИ, 1939, № 2; С. Ф. Стржелецкий. Клер Херсонеса Таврического. — ВДИ, 1951, № 3. Его же. Пять клеров Херсонеса Таврического в III—II вв. до н. э. — СА, 1957, № 3. Его же. Усадьбы клеров Херсонеса Таврического II в. до н. э. — СА, 1958, № 4.

³ С. Ф. Стржелецкий. Клеры Херсонеса Таврического. Некоторые вопросы организации сельскохозяйственного производства освещены в более ранней работе В. Д. Блаватского «Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья». М., 1953.

⁴ С. Ф. Стржелецкий. Клеры Херсонеса Таврического, стр. 41 и сл.

⁵ Там же, стр. 158 и сл.

⁶ Там же.

⁷ С. Ф. Стржелецкий провел первичную обработку почти всех керамических клейм из усадеб Гераклейского полуострова. Клейма были списаны и разбиты по центрам. Однако работа с клеймами, видимо, не была доведена до конца. В монографии дается суммарная и далеко не полная харак-

черепичных штемпелей позволяет относительно точно определить время сооружения каждого из усадебных комплексов.

К настоящему времени известно более 300 керамических клейм IV—III вв. с усадеб Гераклейского полуострова, из них 26 клейм стоят на керамических изделиях, вышедших из гончарных мастерских Синопы, Гераклеи и Фасоса в IV в. до н. э. Основная масса ранних клейм принадлежит синопским астиномам I и начала II хронологических групп:⁸ 16 — на обломках черепицы, 5 — на амфорных ручках и одно — на горле пифоса. К середине IV в. до н. э. относится венец гераклейского пифоса с двумя одинаковыми двустрочными клеймами⁹. Тремя экземплярами представлены амфорные клейма Фасоса последней трети IV — начала III в. до н. э.¹⁰.

По местам находки клейма распределяются следующим образом.

Керамические клейма с неукрепленных усадеб Маячного полуострова¹¹.

В помещениях усадьбы № 1 обнаружено три обломка си-

теристика клейменого материала только по усадьбам Маячного полуострова и клеров № 25 и № 26 (см. С. Ф. Стрежельский. Клеры Херсонеса Таврического, стр. 34, 35, 38, 39, 101, 107).

⁸ Классификация и хронологическое определение групп синопских астиномов впервые были разработаны Б. Н. Граковым (Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1926). Позднее некоторые уточнения в хронологию начального периода синопского клеймения были внесены самим Б. Н. Граковым (Каменское городище на Днепре. — МИА, № 36, 1954, стр. 90); М. И. Максимовой (Античные города Юго-западного Причерноморья. М.—Л., 1956, стр. 161); В. И. Цехмистренко (Синопские керамические клейма с именами гончаров. — СА, 1960, № 3, стр. 66 и сл.), И. Б. Брашинским (Амфоры из раскопок Елизаветовского могильника в 1959 г. — СА, 1961, № 3, стр. 178 и сл.; Комплекс кровельной черепицы из раскопок Ольвийской агоры в 1959—60 гг. — В сб.: Ольвия. М.—Л., 1964, стр. 305 и сл.).

⁹ Новая хронологическая схема гераклейского клеймения недавно предложена И. Б. Брашинским (Керамические клейма ГераклеиPontийской. — НЭ, У, 1965).

¹⁰ Детальная хронологическая группировка клейм Фасоса пока не проведена, однако значительная работа в этом направлении проделана Б. Н. Граковым (Клейменая керамическая тара эпохи эллинизма. М., 1939. Архив ИА АН СССР, д. 538, стр. 220 и сл.); V. Grace (Early Thasian stamped amphorae. — AJA, v. L., 1946, N 1); Д. Б. Шеловым (Керамические клейма из находок в Фанагории. — МИА, 57, стр. 129 и сл.).

¹¹ Четыре усадебных здания на Маячном полуострове были исследованы в 1910—11 гг. Н. М. Печенкиным. Им опубликован только краткий отчет за 1910 г. (ИАК, вып. 42, 1911, стр. 116 и сл.). Рукописные материалы с описью керамических клейм, составленной Е. М. Придиком, хранятся в архиве Ленинградского отделения ИА АН СССР, ф. 27. Самыекерамические клейма находятся в фондах ГХМ.

нопских керамид с клеймами астиномов I хронологической группы (360—320 гг. до н. э.)¹².

К самому началу группы относятся два клейма: одно с именем астинома Эндема и керамевса Архептолема¹³ (табл. I—1); второе на керамиде, вышедшей из той же гончарной мастерской, близко по времени к первому¹⁴ (табл. I—2). Третья клейменная керамида была выпущена несколько позже в мастерской Аспазия при астиноме Гестиие¹⁵ (табл. I—3), исполнившем свои обязанности в 50-е годы IV в. до н. э. Таким образом, все три черепицы близки по времени и относятся к середине IV в. Вероятно, они были использованы при сооружении кровли усадьбы I строительного периода.

Среди вещественного материала из усадьбы клера № 2 нет клейм IV в. до н. э., что до некоторой степени можно объяснить тем, что здание раскопано не полностью¹⁶.

На усадьбе клера № 3 клейменная черепица не встречена, однако к IV в. относятся две синопские ручки с клеймами и горло гераклейского пифоса. Безастиномное клеймо (60-е годы IV в. до н. э.)¹⁷ на ручке амфоры содержит имя керамевса Порсейдона и эмблему астиномов I хронологической группы — орел клюет дельфина (табл. I—4). Концом IV — началом III в. до н. э. датируется клеймо на амфорной ручке с именем астинома середины II хронологической группы Дионисия и керамевса Гефестия (табл. I—5). Редкой находкой являются два обломка венца гераклейского пифоса с энглифическими двустroчными клеймами¹⁸. Оба клейма оттиснуты одним

Пятая усадьба в этом районе была обследована в 1931 г. К. Э. Григорьевичем («Исследование подводного города близ Херсонесского Маяка в 1930—1931 гг.» М., 1931, стр. 17—22). Однако здание не было раскопано до конца, а вещественный материал и документация не поступили в архив ГХМ.

¹² И. Б. Брашинский. Экономические связи Синопы в IV—II вв. до н. э. — «Античный город», М., 1965, стр. 133.

¹³ Фонды ГХМ, инв. № 15054.

¹⁴ Фонды ГХМ, инв. № 15053. Клеймо двустороннее, нижняя строка, в которой находилось имя астинома с предшествующим эпонимным предлогом, смазана. Подобный вариант легенды характерен для клейм самых ранних астиномов I хронологической группы: Эндема, Дионисия, Аполлодора.

¹⁵ Фонды ГХМ, инв. № 15052.

¹⁶ Н. М. Печеникин. Указ. раб. — ИАК, вып. 42, стр. 116.

¹⁷ Фонды ГХМ, инв. № 15264. Кратковременный период безастиномного клеймения, видимо, предшествовал появлению клейм с именами астиномов. См.: В. И. Цехмистренко. Указ. раб. — СА, 1960, № 3, стр. 66 и сл.

¹⁸ Фонды ГХМ, инв. №№ 15061, 15216.

Таблица 1

1

2

3

4

5

штампом и содержат имена Эратона и Лиситея. По классификации И. Б. Брашинского клейма такого типа относятся к середине IV в. до н. э.¹⁹.

Среди вещественного материала усадьбы клера № 4 находилось два клейма IV в. на ручках синопских амфор. Одно с именем астинома конца I хронологической группы (30-е годы IV в. до н. э.) Филона и керамевса Посейдона;²⁰ второе выпущено той же керамической мастерской уже при астиноме начала II хронологической группы Герониме²¹.

Керамические клейма с укрепленных усадеб Гераклейского полуострова²²

На усадьбе у Камышевой бухты обнаружена всего одна си-

¹⁹ И. Б. Брашинский. Указ. раб. — НЭ, IV, стр. 14.

²⁰ Фонды ГХМ, инв. № 15006.

²¹ Фонды ГХМ, инв. № 15280.

²² В фондах ГХМ в настоящее время имеются в наличии коллекции керамических клейм из раскопок двух усадеб у Камышевой и Стрелецкой бухт, проведенных в 1937 г. (См.: В. П. Лисин. Ук. раб. — ВДИ, № 2, 1939), и усадеб клеров № 25 и № 26 (С. Ф. Стржелецкий. Клеры Херсонеса Таврического, стр. 87 и сл.). Исследование усадеб в юго-западной и центральной части Гераклейского полуострова, проведенное в 20-е годы Н. И. Бороздиным и К. Э. Гриневичем, не было доведено до конца. Материалы не были обработаны и опубликованы. В фондах ГХМ сохранились только отдельные экземпляры клеймепой керамической тары III—II вв. из этих раскопок.

нопская черепица с плохо сохранившимся клеймом астинома I хронологической группы²³ (табл. II—1). Отсутствие раннего материала связано, по всей вероятности, с тем, что эллинистический слой вообще плохо сохранился, так как был уничтожен при последующих строительных работах²⁴.

На усадьбе у Стрелецкой бухты керамические клейма IV в. до н. э. составляют значительный процент клейменого материала. Здесь обнаружен венец синопского пифоса с клеймом астинома начала I хронологической группы Дионисия и керамевса Манея (середина IV в.)²⁵. Десятью экземплярами представлены клейменые синопские черепицы. Два клейма прочитать не удалось²⁶. Остальные восемь принадлежат астиномам конца I — начала II хронологических групп (20—10 гг. IV в. до н. э.). Самая ранняя клейменая черепица этой серии выпущена в керамической мастерской Невмения при астиноме подгруппы Б I хронологической группы Никомеде²⁷ (табл. II—2). По времени изготовления к этой керамиде близки две черепицы с одинаковыми клеймами, содержащими имена астиномов Гефестия и керамевса Манея²⁸ (табл. II—3). Две клейменые черепицы выпущены из мастерских керамевсов Дионисия (табл. II—4) и Синопия при астиноме конца I хронологической группы Диофанте²⁹. Следующее по времени черепичное клеймо принадлежит астиному переходного между I и II группами периода Протагору; в нижней его строке стоит имя керамевса Посейдона³⁰. Две последние клейменые керамиды выпущены уже при астиномах начала II хронологической группы: одна при астиноме Герониме в мастерской Икесия³¹, вторая в ма-

²³ Фонды ГХМ, инв. № 65/35818. Сохранилась только эмблема — орел, клюющий дельфина.

²⁴ В. П. Лисин. Отчет об археологических исследованиях памятников в районе Камышевой бухты в 1937 г. — Архив ГХМ, д. 530, л. 7.

²⁵ Фонды ГХМ, инв. № 1/35788. Клеймо двустороннее, в первой строке имя астинома введено эпонимным предлогом, эмблема — орел клюет дельфина. (См.: А. К. Тахтай. Античные клейменые пифосы из Херсонеса. — КСИИМК, вып. V, 1940, стр. 55).

²⁶ Фонды ГХМ, инв. № 1/35796, 2/35790.

²⁷ Фонды ГХМ, инв. № 1/35796.

²⁸ Фонды ГХМ, инв. № 14/35792, 76/35794.

²⁹ Фонды ГХМ, инв. № 6/35777 и 5/35777. Легенда в обоих клеймах идет вокруг эмблемы — голубя.

³⁰ Клеймо в настоящее время в фондах ГХМ отсутствует, но оно отмечено в описи находок под № 438 (А. К. Тахтай. Дневник раскопок 1937 г. у Стрелецкой бухты. — Архив ГХМ, дело № 351, л. 64).

³¹ Фонды ГХМ, инв. № 32/35784.

Таблица II

стерской Синопия³². Среди клейменого материала усадьбы имеется два штемпеля на ручках фасосских амфор. Легенда одного клейма не поддается восстановлению³³, второе содержит этникон и имя Аристида, надпись негативная³⁴ (табл. II—6). Это клеймо, очевидно, относится еще к концу IV в. до н. э.

Таким образом, в конце IV в. до н. э. рассматриваемая усадьба уже существовала. Дошедшая до нас черепица является остатками кровли здания. По клеймам сооружение кровли, а следовательно, и всего здания можно отнести к началу последней четверти IV в. до н. э.

При исследовании усадьбы клера № 26 С. Ф. Стржелецкий выделил два строительных периода в существовании здания. Ранняя усадьба, по его мнению, возникла где-то в начале III в. до н. э.³⁵. Действительно, основная масса клейм, в том

³² Фонды ГХМ, инв. № 51/35777. Первые две строки клейма смазаны, однако его принадлежность одному из первых астиномов II хронологической группы не вызывает сомнения.

³³ Фонды ГХМ, инв. № 1/35782.

³⁴ Фонды ГХМ, инв. № 16/35785.

³⁵ С. Ф. Стржелецкий. Клеры Херсонеса Таврического, стр. 102, 103.

числе и черепичных, принадлежит синопским и херсонесским астиномам III—II вв. до н. э. Однако два синопских черепичных клейма несомненно и одну фасосскую клейменную амфорную ручку предположительно следует отнести еще к концу IV в. до н. э.

Две клейменные синопские керамиды являются, по-видимому, остатками кровли здания первого строительного периода. Одна из них имеет клеймо, в первой строке которого стоит имя керамевса Формиона, во второй — Филоника, астинома середины I хронологической группы; в третьей — название магистратуры, эмблема — орел клюет дельфина³⁶ (табл. II—5). Вторая черепица выпущена гончарной мастерской Посейдония при астинуме самого начала II хронологической группы Протофане³⁷. Не исключено, что клеймо на фасосской амфорной ручке, содержащее в верхней строке этникон, а в нижней имя Алкеида (между строками легенды эмблема — канфар)³⁸, относится к концу IV в. до н. э.

Приведенные данные позволяют нам усомниться в предложенной С. Ф. Стржеleckim дате возникновения этого усадебного комплекса.

Расчистка помещений здания первого строительного периода в 1956 г. была только начата. Больше работы на усадьбе не проводились. Видимо, этим и объясняется столь небольшое число обнаруженных ранних клейм, но и эти единичные находки дают возможность предположить, что первоначально усадьба на клере № 26 возникла по крайней мере двумя-тремя десятилетиями раньше, чем это предполагает С. Ф. Стржеleckий.

Усадебное здание первого строительного периода на клере № 25 при позднейшей капитальной перестройке было разрушено почти полностью³⁹. Видимо, кровля усадьбы была разобрана и черепица с нее снята⁴⁰, поэтому среди вещественного материала количество обломков керамид и калиптеров незначительно, а клейменная черепица вообще отсутствует. Это затрудняет выяснение времени появления усадьбы в данном районе. Однако вряд ли случаен факт находки в одном из

³⁶ Фонды ГХМ, инв. № 15/36454. Правая часть клейма смазана, восстановлено оно по аналогии с целым экземпляром на черепице, хранящейся в фондах Евпаторийского краеведческого музея.

³⁷ Фонды ГХМ, инв. № 6/36449.

³⁸ Фонды ГХМ, инв. № 1/36462.

³⁹ С. Ф. Стржеleckий. Клеры Херсонеса Таврического, стр. 88.

⁴⁰ Там же, стр. 100.

помещений здания амфорной ручки с клеймом синопского астинома самого начала II хронологической группы Протофана и керамевса Филократа⁴¹. Не исключено, что эта усадьба, как и соседняя клера № 26, возникла также в последней четверти IV в. до н. э.

Таким образом, клейма на керамических изделиях, в первую очередь на черепице, представляют собой хотя и отрывочные, но в основном достаточно надежные свидетельства для выяснения времени возникновения большинства усадебных комплексов, исследованных к настоящему времени на Гераклейском полуострове.

Анализ раннего клейменого материала с усадеб подтверждает вывод о двух этапах освоения херсонесскими гражданами прилегающей к городу сельскохозяйственной территории.

Первоначальной размежевке на клеры была подвергнута территория Маячного полуострова. Клейменая черепица и амфорная тара, обнаруженные на неукрепленных усадьбах этого района, позволяют отнести это событие ко времени не ранее середины IV в. до н. э.

Освоение основной территории Гераклейского полуострова и создание здесь укрепленных усадебных комплексов происходит тремя-четырьмя десятилетиями позже, в первое десятилетие последней четверти IV в. до н. э. Найдки амфорных и черепичных клейм синопских астиномов конца I — начала II хронологических групп на всех достаточно полно исследованных усадьбах этого района не могут быть случайными. К концу IV в. вся территория полуострова интенсивно использовалась для нужд сельскохозяйственного производства.

Предложенная датировка находит подтверждение в целом ряде косвенных данных. С конца IV в. до н. э. Херсонес становится крупнейшим производителем вина в Северном Причерноморье. Здесь именно во второй половине IV в. возникает мощное керамическое производство, поставлявшее в большом количестве тару для хранения и перевозки вина. В конце IV в. появляется обычай клеймения херсонесской керамической тары⁴². Наконец, удается проследить появление в это же время херсонесского вина на рынках северопричерноморских греческих и варварских поселений.

⁴¹ Фонды ГХМ, инв. № 1/36290. Клеймо повреждено, но правильность чтения имен астинома и керамевса не вызывает сомнения. Эмблема — бородатая голова — стоит в правой части клейма.

⁴² Р. Б. Ахмеров. Об астиномах эллинистического Херсонеса. — ВДИ, 1949, № 4, стр. 109.

Все эти факты хорошо согласуются с предложенной датой размежевки на юлера основной территории Гераклейского полуострова.

В. Г. МИРОНОВ

ПОСУДА ГОРОДЕЦКОГО СЛОЯ БЕРЕЗНИКОВСКОГО ГОРОДИЩА

(Предварительное сообщение)

Березниковское городище давно известно исследователям раннего железного века. Часть его открытия и первоначального изучения принадлежит членам Саратовской ученой архивной комиссии, в первую очередь С. Н. Чернову и С. А. Щеглову¹. С. А. Щеглов неоднократно обследовал данный памятник, произвел его подробные раскопки², снял его план и дал описание находок. Его данные и по настоящее время являются основным источником для характеристики интересующего нас городища, поскольку с тех пор археологических раскопок на нем больше не проводилось.

Еще недавно Березниковское городище считалось двуслойным памятником³, верхний культурный слой которого золотоордынский⁴, нижний — эпохи раннего железа (городецкий). Однако коллекции керамики с него в фондах Саратовского музея позволяют предположить наличие и слоя эпохи бронзы.

Самый массовый вид находок на городецких городищах — лепная керамика. Общеизвестно, что при ее анализе самым результативным и точным является статистический метод исследования. Поэтому он и положен в основу изучения керамики раннего железного века с Березниковского городища. Материал керамики состоит из 590 обломков посуды.

По основным видам керамика распределяется следующим образом: «сетчатая» около 6,9%, «рогожная» — до 33,3%, глад-

¹ С. А. Щеглов. Предварительные археологические разведки у селений Кошели и Березники, Вольского уезда. ТСУАК, 1912, вып. 29, Саратов, стр. 93—107.

² По моим подсчетам, членами СУАК была вскрыта площадь не более 130 м². Раскопки не были доведены до материала.

³ См., например, П. Д. Степанов. Хвалынские городища. ТСОМК, 1960, вып. 3, Саратов, стр. 76. В списке Березниковское городище под № 12.

⁴ Судя по находкам монет, золотоордынское поселение существует здесь с последней четверти XIII в. до второй половины XIV в.

кая с защипами или зарубками по краю венчика — до 6,2%, черепки от боковых стенок и днищ гладкостенной посуды — 53,6%.

По частям сосудов обломки распадаются на венчики, боковые стенки и днища.

Большинство венчиков имеют отгиб, около 20% — прямые и 10,6% западают внутрь горла. Все венчики от сосудов либо с короткими, либо со слегка удлиненными шейками, исключений мало.

Несколько общих замечаний, касающихся технологии.

П р и м е с и. Для отощения жирных глин в качестве примесей чаще всего употреблялись дробленый галечник в виде крошки или мелкого щебня от камешков, белые известково-ракушечные включения, крупнозернистый песок, дресва (гравитная, кварцитовая или песчаниковая крошка), шамот, растительные остатки. В подавляющем большинстве случаев встречаются первые две группы примесей в сочетании друг с другом.

О б ж и г: При определении его степени не принимается во внимание его цвет. Критерием было отношение толщины проектированной части черепка к общей толщине его: если менее $\frac{1}{4}$ — обжиг слабый, около $\frac{1}{3}$ — обжиг средний, больше $\frac{1}{3}$ — обжиг сильный.

Перейдем непосредственно к анализу различных видов керамики.

«Сетчатая» керамика (табл. 1)

Представлена четырьмя венчиками от трех сосудов, обломком днища и 37 фрагментами боковых стенок посуды. В основу анализа положена последняя, самая многочисленная группа черепиков.

Судя по данным таблицы, среди «сетчатой» керамики преобладает тонкостенная посуда с сильным обжигом, двумя основными группами примесей. Около половины фрагментов посуды имеет обычные «сетчатые» отпечатки, несколько меньше приходится на долю «струйчатых» отпечатков и сравнительно немного черепков с грубыми «бороздчатыми» отпечатками, напоминающими следы от тонкой бечевки.

Для самых толстостенных сосудов, по-видимому, более характерны четкие или размытые отпечатки тонкой «сетки», а для посуды с толщиной стенки до 7 мм — «струйчато-волокнистые» и «бороздчатые» отпечатки. Обжиг толстостенных черепков при этом значительно сильнее, чем у тонкостенных. Цвета

Таблица I

**Сравнительная характеристика некоторых технологических признаков
городецкой керамики Березниковского городища**

Толщина черепка в мм	Обжиг			Примеси			Заглаживание внутрен- ней поверхности													
	не определ.	до 5	5—7	7—9 и более	отсутств.	слабый	средний	сильный	лобленые камешки	известко- во-раку- шечные	крупнозер- нистый песок	шамот	дресна (кварц, гранит)	растительн.	не опред.	мягким предметом	в том числе пальца- ми	грубой тканью?	твердым предметом	зубчатым штампом
3	8 21,6	13 35,1	13 35,1	1 24,3	9 8,1	3 65,0	24 91,9	34 99,1	34 99,1	5	2	1	1	3	34 91,9	12 35,3				
«Сетчатая» керамика																				
2 1,0	93 47,2	102 51,8		2 11,7	22 11,2	152 77,2	196 99,5	191 96,9	6	5	3	2		194 98,5	50 25,8		2	4		
«Рогожная» керамика																				
26 10,8	69 29,2	141 60,0	3	21 9,0	23 9,7	189 80,1	236 100,0	220 93,2	5	3	2		2	232 98,3	31 13,1	12	2			
Гладкостенная керамика																				

сильного обжига — кирпичный разных оттенков, реже — темно-серый. Сравнительно редко встречается серый и черный прокал. Все это вместе взятое позволяет говорить об определенной связи между толщиной стенок «сетчатой» посуды, обработкой ее внешней поверхности и обжигом, другими словами, о различной технологии изготовления «сетчатой» посуды.

Незначительное количество фрагментов «сетчатой» керамики позволяет все же предположить, что для этой посуды (кухонной) характерны или выпуклые горшки среднего размера, иногда с дырочками на шейке или верхней половине туловища; или сосуды того же размера с ярко выраженным плечиками, а также маленькие баночные сосуды и корчаги. Судить о процентном соотношении различных форм «сетчатой» посуды на городище пока не представляется возможным.

«Рогожная» керамика (табл. 1)

Представлена 20 венчиками, 4 обломками и одним целым днищем и 172 фрагментами боковых стенок сосудов. В основе анализа положены обломки боковых стенок, но учитывались также венчики и сопредельные с днищами стенки.

Обжиг. Основной цвет его — кирпичный разных оттенков. Менее 10% черепков имеют двусторонний обжиг, остальные — только наружный. Около трети черепков со слабым обжигом — серого цвета различных оттенков; что касается обломков со средним и сильным обжигом, то подобный цвет встречен лишь у 15% черепков.

Примеси. 94% всех черепков имеют в тесте в качестве отощителей каменную крошку в сочетании с белыми известняково-ракушечными включениями. Другие виды примесей, в том числе и в качестве единственных, сравнительно редки.

Заглаживание поверхности. Только у 4% черепков, склоненных внутри мягким предметом, можно проследить грубое заглаживание, предположительно толстой тканью. Случай употребления зубчатого штампа или какого-либо твердого предмета для заглаживания внутренней поверхности «рогожных» сосудов тоже единичны. Что касается внешней поверхности, то у 27% черепков заметно, что мастер затирали отпечатки штампа, для чего применялись, по-видимому, тряпочка и реже — пальцы. Лишь в одном случае это было заглаживание шейки сосуда зубчатым штампом.

Уплотнение стенок посуды. Основным инструментом при уплотнении стенок посуды является мелкозубчатый штамп площадью отпечатка одного зубца до 10 mm^2 . Его мно-

гократные отпечатки более всего характерны для самых тонкостенных и толстостенных черепков. Тонкостенная посуда в четыре раза чаще уплотнялась крупнозубчатым штампом, чем средне- и толстостенная.

По формам венчиков, крупным обломкам боковых стенок и частично сопредельным стенкам днищ можно реконструировать следующие основные типы и формы «рогожных» сосудов.

Однако подобная реконструкция весьма условна, поскольку в нашем распоряжении нет ни одного реставрированного «рогожного» сосуда с Березниковского городища).

Баночные сосуды: 1) «Обычные» широкогорлые сосуды со слегка раздутым туловом, венчики прямые, реже — немножко отогнутые наружу или слегка западающие внутрь. Округлой формы венчиков нет. Диаметр горла не превышает 20 см. 2) Сосуды со слабо или хорошо выраженным плечиками. В первом случае венчики прямые или западающие внутрь, редко — чуть отогнутые; во втором случае — в разной степени отогнутые наружу, изредка прямые. Края венчиков иногда имеют поверху отпечатки штампа, у одного есть ногтевой защип. Диаметр горла таких сосудов был в пределах 10—20 см.

Выпуклые сосуды. Собственно говоря, пока горшки на Березниковском городище не встречены. К подобному типу посуды мы относим либо сосуды с четкими заплечиками, спускающимися к середине туловса, либо переходную от баночных к выпуклым сосудам форму, несколько напоминающую подобную на Льговском городище⁵, только с более раздутым туловом. Размеры сосудов этого типа обычно небольшие.

Корчаги повторяют форму сосудов с плечиками. Диаметр горла их превышает 25 см. Обломки от них встречаются редко.

К сожалению, по столь небольшому материалу трудно судить о соотношении различных типов и форм «рогожной» посуды в городецкой керамике. Можно лишь отметить преобладание сосудов с заплечиками.

Недостаточность материала все же позволяет выявить некоторые отличия в технологии изготовления «рогожных» сосудов различных типов.

Обжиг. У черепков от выпуклых сосудов и сосудов с плечиками обжиг встречается чаще, чем у черепков от собственно баночных сосудов. Возможно, это связано с тем, что эти сосуды были кухонными, то есть чаще попадали на огонь. Средняя степень обжига в два раза чаще встречается у ба-

⁵ А. Л. Монгайт. Рязанская земля, М. 1961, стр. 39, рис. 6.

ночных сосудов. Упоминавшийся ранее серый цвет обжига характернее для черепков от сосудов с плечиками. При этом внутренняя их поверхность часто имеет темно-кирпичный или же черный цвет.

П р и м е с и. Редко встречающиеся их виды содержатся преимущественно в черепках от сосудов с плечиками.

Употребление штампа. Мелкозубчатый штамп все-го чаще употребляется при изготовлении горшковидных сосудов, средне- и крупнозубчатый более свойственны баночным сосудам. Для уплотнения стенок сосудов с плечиками и горшковидных древние мастера иногда употребляли несколько штампов, что почти не встречается у баночного типа сосудов. В уплотнении оснований сосудов большую роль играли мелко-и среднезубчатые штампы.

Если на Хвалынских городецких городищах был встречен лишь один обломок «рогожного» сосуда с дырочками на шейке (характерная деталь на ранней городецкой керамике Рязанской области), то на Березниковском городище их обнаружено уже три. Продельвались они по сырому тесту с наружной стороны преимущественно конусовидными остриями и имели диаметры 2×2 , 6×4 и 8×4 мм. Если принять во внимание преобладание Т-образных форм венчиков «рогожных» сосудов как следствие их специального уплотнения (под крышку?), то с утилитарной точки зрения назначение дырочек понятно — для выхода пара.

В особую группу выделены гладкостенные сосуды с зарубами-насечками или защипом по обрезу венчика. Их основным признаком является «орнаментированная» данными приемками закрайка сосуда. В коллекции городецкой керамики с Березниковского городища она представлена 18 обломками с зарубом или насечкой по краю, иногда обрезу венчика; 19 фрагментами с пальцевыми и 10 с ногтевыми защипами по краю венчика. Венчики чаще всего округлые и хорошо отогнутые, исключений немного.

Зарубки или насечки по краю венчика, вероятно, более всего свойственны корчагам и крупным горшкам и меньше — баночным сосудам. Ногтевые защипы «украшали» преимущественно горшки различных размеров (чаще средних) и корчаги. Здесь следует отметить две особенности: а) ногтевые защипы чаще идут справа налево, чем слева направо; б) на этой посуде сравнительно чаще встречаются однотипные — средним диаметром 4 мм — дырочки по шейке или переходу в горло сосуда, образованные путем прокалывания его уже

слегка подсохших стенок как снаружи, так и изнутри. Наконец, пальцевые защипы больше присущи горшкам⁶ или сосудам с ярко выраженным плечиками малого и среднего размеров, очень редко — корчагам.

Описываемая керамика с защипами и зарубками по краю венчика в основном чужда городецкой и по «орнаментации»⁷, и по форме сосудов, и по обжигу, хотя можно говорить о ее некотором воздействии на городецкую посуду⁸. Все это позволяет считать ее инородной, но синхронной по времени городецкой посуде. Ближайшие и довольно четкие аналогии ей находятся в культурных слоях памятников Среднего Дона, связанных с «будинами» Геродота⁹.

Неорнаментированная керамика (табл. 1)

Представлена 38 обломками днищ, 32 фрагментами венчиков и 236 черепками от боковых стенок сосудов¹⁰. В основу технологического анализа положены боковые стенки — наиболее массовый материал гладкой керамики.

Большинство черепков имеет обжиг кирпичного цвета; около одной трети их — с очень хорошей (подложенной) внешней поверхностью темно-желтого и близких к нему цветов, значительно меньше обломков с серым цветом обжига. У некоторых черепков, где обжиг отсутствует или очень незначителен, тесто черное. Основная масса обломков имеет комбинированные примеси: известково-ракушечные с камешковой крошкой.

Внутренняя поверхность у трети всех фрагментов (обычно это обломки самых крупных сосудов) слажена хуже, чем внешняя. Некоторые данные позволяют предположить, что традиция применять для уплотнения стенок посуды зубчатый

⁶ Представление о них дает экспонируемый в Саратовском музее краеведения реставрированный сосуд с Березниковского городища (из раскопок С. А. Щеглова).

⁷ На Хвалынских городищах она пока не встречена. Известен лишь один такой черепок с одного из городецких селищ на берегу Волги.

⁸ Рамки статьи не позволяют остановиться на этом подробнее.

⁹ См. П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону. — САИ, вып. Д1-31, М., 1965. А. И. Пузиков. Поселения Среднего Дона. МИА, № 151, М., 1969. П. Д. Либеров. Проблема будинов и геллонов в свете новых археологических данных. — Там же.

¹⁰ В это число могло попасть значительное количество черепков от боковых стенок и днищ упоминавшихся выше сосудов с зарубками и защипами, поэтому характеристика гладкостенной керамики весьма приблизительна.

штамп с оставлением на поверхности его отпечатков постепенно изживает себя.

Среди неорнаментированной посуды имели распространение все типы и формы сосудов.

Фрагментарный материал керамики городецкого слоя Бerezниковского городища пока не позволяет судить о количественном соотношении типов посуды, ее основных формах, и т. д. Однако можно предположить (см. табл. 1), что технология изготовления «сетчатой», «рогожной» и гладкостенной посуды была не одинакова.

Прочие керамические изделия

К ним можно отнести два грузила и три пряслица (рис. 1).

Одно из грузил имеет грушевидную форму с нечетко выраженнымными гранями, другое — уплощенно-пирамidalной

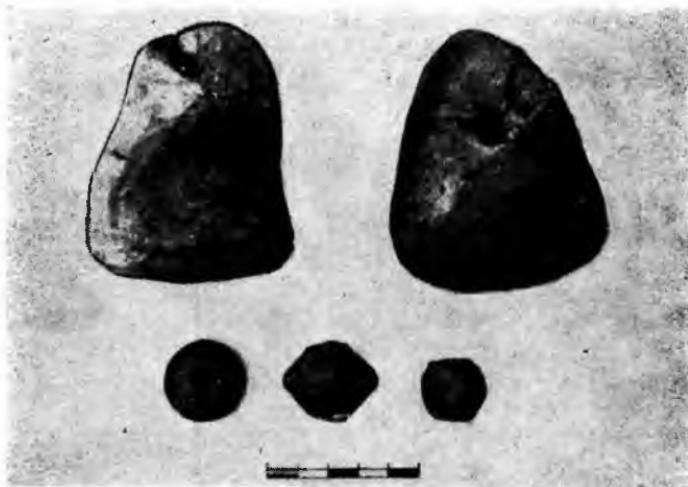

Рис. 1.

формы. Первая форма грузил необычна для городецких памятников Нижнего Поволжья, вторая, более характерная для ранних рязанских памятников, встречается здесь изредка. Оба грузила находились в работе, о чем свидетельствует выработка в верхней части их отверстий.

Пряслица представляют три обычных и широко распространенных типа: уплощенно-коническое, биконическое и округлое со срезанными гранями.

Что касается хронологии рассматриваемого городецкого памятника, то по аналогии с рязанскими памятниками и при сопоставлении его керамического комплекса с Хвалынским¹¹ можно предположить, что начальный период его существования не мог быть древнее третьей четверти 1 тыс. до н. э.

P. A. СТРУЧАЛИНА

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК ГОРОДИЩА ПАТРЭЙ (По материалам археологических исследований 1968—1969 гг.)

Раскоп 1968—1969 годов¹ представляет собой компактную площадь размером около 320 квадратных метров. В новейшее время на месте раскопа была произведена значительная подрезка грунта, вследствие чего объекты средневекового слоя подходили к поверхности, а некоторые, видимо, были разрушены. Однако в целом средневековый слой VIII—X вв. н. э. сохранился вполне удовлетворительно. Непосредственно под ним залегал позднеантичный, почти не поврежденный слой. Подобная стратиграфия слоев позволяет поставить вопрос о преемственности между античностью и средневековьем.

Позднеантичный слой III—IV веков н. э. достигает мощности 1 м. Грунт его — суглинок, в основном серовато-коричневого цвета с интенсивными мусорно-золистыми включениями, желто-глиняными пятнами.

Строительные остатки слоя более или менее многочисленны, но в западной части раскопа сильно разрушены, а в восточной довольно полно сохранилась часть строительного комплекса, представленного пересечением фундаментов 12—13 и 11,8 и 27 и фундаментов 41, 52, 53 и 55 (рис. 1 и 2).

Фундамент 13 обрывается у берегового откоса; длина его 4,70, ширина в среднем — 0,66, высота — 0,45 м. Горизонтальная его подошва — на глубине 1,60 — 1,70 м от современной

¹¹ В. Г. Миронов. Псевдорогожная керамика Хвалынских городищ. В печати.

¹ В 1968 г. и в предыдущие годы Саратовский отряд работал в составе Таманской экспедиции Института археологии АН СССР (руководитель старший научный сотрудник Н. И. Сокольский).

поверхности северного борта. Фундамент сложен в два панциря с забутовкой из необработанных разнородных (в основном известняков и плитняков) камней на глиняном растворе. От северного конца фундамента 13 под прямым углом к юго-западу отходит связанный с ним в переплет фундамент 11, сложенный в той же технике, но из несколько более крупных камней. Длина этого фундамента — 3,50 (западный конец оборван), ширина — 0,65, наибольшая высота 0,48 м.

Фундаменты 13 и 11 составляли две стороны помещения, посередине которого сохранилась часть каменной вымостки 36 размером $1,0 \times 0,86$ м, плотно сложенной из 7 камней-известняков. Трудно сказать, покрывала ли эта вымостка весь пол помещения: вероятнее, это была замощенная рабочая площадка.

С этим помещением связываются остатки очага 14, обнаруженные над вымосткой и около нее в виде площадки обожженной земли, золы, угольков, кусков сырцовых кирпичей, кусков раздавленных печин; размеры этой площадки составляют $1,50 \times 1,22$ м.

Стратиграфия и находки (фрагменты светлоглиняных и красноглиняных амфор) свидетельствуют в пользу того, что это помещение было построено вслед за разрушением помещений нижнего слоя в пределах III в. до н. э. и затем продолжало существовать до конца античной эпохи вместе со всем позднеантичным комплексом.

На линии фундамента 11, к западу, непосредственно над сырцово-кирпичной кладкой стены 23 раннего слоя обнаружен кусочек фундамента 8 длиной 1,40 и шириной 0,40 м (один южный панцирь уничтожен); он лежит на том же горизонте, что и фундаменты 13 и 11, и, несомненно, является остатком фундамента помещения, располагавшегося к западу.

Фундамент 12 продолжает линию фундамента 13 к северу, входя в северный борт раскопа. Обнаружен на длину 6,80 м, ширина его 0,65—0,78 м; у северного борта подошва его лежит на глубине 1,10 м, к югу немного понижается. Он сложен позднее 13 и, в другой технике: состоит в основном из одного ряда больших ($1,12 \times 0,10$ м, $0,90 \times 0,67$ м) необработанных плоских известняков, лежащих дорожкой. В нескольких местах большие камни дополнены по ширине и высоте более мелкими. Судя по тому, что в середине один большой камень свернут к востоку, а вдоль восточного края лежит ряд других, более мелких камней, фундамент был выше, но разрушен. Этот фундамент представляет второй, позднейший строитель-

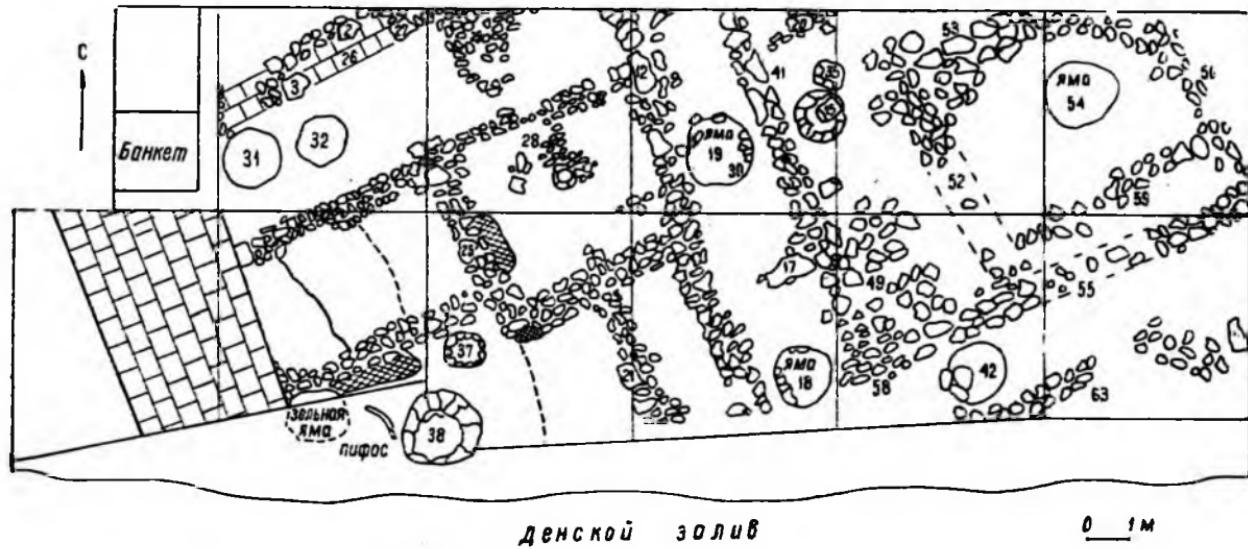

Рис. 1. План позднеантичных и средневековых остатков (раскоп 1968—1969 гг.).

ПАТ-70
План позднеантичных и средневековых остатков

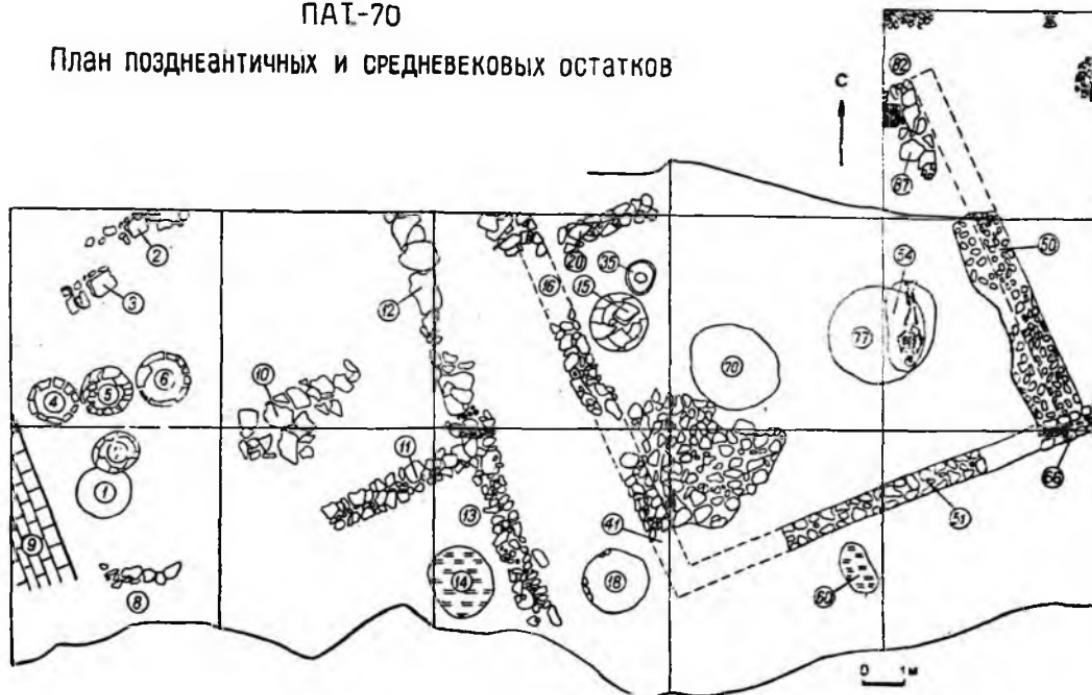

Рис. 2.

ный период в слое III—IV вв. н. э. Это ярко иллюстрируется тем, что южный край фундамента 12 длиною около 1 м представляет оборванную кладку такого же типа, как и 13, связанную с последней в переплет.

Фундамент 27, открытый у северного борта площади IV на длину 2,80 м, по направлению параллелен фундаменту 11. Горизонт залегания тот же (глубина подошвы 1,48 м от края северного борта). Можно заключить, что он подходил под прямым углом к фундаменту 12. На западном конце его лежит плоский камень по всей ширине фундамента, вероятно, составлявший часть порога в дверном проеме. Расстояние между фундаментами 11 и 27, равное 7 м, предполагает, что это пространство было пересечено еще одной, разрушенной стеной, создававшей еще два помещения с западной стороны фундамента 12, и эта, теперь не существующая стена, должна была проходить над фундаментами 39, 33, 40 и 24 нижележащих слоев. Все это подтверждается тем, что на горизонте фундамента 11 между ним и предполагаемой разрушенной стеной открыта значительных размеров ($3,00 \times 1,60$ м) часть каменной вымостки 10, влекущейся в размеры помещения.

Фундамент 41 не вполне параллелен фундаменту 12. Он, надо полагать, принадлежал другому зданию. Протяженность его с северо-запада на юго-восток 4,3, ширина 0,6 м. Концы фундамента оборваны позднейшей выборкой камня. Можно предположить, что фундамент 41 представлял восточную стену здания. К западу от него сохранились остатки фундамента 49 на линии, перпендикулярной к линии фундамента 41.

К востоку от фундамента 41 отходит черепичная вымостка, представляющая остатки покрытия небольшой улицы, замкнутой с запада фундаментом 41, а с востока фундаментом 52. Можно предположить, что эта улица вливалась в большую центральную улицу, начинавшуюся от восточных ворот Патрэя, открытых в 1964 г.

К востоку от улицы располагалась группа помещений, образуемых фундаментами 52, 53, 55.

Фундамент 53 имеет протяженность 3 м при ширине 0,65 м. Сложен он из более крупных камней, чем фундамент 41, среди которых преобладающим является плитняк. Юго-западный конец этого фундамента оборван более поздней выборкой камня, а северо-восточный уходит в северный борт раскопа.

Фундамент 55 четко прослеживается на протяжении 2,46 м. В юго-западной части он, как и фундамент 53, оборван

позднейшей выборкой камня, а в северо-восточном направлении прослеживается в виде развала камней по всей длине раскопа, уходя в его восточный борт, причем на расстоянии приблизительно 1,5 м от восточного борта раскопа кладка опять принимает более систематичный характер. Ширина фундамента в четко сохранившейся части 0,6 м. Кладка состоит из камней среднего размера, преимущественно плитняка, хотя встречается и привозной гранит. От фундамента 53 в юго-восточном направлении строго перпендикулярно к нему отходит фундамент 59, сложенный в той же технике, что и фундаменты 53, 55, и имеющий ширину 0,65 м. На расстоянии 2 м от фундамента 53 он прерывается, видимо, вследствие позднейшей выборки камня (от него сохранилось только 2 единичных камня), но через 2,14 м становится вновь отчетливо заметным и прослеживается на 1,64 м к юго-востоку. На этом участке он связан в переплет с фундаментом 55, выступая к юго-востоку от него на 0,65 м.

Линии фундаментов 41, 49, 52, 53, 55 позволяют говорить о наличии двух четко прослеживаемых зданий.

К слою III—IV вв. н. э. следует отнести и зерновую яму (54) обычной грушевидной формы, расположенную в помещении между фундаментами 52 и 53—55.

В целом создается впечатление единого хозяйственного комплекса, который расположен над более ранними фундаментами помещений' (59, 61, 58) и вымосткой (62), выявленными, но еще недостаточно обследованными в результате археологических полевых изысканий 1969 года.

Находки интересующего нас слоя мелкодробные и разновременные.

Материалом, датирующим слой, являются в основном фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор III и IV вв. н. э., а также фрагменты красноглиняных амфор с массивными профилированными ручками и соскообразным донцем. Хорошо датирующими являются фрагменты краснолаковых блюд IV в. н. э. Часто встречаются амфоры патрэйского производства с клювообразным, сапожкообразным венцом, зафиксированные в патрэйской обжигательной печи в 1965 году².

Особый интерес среди находок представляет клад биллоновых монет (рис. 3). Клад насчитывает 228 монет удовлетворительной сохранности, позднебоспорской чеканки (середи-

² См. Н. И. Сокольский. О гончарном производстве в азиатской части Боспора. — КСИА, вып. 116, 1968, стр. 66.

за III в. н. э.). Кроме монет в клад входят 2 бронзовых кольца, 2 бронзовых пряжки, 1 браслет, 1 сильно разрушенная фибула и 1 пастовая бусина. Видимо, клад был заключен в деревянный ящик или шкатулку, от которой сохранилось лишь 2 небольших железных гвоздя. Датировка клада не нарушает принятой нами датировки слоя, а происхождение его, видимо, должно быть связано с общим упадком Боспорского государства, начиная с середины III в. н. э.³.

Рис. 3. Статер Рескупорила III (210—226 гг. н. э.) из патрэйского клада 1968 года (увеличено в 2,5 раза).

Многие современные исследователи считают, что Боспорское государство подвергалось сильному разгрому в связи с нашествием готов в середине III в. н. э.⁴. Азиатская часть развивалась, однако, спокойнее. Ее поселения не пострадали от варварского нашествия⁵. В Патре в результате археоло-

³ И. Т. Кругликова в работе «Боспор в позднеантичное время» (АН СССР, М., 1966) констатирует, что на территории Боспора до 1965 г. было найдено 22 клада, содержащих монеты III—IV вв. н. э. (стр. 186), и считает, что по содержащимся в кладах монетам можно проследить несколько терноводов интенсивного зарывания кладов, первый из которых — 30-е годы III в. н. э., второй — 70-е годы III в. н. э. и, наконец, последний — 30-е годы IV в. н. э. (там же, стр. 187). Очевидно, наш клад должен быть отнесен к второй волне зарывания кладов, которая, по наблюдениям И. Т. Кругликовой, совпадает со временем разрушения многих сельских поселений и городов европейской части Боспорского царства (см. там же).

⁴ См., например, В. Д. Блаватский. Развитие и роль античных государств Северного Причерноморья. — ВИ, 1960, № 10, стр. 84.

⁵ См. И. Т. Кругликова. Боспор в III—IV вв. в свете новых археологических исследований — КСИА, вып. 103, 1965, стр. 6.

гических исследований в течение ряда лет (с 1961 года) не удалось обнаружить заметных следов разрушений, относящихся к III в. н. э. Это заставляет предполагать, что клад, найденный в 1969 году, был зарыт не вследствие внешней опасности, нависшей над Патрэем, а скорее в результате внутренней экономической неустойчивости Боспорского царства.

Прекращение существования античного Патрэя происходит в IV в. н. э. и, вероятно, должно быть связано с нашествием гуннов⁶.

Можно предположить, что Патрэй постигла общая участь городов Фанталовского полуострова⁷. Позднеантичные слои Патрэя нигде не прослеживаются далее IV в. н. э.⁸. Стратегически Патрэй связан с районом Кеп и Фанагории, поэтому предположение о его гибели в результате нашествия гуннов кажется нам заслуживающим внимания.

Видимо, нашествие гуннов надолго прервало жизнь на городище. Возрождение ее может быть констатировано археологическими материалами лишь с VIII в.

Средневековый слой Патрэя в раскопе 1968—1969 гг. датируется VIII—X вв. н. э.⁹.

⁶ См. Лог., Get, 37; Ргос. Goth., IV, 7, 12. Прокопий Кесарийский знает гуннов уже как старожилов в данном месте (Goth., IV, 5, 1—4; 23; 27—28) и сообщает об их бесстрашных нападениях «на землю римлян» (Goth., IV, 7, 12). Вопрос о времени нашествия гуннов на Боспор и пути их движения подробно выяснен Н. И. Сокольским в статье «Гунны на Боспоре», — *Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums*. В., 1968.

⁷ См. Н. И. Сокольский и К. В. Голенко. Клад 1962 г. из Кеп. — Нумизматика и эпиграфика VII, М., 1968, стр. 87; Н. И. Сокольский. Гунны на Боспоре. — *Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums* В., 1968, S. 257—259.

⁸ См. А. С. Башкиров. Отчеты об археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1941, 1948, 1949 гг. — Архив ИА АН ССР, ф. Р-1, д. 165, 249, 374; Его же. Отчеты об археологических исследованиях территории античного города Патрэя на Таманском полуострове в 1950, 1951, 1961 гг. — Архив ИА АН ССР, ф. Р-1 д. 506, 661, 2386. С 1962 г. автор сам принимал участие в раскопках Патрэя и за истекшее время ни разу не обнаружил культурного слоя, относящегося к V—VI вв. н. э. Этот факт засвидетельствован также в отчетах Н. И. Сокольского. См. Архив ИА АН ССР, ф. Р-1, д. 2964, стр. 77, 82, 84, 85, д. 3134, стр. 62, 64; д. 3710, стр. 101. Таким образом, можно считать, что жизнь на Патрэе была прервана в конце IV в. н. э.

⁹ А. С. Башкиров в одном из отчетов (ф. Р-1, № 2386, стр. 4) упоминает о раннесредневековом периоде Патрэя V—VI вв. н. э. Однако ни в одном отчете нам не удалось обнаружить описание раннесредневекового слоя Патрэя. При раскопках Патрэя нами такой слой тоже не был обнаружен.

Продолжительность существования средневекового Патрэя восходит, од-

Мощность его различна: в южной части раскопа он, по существу, срезан полностью, в северной же сохранился лучше. Толщина слоя в северной части раскопа 0,6 м, но пифосы, относящиеся к слою, врыты глубже. Грунт в основном серый и серо-коричневый суглинок.

К слою относятся объекты 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 15, 35, 42. Объект 1 — это зольная яма на площади 1 эллиптической формы, размером $1,50 \times 1,20$ м при глубине 0,60 м. Ее горизонтальное дно лежало на глубине 1 м от поверхности. Найдки в яме — фрагменты пифосов и сосудов I—IV вв. н. э.

Объекты 2 и 3 — небольшие фрагменты разновременных фундаментов; 2 — более поздний. Никакого представления о строительном комплексе периода эти фрагменты не дают.

Объекты 4, 5, 6, 7 представляют собой группу больших красноглиняных пифосов или кладовую, обнаруженную на границе I и IV площадей. Три первых пифоса сохранились по плечи и верхние их точки выходили близко к современной поверхности почвы. При срезе грунта верхние части были подрезаны. Однако ранее раздавленные землею части венцов и горловин оказались внутри пифосов. Все пифосы имеют небольшое плоское дно, слабо выраженные редко расположенные ребра по тулowi. Небольшой диаметр тулова: у пифоса 4 — 1,08 м, 5 — 1,30 м, 6 — 1,46 м, 7 — 1,05 м. Высота всех пифосов неизвестна, но, судя по пифосам 4 и 5, она была более 1,5 м. Профили венцов всех пифосов различны, хотя все они одновременны.

Все пифосы были накрыты каменными крышками, обнаруженными внутри их. У пифоса 4 в качестве крышки применен круглый известняковый жернов размером $0,47 \times 0,40 \times 0,11$ м; обращает на себя внимание более высокое качество изготовления пифоса 4. Он, видимо, привозной; его глина отличается от глины других пифосов; она — красно-коричневая с черными включениями — не характерна для Боспора; его венец окрашен красной краской, а на верхней широкой плоскости

нако, к XIII в. н. э. (см. Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, д. 165, 249, 374, 506, 661, 2386, а также: А. С. Башкиров, Н. Ф. Мурыгина, И. Е. Никонов. Отчет о раскопках древнего города Патрэя (1961—1962 гг.). — Проблемы экономического и политического развития стран Европы, УЗ МГПИ им. В. И. Ленина, М., 1964, стр. 237. Меньшая длительность существования средневекового слоя на исследованном нами участке может быть объяснена позднейшими разрушениями. Выше уже говорилось о том, что средневековый пласт значительно подрезан в южном направлении.

венца глубоко прорезаны греческие буквы МА, видимо, означающие цифру 41.

В заполнении пифосов обнаружено не очень большое количество фрагментов античной, преимущественно III—IV вв. н. э. керамики, хотя средневековых находок в них не было, стратиграфически они относятся к средневековью.

Объекты 15 и 35 — также средневековые пифосы, обнаруженные у северо-восточного угла раскопа.

Пифос 15 своей горловиной был близок к современной поверхности почвы. Он полностью сохранился, но сильно раздавлен землею, горловина его приплюснута вниз. Он накрыт крышкой в виде необработанной известняковой плиты размером $0,65 \times 0,45 \times 0,08$ м; диаметр тулона пифоса 1,36 м, ребер нет.

Пифос 35 разрушен глубокой ямой; сохранились только придонная часть яйцевидного тулона (с плоским маленьким дном). Диаметр его был не менее 1 м. Дно лежало на глубине 2,15 м от края северного борта. Трешины пифоса были скреплены свинцовыми заливками. В заполнении его нижней части, помимо античных фрагментов, найдены фрагменты плоскодонного кувшина и ребристой амфоры VIII—X вв., а также фрагменты лепных горшков того же времени; здесь же обнаружен фрагмент чернолакового сосуда с остатками процарапанной надписи.

Пифос 42 обнаружен в сезон 1969 года почти в центре южной границы раскопа. По типу сходен с ранее описанными пифосами местного производства.

Находки в пласте грунта, соответствующего горизонту средневекового слоя, многочисленны, но очень разновременны. Диапазон их от VI—V вв. до н. э. до VIII—X вв. н. э. Абсолютно же преобладают фрагменты позднеантичной керамики. Отмечается большая дробленность керамических фрагментов, как и в предыдущих слоях. Все это свидетельствует об интенсивности жизни городища, о перестройках и перекопах. Определяющими время пласта и лежащих в нем объектов являются фрагменты плоскодонных высоких кувшинов (тмутараканского и «черносмоленого» типа), грубоватых небольших реберчатых амфор с узким низким горлом и круглым дном, лепные горшки, с зигзагообразным орнаментом, фрагменты лощеных сероглиняных сосудов салтово-маяцкого типа.

В пифосе 42 встречены фрагменты черносмоленых сосудов. К числу наиболее интересных индивидуальных находок относятся сероглиняные лепные подсвечники. Их два. Один из них

трехрежковый. В слое VIII—X вв. совершенно отсутствуют фрагменты средневековой черепицы. Вероятно, это обстоятельство не случайно. Отсутствие черепицы, наличие камковых прослоек в средневековом пласте грунта, незначительное количество строительных остатков и большое число пифосов — все это может быть расценено как доказательство того, что в сезонах 1968/1969 годов средневековый слой содержал остатки какого-то хозяйственного комплекса.

Учитывая, что линии перестройки в III—IV вв. н. э. почти совпадают с линиями застройки в I—II вв. н. э., можно говорить об определенной преемственности жизни на античном Патрэе. К сожалению, подобную преемственность нельзя констатировать для средневекового слоя: план средневековых сооружений совершенно иной. Это может быть принято как свидетельство большого временного разрыва между античными и средневековыми слоями Патрэя, как отсутствие континуитета между античностью и средневековьем в западной части Патрэя. Насколько можно судить по отчетам А. С. Башкирова, подобная картина наблюдается и на других участках Патрэйского городища.

Ю. В. АНДРЕЕВ

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ КРИТСКИХ СИССИТИЙ

Древние отмечают существенные различия в организации так называемых «сисситий», т. е. коллективных обедов граждан, устраивавшихся в Спарте и городах дорийского Крита. Намек на это встречаем уже у Платона (*Leg.*, 842 В): «Что же до того, каким образом их (сисситии) устроить — или так, как здесь (на Крите), или как в Лакедемоне, или, кроме того, есть еще третий вид, лучше обоих первых, то, мне кажется, изобрести его будет нетрудно, но большой пользы это изобретение не принесет. Ведь и теперешнее устройство (вполне) пригодно». Смысл этого намека раскрывает Аристотель (*Polit.* 11, 1272а 12 слл.): «Что касается сисситий, то у критян они организованы лучше, чем у лаконян. Ибо в Лакедемоне каждый поголовно делает определенный взнос, как и выше говорилось¹. На Крите же большая степень общности, ибо из всего урожая и приплода скота на государственных землях, а также из податей, которые платят периехи, отделяется одна часть для богов и общественных надобностей, а другая для сисситий, так что на общественный счет кормятся все: женщины, дети и мужчины». В переводе этого места мы следуем чтению, принятому

¹ См. *Ibid.* 11, 1271а, 26 слл.: «(В Спарте) с самого начала были плохо устроены сисситии в форме так называемых «фидитиев». Ведь их следует устроить так, чтобы средства поступали больше от государства (чем от частных лиц), как на Крите. У лаконян же каждый должен делать определенный взнос, но так как некоторые (из них) очень бедны и не могут себе позволить такие издержки, то происходит обратное намерению законодателя. Ведь он хочет сделать демократическим устройство сисситий, а оно вследствие таких узаконений оказывается совсем не демократическим, ибо очень бедные люди не могут участвовать в сисситиях, а так как у них издревле существует такой критерий гражданских прав, то те, кто не могут сделать этот взнос, лишаются права на участие в жизни государства».

почти во всех последних изданиях «Политики», при котором слова «*εἱ τὸν δῆμοισιν*» следуют непосредственно за «*καὶ βοσκηματῶν*». Этот вариант текста предполагает, что поступления в сисситии складывались из двух основных компонентов: 1) доходы, получаемые с государственной земли, и 2) взносы рабов (периеков)². Такое понимание места вполне согласуется с заключительными словами отрывка: «Так что на общественный счет кормятся все...», хотя отсюда еще не следует, что картина, которую изображает Аристотель, вполне соответствует реальной исторической действительности. Аналогичное вышеописанному деление доходов *ager publicus* на две части — для расходов на богослужения и для снабжения сисситий мы находим и в другом месте «Политики» (VII, 1330а 12 и слл.), хотя здесь речь идет уже не о городах Крита, а об идеальном полисе, проектируемом автором. Это совпадение, может быть, не случайно: не располагая достаточно надежными сведениями о положении дел на Крите, Аристотель легко мог перенести на местные обычай свою собственную утопическую концепцию, согласно которой государство должно взять на себя всю тяжесть расходов в организации общественного питания граждан³.

Некоторые исследователи, в том числе Бузольт и Кирстен⁴, предпочитают другой вариант чтения цитированного выше текста, вставляя перед словами «*εἱ τὸν δῆμοισιν*» союз «*καὶ*»⁵, что совершенно меняет весь смысл отрывка. При таком понимании средства, поступающие в сисситии, складываются уже не из двух, а из трех компонентов: 1) доходов отдельных граждан, 2) отчислений из государственной казны и 3) податей

² О том, что под «периеками» в данном случае подразумеваются именно рабы типа спартанских илотов, а не население подвластных общин в спартанском значении этого слова, можно догадаться, сопоставив это место с Polit. II, 1269 а, 39 слл.

³ Cp. Strabo, X, с 480 (со ссылкой на Эфора): «Мальчикам он (критский законодатель) приказал ходить в так называемые «агелы», а взрослым — сидеть вместе в сисситиях, которые они называют «андриями», чтобы более бедные (граждане) получали равную долю с богатыми, кормясь на государственный счет».

⁴ G. Busolt. Griechische Staatskunde, Bd. II. München, 1926, S. 755, Anm. I; E. Kirsten. Die Insel Kreta im fünften und vierten Jahrhundert. Würzburg, 1936, s. 130; см. также D. Lotze. Metaxu eleuteron kai dulon, B., 1959, s. 8 f.

⁵ Такую версию дают два кодекса «Политики» — Лаврентианов и Урбинский (XV в.), которые Зюземиль относит к числу худших, и, может быть, также Г — древнейший кодекс, известный, однако, только по латинскому переводу Гильома де Мербека (см. аппарат в изд. Зюземиля — Fr. Susemihl, Lpz., 1894).

периеков. Те же три основные компонента называет критский историк Досиад, описывая устройство сисситий в Литте, одном из городов Крита, по-видимому, уже в III в. до н. э. (Athen. IV, 143 а—в): «Из полученного урожая каждый вносит десятую часть в гетерию, а доходы государства распределяются правителями между домами каждого. Кроме того, каждый из рабов вносит один эгинский статер с головы». Текст Досиада, по всей вероятности, испорчен и представляет поэтому известную трудность для понимания. Эта трудность снимается, если, как предлагает Гаазе⁶, выбросить *αστον* перед глаголом «*διανεμούσιν*» (распределяют). Однако многие исследователи принимают текст так, как он есть. Выражение «*εκαστον αιχον*» в этом случае можно понять только как «дома отдельных граждан». Чтобы доказать, что это так, обычно ссылаются на последующие строки Досиада (Ibid. 143 б — с): «Повсюду на Крите есть два дома для сисситий. Один из них называют «андрием», а другой, в котором помещают на ночлег чужеземцев, «койметерием». В доме же для сисситий, во-первых, поставлены два стола, которые называются «гостиными», так как за них усаживают присутствующих чужеземцев, а рядом находятся столы для всех прочих». Отсюда как будто бы следует, что в каждом городе был только один «мужской дом» (андрий), в котором собирались все граждане и приглашенные на обед чужеземцы. Эта догадка, однако, не находит подтверждения в других источниках. Во времена Эфора в каждом критском городе было, по крайней мере, несколько андриев (очевидно, в соответствии с числом гетерий). Это видно из рассказа данного автора (см. Strabo X, с. 483) об обычай умыкания мальчиков на Крите: преследование похитителя семьей похищенного мальчика продолжалось до тех пор, пока тот не приведет его в свой андрий.

Гераклид Понтийский (frg. 111 — FHG, 11, р. 212), по всей вероятности, пересказывающий «Критскую политию» Аристотеля, сообщает, что за обедом архонт сисситии получал четыре порции: «Одну, как и все, вторую, как архонт, третью за дом и четвертую за утварь»⁷. По-видимому, архонту принадлежа-

⁶ См. аппарат в изд. Кайбеля, т. 1, Lpz., 1923. Восстановления, которые предлагаются сам Кайтель и Деруссо (A. M. Desrousseaux, *Observations critiques sur les livres III et IV d'Athenée*, Р. 1942), кажутся нам менее убедительными.

⁷ Это свидетельство подтверждает гортинская надпись первой половины V в. до н. э. (IC, IV, 75 B), в которой среди прочих предметов изымаются из права заклада вещи, предоставленные архонтом в андрий для общего пользования.

ли не только посуда, мебель и другие предметы, находящиеся в андрии, но и само помещение. Следовательно, каждая гетерия имела свой особый андрий, в котором собирались только ее члены. Выражение Досиада «два дома для сисситий» поэтому лучше понимать переносно, как «два рода домов»⁸.

По-своему интерпретируя тексты Аристотеля и Досиада, Бузольт и Кирстен конструируют крайне нелепую и громоздкую систему снабжения сисситий, при которой государственные доходы распределяются сначала между семьями отдельных граждан, а затем каждый вносит полученную им долю, присовокупив десятую часть собственных доходов, в свою гетерию⁹. Еще более усложняет эту и без того запутанную систему М. Гвардуччи¹⁰. Она находит у Досиада не одну десятину, а целых две: одна вносится в кассу гетерии, другая — в общегосударственную казну. Именно к этим двум выплатам, а не к «доходам города», как принято считать, по ее мнению, относится словечко «ας». С точки зрения греческого синтаксиса такое переосмысление текста едва ли приемлемо, тем более что Гвардуччи не считает его испорченным. Выражение «προσδοτητικόλεψ» в значении «государственная казна» у других авторов не встречается, да и вся фраза в таком истолковании в данном контексте теряет всякий смысл. Каждая семья отдает государству 20% своего ежегодного дохода. Государство, в свою очередь, распределяет эти взносы «по домам» граждан. Несколько, однако, какое отношение имеет эта операция к сиссиям, о которых говорит Досиад. По мнению Гвардуччи, это был замаскированный налог, заимствованный, скорее всего, в птолемеевском Египте¹¹. Но в чем мог заключаться смысл

⁸ Заметим, что говоря выше (143 в) о сисситиях в Лите, Досиад употребляет pluralis *«andreiā»*. Все это не исключает, однако, того, что в каждом городе, помимо помещений для обедов отдельных гетерий, мог существовать и главный общегородской андрий — здание, аналогичное афинскому пританею, в котором устраивались праздники, приемы знатных гостей, а также обеды высших городских магistrатов (см. SGDI, III, 2, 5040, 38c; 5163a, 6).

⁹ Cp. K. Latte. Kollektivbesitz und Staatsschatz in Griechenland, Nachr. Akad. Götting., Philolog.—Hist. Klasse, 1946/47, s. 67, Anm. 4; K. M. T. Chrimes, Ancient Sparta, Manchester, 1949, p. 232.

¹⁰ M. Guarducci. Intorno alla decima dei cretesi.—Rivista di Filologia e di istruzione classica, N. S., -XI, 1933, p. 488 sg.

¹¹ Гвардуччи следует здесь Де Санктису (см. G. De Sanctis. Epimetron к ст. Guarducci, Ordinamenti dati da Gortina a Kaudos.—Rivista di Filologia, N. S., VIII, 1930, p. 485), в статье которого анализируется надпись III в. до н. э. (IC, IV, 184), содержащая договор Гортиньи с подвластной ей общиной на острове Кавдос. Жители Кавдоса обязуются платить

такого налога, если деньги все равно уходили из казны? И для чего была нужна сдвоенная система налогообложения: по гетериям и в масштабе всего государства?

Не отвечая на все эти вопросы, Гвардуччи в подтверждение своей гипотезы ссылается на одну позднюю (II—III вв. н. э.) надпись из Литта (IG, I, XVIII, II). Начало надписи не сохранилось. В уцелевшем фрагменте читаем следующее: «...выдачи стартам по отеческому обычай во время Феодесий и Белханий. Протоком этого года или попечитель должен устроить раздачу на Феодесии из выдач, которые получают старты в размере 1500 денариев и на майские календы из денег, выдаваемых филам. Недостающую сумму он должен представить из своих средств к обеим раздачам, как это сделал Симмах Агатопод, попечитель. Нарушивший это подлежит бесчестию». По мнению Гвардуччи, под стартами, о которых говорится в надписи, следует понимать какую-то коллегию, распоряжающуюся городской казной. Соответственно выдачи, которые они получают, — то же самое, что десятина, вносимая, по Досиаду, в государственную казну. Второй десятине, которую у Досиада получают гетерии, соответствуют в надписи деньги, выданные филам, так как в результате деградации старой системы сисситий функции гетерий перешли теперь к более широким объединениям граждан — филам. Преемственность между филами и гетериями в данном случае вполне возможна. Однако в целом толкование надписи, предложенное Гвардуччи, вызывает большие сомнения. Более вероятным нам кажется, что речь здесь идет не о двух разных (из разных источников) раздачах, а об одной и той же, но повторенной дважды. На это указывает сохранившийся в начале надписи обрывок фразы: «...выдачи стартам по отеческому обычай во время в горгинскую казну 1/10 своих доходов, за исключением прибылей от скотоводства, огородничества и таможенных пошлин, «на тех же основаниях, что и сами горгинцы». Из последних слов Де Санктис заключает, что в это время горгинцы платили своему государству подать в размере 1/10 от своих доходов, которая поступала в сокровищницу храма Аполлона Пифийского, служившую, по всей вероятности, государственной казной (см. стр. 19 той же надписи). Эта необычная для греческого полиса финансовая система могла развиться, как полагает Де Санктис, под влиянием экономики эллинистических государств, но на базе местной критской традиции коллективных обедов граждан. Десятина, которую прежде граждане Горгинцы платили в кассу своей гетерии, теперь вносилась непосредственно в государственную казну и таким образом превратилась в настоящий налог. Эта гипотеза в отличие от весьма путаных рассуждений Гвардуччи о двух десятинах представляется нам вполне правдоподобной (ср. Kirsten. Ук. соч., с. 132 f.; Willetts R. F. Aristocratic Society in Ancient Crete. L., 1955, p. 139 sq.; Latte. Ук. соч., с. 70 f.).

Феодесий и Белханий, — на который Гвардуччи почему-то не обратила внимания. В критском календаре праздник Белханий приходится как раз на май месяц¹². Следовательно, деньги, выдаваемые филам на майские «календы», — то же самое, что и «выдача стартам во время Белханий», т. е. термины «старт» и «филы» используются в надписи как синонимы¹³. Очевидно, старты (или филы) получали на праздниках деньги из городской казны для последующей раздачи гражданам, выполняя таким образом те же функции, которые некогда, во времена Досиада, выполнялись в городах Крита гетериями. Промежуточным звеном в этой цепи догадок может служить свидетельство знаменитой «Дреросской присяги» (IC, I, IX, I — надпись III—II вв. до н. э., возможно, являющаяся копией более древнего документа), один из разделов которой (С, 124 слл. и Д, 134 слл.) содержит предписание, чтобы деньги, полученные в качестве штрафа от косма, нарушившего клятву, были разделены между гетериями, находящимися в городе, и теми из граждан Дрероса, которые окажутся (в это время) несущими пограничную службу. В более ранней (конца IV в.) надписи из Аксоса, недавно опубликованной Манганаро¹⁴, находим еще одно аналогичное предписание: косм, допустивший какую-либо ошибку во время торжественного жертвоприношения, может очиститься не иначе, как совершив гекатомбу в честь Зевса Агорея и распределив мясо жертвенных животных между гетериями¹⁵. Здесь, как и в предыдущем случае, гетерии выполняют роль посредствующей инстанции в распределении государственных доходов между гражданами, и это еще раз подтверждает правильность принятой нами интерпретации текста Досиада.

¹² На это указывает сама Гвардуччи (см. примечания к надписи в изд. 1C).

¹³ Мы вполне разделяем точку зрения тех исследователей, которые видят в стартах и филах критских надписей одни и те же подразделения рода-племенной организации. См. H. Lipsius. Zum Recht von Gortyns.—Abhdl. Sächs. Gesell. Wiss. XXVII, 1909, s. 403; Busolt. Ук. соч., II, s. 745; U. Kahrstedt. Griechisches Staatsrecht, Bd. I. Göttingen, 1922, s. 351; Kirsten. Ук. соч., s. 133, 152, Anm. 12.; Л. Г. Иоселиани. Горгинские законы. Тбилиси, 1966, стр. 158.

¹⁴ G. Mangano. Iscrizione opistographa di Axos con prescrizioni sacrali e con un Trattato di Symmachia.—«Historia», XV, I, 1966, стр. 13 и слл.

¹⁵ Характерно, что ответственность за упущения при совершении обряда возлагается не только на действительных космов, но и на отставных. Очевидно, такого рода наказания должностных лиц в Аксосе и в других городах Крита были системой, служа немалым подспорьем в устройстве обезвождений гетерий.

Итак, свидетельства Аристотеля и Досиада в сопоставлении с данными надписей показывают, что в IV—III вв. до н. э. снабжение критских сисситий складывалось из двух основных компонентов: 1) индивидуальные взносы рабов и граждан; 2) отчисления из государственной казны, пожертвования, штрафы и т. п. Средства как того, так и другого рода поступали в распоряжение гетерий, которые использовали их прежде всего для устройства совместных трапез.

Внутренняя жизнь городов Крита, и в частности организация сисситий в V в. до н. э., в литературных источниках совершенно не освещена. Тем большую ценность представляет для нас одна гортинская надпись первой половины V в. (IC, IV, 77B), в которой, несмотря на ее сильную фрагментированность, можно видеть декрет, устанавливающий порядок взимания взносов на устройство сисситий¹⁶. В уцелевшем фрагменте надписи читаем следующее: «...две (меры) свежих фиг, три молодого вина. Тот, кто не (может отдать) все, пусть отдаст половину. Если *καρποδαίσται* найдут спрятанные или не поделенные плоды и заберут их, они не несут наказания. Виновный должен выплатить саму стоимость (плодов) и штрафы, как написано. За плоды (стоимость которых установлена) под присягой, взыскать серебром (?)». Упомянутые в надписи *καρποδαίσται*, по всей вероятности, особые должностные лица, в обязанности которых входил надзор за разделом доходов каждого хозяйства на две части, одну — для личного потребления или продажи и другую — для взносов в гетерию¹⁷. Если это так, то сам факт вмешательства государства в раздел доходов клера¹⁸ указывает на систему, принципиально не отличающуюся от той, которую описывают Аристотель и Досиад, и, напротив, в корне отличную от спартанской формы сисситий. Стимулы, которые побуждали спартанцев исправно вносить в фидитии часть своих доходов, в Гортине V в., очевидно, отсутствовали¹⁹. Поэтому злоупотребления, о которых

¹⁶ R. Dares te. Recueil des inscriptions juridiques grecques, II, I, p. 234; Kirsten. Ук. соч., с. 133, Anm. 35; Guarducci в изд. I C; R. F. Willetts. Karpodaistai. — «Philologus», 105, 1961, с. 145.

¹⁷ Cp. Kirsten. Ук. соч., с. 133, Anm. 35; Guarducci, ad. loc.; Latte. Ук. ст., с. 68.

¹⁸ Отголоском такого рода узаконений в Гортине и других городах Крита следует, может быть, считать Plat., Leg. 847E—848A—C.

¹⁹ Раздел производился, вероятно, раз в год — сразу после урожая. В противном случае хозяин мог бы продать свои «излишки», а найти деньги было гораздо труднее. В Спарте, напротив, взносы в сисситии были ежемесячными (Plut., Lyc., XII).

идет речь в надписи, заставляют предполагать, что уже в этот ранний период потребление граждан в сисситиях обеспечивалось в значительной мере за счет либо государственных субсидий, либо подоходного обложения участников, либо, наконец, за счет и того и другого вместе, как и во времена Досиада. Сохранившееся в начале надписи перечисление продуктов, очевидно, определяет размеры взноса. Для малоимущих делается скидка в половину установленной нормы. Отсюда следует, что в Гортине V в. сбор взносов в сисситии был уже организован по принципу подоходного обложения, хотя по сравнению с десятиной, о которой говорит Досиад, форма обложения такого рода была, конечно, более примитивной²⁰. Организация критских сисситий, таким образом, не оставалась неизменной и продолжала развиваться на протяжении V—IV вв. до н. э.²¹. Однако в своих основных, наиболее характерных чертах, на которые обращает наше внимание Аристотель, она сложилась, по-видимому, в гораздо более ранний период.

Несмотря на сравнительную сложность критской формы сисситий, она, несомненно, более архаична, нежели спартанская разновидность того же института²². В ней сильнее выражены традиции родо-племенного коллективизма, восходящие, по всей вероятности, еще к эпохе дорийского завоевания Крита. Непосредственное участие государства в расходах по уст-

²⁰ Некоторое удивление вызывает то обстоятельство, что перечисление продуктов в начале надписи дается без обозначения мер. Если допустить, что это обозначение осталось в утраченной части декрета, как объяснить, что вино и фиги измеряются в одних и тех же единицах? Нельзя ли предположить, что норма в две меры фиг и три меры вина представляет собой лишь часть шкалы, устанавливающей размеры взносов пропорционально, скажем, размерам земельных участков граждан? Если это так, различия в организации сисситий в Гортине V в. и в Литте III в. до н. э. (в изложении Досиада) были менее значительны, чем можно судить на основании уцелевшей части надписи.

²¹ Следует учитывать также, что в отдельных критских полисах могли существовать весьма многообразные локальные формы этого института.

²² Иной точки зрения придерживается Уиллес (*Aristocratic Society*, p. 139, слл., 193). По его мнению, критская система сисситий нуждалась для своего исправного функционирования в относительно развитом бюрократическом аппарате, который едва ли мог здесь возникнуть ранее V в. Нам известно, однако, что особые фискальные магистраты (*titai*) существовали в городах Крита уже в VII—VI вв. до н. э. (они упоминаются в древнейших гортинских надписях, см. IC, IV, 14, 15). Можно предположить, что они или какие-то другие подобные им должностные лица в этот период следили за исправным поступлением взносов в сисситии и собирали подати с зависимого населения. Ср. Kirsten. Ук. соч., с. 140 f.; F. G. Kiechle. *Lakonien und Sparta*. München—Br., 1963, S. 205 f.

ройству сисситий предполагает, что в его руках находились достаточно большие массивы обрабатываемой земли, а также пастбища, на которых пасся принадлежащий ему скот. К сожалению, в критских надписях упоминания о государственных землях и об их использовании почти не встречаются²³. Известно, однако, что среди многочисленных категорий зависимого и неполноправного населения критских полисов существовала особая прослойка государственных рабов, называвшихся «мноитами» (Athen. VI, 263 f — 264 a). Впервые мноиты упоминаются в одном из немногочисленных памятников критской поэзии (и, по-видимому, самом древнем из них)²⁴ — так называемом «Схолионе Гибрия». Автор схолиона, критский аристократ, о котором больше ничего не известно, хвастливо восклицает: «Мое богатство — большое копье, и меч, а также прекрасный щит, защита тела! Ими я пашу, ими жну... из-за них рабы (*μνοῖα*) называют меня господином». Термин «*μνοῖα*» в этом отрывке едва ли имеет то же значение *termīnus technicus* «государственные рабы», что и у поздних авторов, Сосикрата и Досиада, на которых ссылается Афиней. Гибрый может иметь в виду либо рабов, принадлежащих его собственной ойкии или роду типа кларотов или горгинских войкеев, либо рабов в самом широком собирательном значении этого слова²⁵. Однако в любом из этих случаев свидетельство схолиона имеет большую ценность для историка, так как оно показывает, что некогда «мноитами» называлось все порабощенное местное население Крита в отличие от поработителей — дорийцев²⁶. Следует полагать, что первоначально правовое положение этого населения было относительно однородным и в принципе не отличалось от положения позднейших мноитов — рабов общины. Конечно, термин «рабы общины», да и вообще «рабы» в данном случае может быть употреблен лишь условно. В реальных исторических условиях периода завоевания общинное или государственное рабство могло означать только

²³ В виде исключения можно сослаться на горгинский декрет V в. о сдаче государственной земли в аренду (IC, IV, 43B).

²⁴ Боура датирует его концом VI в. до н. э. (C. M. Bowra. Greek Lyric Poetry. Oxford, 1961, p. 403).

²⁵ См. Lotze. Ук. соч., S. 5; Kirsten. Ук. соч., S. 118; Willems. Ук. соч.; S. 48.

²⁶ Может быть, правы те, кто связывает *μνοῖα* с именем *Minos* и топонимиком *Minoa* (G. F. Schöemann. Griechische Altertümer, Bd. I. B. 1855, S. 301; см. K. Hoeck. Krēta, Bd. III. Göttingen, 1829, S. 30; Willems. Ук. соч., р. 47 слл.).

зависимость одной общиной от другой, выражавшуюся в выплате натуральной дани. По-видимому, далеко не вся земля, захваченная дорийцами во время их вторжения на Крит, была сразу же поделена ими на клеры²⁷. Можно даже предположить, что большая часть земли вообще не подлежала разделу, а сидевшее на этой земле местное население считалось коллективной собственностью общиной завоевателей и должно было платить ей дань, которая поступала в распоряжение военно-родовых объединений дорийцев — фил и гетерий — и использовалась ими в первую очередь для устройства совместных обедов²⁸. Пережиточные формы этой дани продолжали существовать в городах Крита еще в IV—III в. до н. э. в виде тех повинностей, которые должны были нести в пользу гетерий свободных граждан как государственные рабы (мноиты), так и рабы, принадлежавшие отдельным семьям и частным лицам (клароты и афамиоты)²⁹.

²⁷ По мнению ряда авторов, для порабощенного крестьянства Лаконии Крита приход дорийцев означал лишь смену хозяина. Даже если дорийцы не заняли непосредственно места ахейских владык, они могли, по крайней мере, использовать их опыт поработителей (Willetts. Ук. соч., р. 250 сл.; его же. *Cretan Cults and Festivals*. L., 1962, р. 40; E. Kirsteen und W. Klaiker. *Griechenlandkunde*, Heidelberg. 1957, S. 192; К. М. Колобова. К вопросу о минойско-микенском Родосе и проблема «переходного» периода в Эгейиде.—УЗ ЛГУ, 1956, № 192, стр. 32, 50; С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции. М.—Л., 1957, стр. 270 слл. Эта гипотеза, на наш взгляд, грешит сильным упрощением. Археология показывает, что между падением ахейских государств и возникновением первых постоянных поселений, которые можно было бы приписать дорийцам, существует большой хронологический разрыв, что, как нам кажется, совершенно исключает возможность влияния, крито-микенской экономики на завоевателей (см. Дж. Пендлбери. Археология Крита. М., 1950, стр. 328 сл.; Ch. G. Starr. *The Origins of Greek Civilization*. N.—Y., 1961, р. 80 sq.; V. R. Desborough. *The Last Mycenaeans and their Successors*. Oxford, 1964, р. 224 sq.).

²⁸ См. Kiechle. Ук. соч., стр. 205 сл., 215 сл.

²⁹ В цитированном выше отрывке из «Политики» Аристотеля (II, 1272а, 12 слл.), под переками следует подразумевать, по-видимому, частных рабов (кларотов), так как подати, которые платили мноиты, должны быть отнесены к категории доходов, получаемых с государственной земли. Также и у Досиада (*Athen*, 143 а—б) рабы, вносящие в сисцитии по одному эгинскому статеру, скорее всего, рабы частных лиц.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЕГИПЕТСКОГО ЛОГОСА ГЕРОДОТА

Отношение греческого мира к восточному не принимало характера непримиримого противоречия даже в эпоху кризиса полиса, в IV веке до н. э., когда завоевание Востока стало казаться некоторым единственной панацеей от социальных зол, раздиравших Элладу. Идею организации общегреческого похода против варваров выдвинул в речи «Панегирик» Иосикрат. Тем не менее, перечисляя в этой речи заслуги Афин, которые, как он тогда думал, должны будут взять на себя инициативу в организации похода, он нашел возможным заявить в этой же речи, что в результате просветительской деятельности Афин имя «эллин» означает не расовое происхождение, а образ мышления и воспитание (*διανοία*), что это имя связывает с теми, кто усвоил греческую культуру (§ 50).

Наиболее поразительным памятником греческой культуры, само существование которого сводит на нет все попытки представителей реакционной буржуазной историографии представить историю Греции классического периода как эпоху всемирного конфликта между Востоком и Западом, является бессмертный труд Геродота. Культурно-исторический горизонт его повествования по своему существу далеко выходит за рамки Греко-персидских войн. Это история взаимоотношений Востока и Запада, изложенная греком, с момента своего рождения стоявшего близко к Востоку, понимавшего и умевшего ценить его высокую культуру, изучавшего ее с нескрываемым интересом и любовью. Практически для нас Геродот является первым востоковедом в истории европейской цивилизации. Нескрываемые симпатии Геродота к Востоку, в которых он, разумеется, не мог быть одиноким, вызвали негодование Плутарха, написавшего даже трактат «О злоказненности Геродота», цель которого состояла в разоблачении филоварварской тенденции историка¹.

Геродот посетил Египет после битвы при Папремисе, о ко-

¹ Однако и Геродота пытаются представить в качестве человека, для которого противоречие между Элладой и Востоком было определяющим фактором творчества. Эта тенденция проскальзывает и в работах Шварца (собраны в издании Schwarz E d. Griechische Geschichtsschreiber. Leipz. 1959), заявившего, будто духовная жизнь Геродота предопределялась мировым историческим противоречием между Элладой и Персидской империей (ук. издание, стр. 13).

торой он упоминает². Путешествие могло иметь место после 449 г., то есть Каллиева мира, положившего конец состоянию войны между греками и персами, и до 445 г., когда Геродот уже читал в Афинах ту часть своего труда, где было рассказано о подвиге Афин во время Греко-персидских войн³.

Восстание Инара, которому в его борьбе против персов оказали помощь афиняне, было уже подавлено, и персы вернули себе господство над Египтом. О персидском господстве Геродот упоминает в ряде мест своего труда (II, 30; II, 98; II, 149; III, 91). Египет в это время широко посещался греками, во многих египетских городах жили греческие купцы. Это видно из рассказа Геродота о том, что голову жертвенного животного египтяне обычно продают греческим купцам (I, 39). То особое внимание, которое Геродот в своем труде уделяет Египту, можно также объяснить тем, что после неудачной афинской экспедиции в эту страну интерес к ней должен был особенно возрасти.

Для всех путешествий Геродота характерна та особенность, что он посещал те места, где существовали значительные греческие поселения⁴. От местных греков или переводчиков-тидов Геродот в основном и черпал свои сведения о стране, где ему пришлось побывать. В этом отношении Египет не был исключением. Переводчиков, помогавших Геродоту ознакомиться со страной, было так много, что Геродот увидел в них особый класс или касту населения наряду с воинами, жрецами и другими (II, 164)⁵. Со времени основания Навкратиса Египет был для греков обжитой территорией.

² О времени битвы при Папремисе см. нашу статью в УЗ ГГУ, № 67, 1965, стр. 129 слл.

³ Якоби (*Herodotos*, RE, Suppl. H. 2, 1913, стр. 248) более осторожно относит эти чтения к 40 гг. V в. до н. э. О времени путешествия Геродота по Египту см. Sourdille. La durée et l'étendue du voyage d'Herodote en Egypte. 1910, стр. 3; Legrand Ph. *Hérodote*, Paris, 1932, стр. 25; Vogt J. Herodot in Ägypten, Genethliakon. W. Schmid. Tub. Beiträge z. Altertumswissenschaft Stuttg., стр. 97; Wiedemann, Geschichte Ägyptens, стр. 82.

Гипотеза Пауэлла (Powell J. Epoch. The History of Herodotus. Cambr. 1939, стр. 25) о двух путешествиях Геродота в Египет, ранее защищавшаяся Hachez и Matzal, но убедительно опровергаемая Якоби, представляется нам также несостоятельной. Якоби относит путешествие Геродота к лету 448 г. до н. э. (ук. соч., стр. 267), К 445 г. до н. э. относит это путешествие Truest dell S. Brown. Herodotus speculates about Egypt.— American Journal of Philology, V. LXXXVI, 1, 1965, стр. 61.

⁴ С. Я. Лурье. Геродот. М.—Л., 1947, стр. 16.

⁵ Хотя Геродот и производит этих переводчиков от египтян, которые были воспитаны в греческих семьях, часть их могла иметь смешанное греко-египетское происхождение.

Если попытаться самым сжатым образом определить концепцию, которую Геродот положил в основу своего рассказа о Египте, то ее можно назвать идеей греко-египетского культурного единства. Проявления этой идеи различны, но она особенно дает себя знать, когда Геродот объясняет заимствованием у египтян очень многие культурные достижения греков.

Геометрия появилась впервые у египтян в связи с тем, что фараон Сезострис произвел передел всей египетской земли, и только после этого геометрией стали заниматься греки (II, 109).

Даже законы Солона, считавшегося основателем афинской демократии, память которого особенно чтилась и уважалась в Афинах, Геродот рискует возводить к законам Амасиса: «Амасис установил следующий закон для египтян, чтобы каждый год жители Египта докладывали номарху, откуда каждый берет средства к жизни. Тот, кто этого не сделает или не сумеет доказать, что добывает себе средства к существованию честным путем, должен быть наказан смертью. Солон-афинянин, заимствовав из Египта этот закон, ввел его у афинян» (II, 177). Совершенно ясно, что по хронологическим соображениям это мнимое заимствование не могло иметь места. Но характерно то, что это утверждение Геродота прекрасно уживается с его отношением к Афинам, восторженным и полным восхищения перед совершенным Афинами подвигом в греко-персидских войнах (ср. VII, 139: «афинян можно назвать спасителями Эллады...»). Геродот находит и ряд других общих для египтян и греков обычаяев, как, например, запрет общения полов в священных местах (II, 64).

Тенденция объяснять достижения греческой культуры заимствованием из Египта могла родиться в результате простого хронологического сопоставления двух цивилизаций — молодой греческой и древней египетской. Поэтому то, что оказывается общим для этих двух цивилизаций, Геродот может объяснить только одним — простым заимствованием⁶. Оказывается, даже шлем и щит греки позаимствовали у египтян (IV, 180)⁷.

С особой силой эта тенденция Геродота проявляется там,

⁶ Vogt J. Herodot in Ägypten, Genethliakon W. Schmid, Tubing. Beiträge z. Altertumswissenschaft, Heft V, 1929, стр. 116.

⁷ Ср. Plato, Tim. 24B, который тоже полагал, что греки позаимствовали шлем и щит у египтян. Это не подтверждается археологическими данными — ср. How and Wells, A commentary on Herodotus.— Oxf. 1957, стр. 360.

где речь заходит о египетской религии, к которой Геродот относится с необыкновенным пietетом. С полным доверием Геродот принимает утверждения мемфисских жрецов (или своих переводчиков, с помощью которых он общался с жрецами?), что имена всех двенадцати олимпийских богов заимствованы греками у египтян (I, 4; ср. II, 50)⁸. Даже культ национального преческого героя Геракла заимствовали греки у египтян (II, 43) — так же, как и культ бога Диониса (II, 49). Обычай приносить жертвы богам, устраивать в их честь торжественные процесии — все это взято у египтян. Даже самые сокровенные религиозные таинства греков — элевсинские мистерии — и те оказываются вывезенными Danaидами из Египта (II, 171)!

Если Геродот восхищается египетским календарем, его можно понять: он был намного совершеннее, чем греческий (II, 4). Но наряду с этой вполне здравой мыслью Геродот вдруг заявляет, что вожди дорян были по своему происхождению египтянами (VI, 53)! Нет сомнения, что высказанное с такой уверенностью предположение Геродота было просто данью уважения к высокой египетской культуре. С народом, ее создавшим, Геродот не прочь породнить эллинов, и тем самым самого себя. «Геродот — житель дорийского Галикарнаса, чувствовал себя прежде всего дорицем и гордился этим»⁹. Но это не мешало ему относиться с таким восхищением к Египту, чтобы даже попытаться связать предков вождей дорического племени, и тем самым и самого себя, с этим удивительным народом. Геродот приходит к этому выводу, объясняя миф о возвращении Гераклидов: последние вели свое происхождение от египтян по той причине, что праотец Данай тоже прибыл из Египта («...Кто пожелает проследить родословную выше Danae, дочери Акрисия, тот увидит, что вожди дорян по своему происхождению были настоящими египтянами» — VII, 53).

⁸ По поводу 12 олимпийских богов, якобы заимствованных у египтян, см. Linforth J. M. Greek Gods and foreign Gods in Herodotus. — Univ. of California publications in classical Philology, V. IX, 1, 1926, стр. 19. Вряд ли следует принимать сообщения Геродота о знакомстве египетских жрецов с греческой религией за чистую монету. Скорее это исходило из той же греко-египетской среды, откуда Геродот черпал свою информацию о стране во время пребывания в Египте. Но в конце концов не исключено и то, что некоторые из египетских жрецов, желая доказать превосходство своей религии над религией чужеземцев, могли утверждать, будто греки заимствовали свои представления о богах из Египта.

⁹ С. Я. Лурье. Геродот, стр. 89.

Совершенно естественно то, что Геродот постоянно называет египетских богов соответствующими греческими именами. Это одни и те же боги, только египтяне называют их иначе. «...Амуном ведь египтяне называют Зевса... (II, 42). Саисская богиня Нейт оказывается Афиной, в Буте почитается Лето, в Папремисе — Арес» и т. д. Геродот подчеркивает, что знает их греческие имена: «Исида же по-гречески зовется Деметрой» (II, 59).

В основу идентификации Геродот кладет чисто внешнее сходство функций, атрибутов или деталей мифической биографии божества. Нейт подобна Афине тем, что является богиней-девственницей и покровительницей искусств и ремесел. Исида названа Деметрой потому, что изображается с младенцем Гором на руках и этим подобна Деметре, изображавшейся с Персефоной. Исида ищет своего супруга так, как Деметра Персефону; кроме того, она также является хтоническим божеством, связанным с земледельческим культом.

Миф о жизни Осириса, умирающего и воскресающего бога, позволил отождествить его с Дионисом (но другие отождествляли Осириса с Аидом и даже Зевсом, исходя из других особенностей культа Осириса)¹⁰. Зачастую Геродот не может отыскать в египетском пантеоне богов, соответствующих греческим — например, Посейдону, — но только потому, что египтяне не имели морских богов и с отвращением относились к морскому делу¹¹.

Малле предполагал, что идентификация египетских и греческих богов, с которой мы сталкиваемся у Геродота, основана на тех представлениях, с которыми Геродот столкнулся, побывав у навкратийских греков¹². Правильнее считать, что эти представления были выработаны в тех греко-египетских кругах, откуда происходили переводчики, сотрудничавшие с Геродотом во время его пребывания в Египте. Но уже совершенно неправ Видemann, который считал эти идентификации совершенно лишенными ценности¹³. Они помогают нам глубже узнать характер восприятия греками иноземных культов и получить более отчетливое представление о самих культурах Египта.

Интерес Геродота к египетской религии был естественным

¹⁰ How and Wells, op. cit., стр. 186.

¹¹ Там же, стр 191.

¹² Mallet D. Les premières établissements des Grecs en Egypte, Le Caire, 1922, стр. 386.

¹³ Wiedemann A., op. cit., стр. 99.

и закономерным. В египетской религии греков привлекала слава о мудрости ее жрецов, таинственный и древний ритуал, необыкновенное разнообразие и причудливый внешний облик изображаемых богов, пышность и богатство храмов. Организованность жреческой касты и то влияние, которым она пользовалась, производили огромное впечатление на греков, а магический элемент, которым египетская религия была проникнута, чарующе действовал на их воображение — воображение людей, привыкших к самым простым формам служения божеству¹⁴.

Для Геродота характерен наивный мистический страх перед тем, как бы не оскорбить этих грозных богов и не наговорить о них лишнего. Поэтому он делает множество намеков, туманных и загадочных, всюду давая понять, что он обладает глубочайшими познаниями в области египетской религии и только из благочестивого страха перед этими богами не сообщает читателям всего того, что он о них знает. В действительности эти знания были вовсе уж не так глубоки. В 86 главе II книги Геродот из опасения согрешить по отношению к божеству отказывается назвать имя бога, фигура которого служила в качестве модели наиболее роскошного способа бальзамирования. Но это была фигура Осириса, что знал каждый в Египте, как справедливо замечает Видеманн¹⁵.

Греческие наемники легко акклиматизировались в Египте и быстро усваивали местные культы. Открытая неподалеку от древнего Мемфиса надпись рассказывает о том, как группа греческих солдат-наемников сложилась, чтобы посвятить статую и стол для жертвоприношений местному божеству в благодарность за оказанное им благодеяние¹⁶. Из десяти человек, принявших участие в этом посвящении, пять — афиняне.

Греко-египетский религиозный синкретизм стал особенно интенсивным со времени основания Навкратиса. В Афинах, как указывает Цуккер, культ Исиды существовал уже в пятом веке до н. э.¹⁷. В IV веке до н. э. в Афинах строился храм богине Исиде, как об этом говорит надпись — декрет от 333/2 года, принятый по предложению Ликурга. «Поскольку прось-

¹⁴ Bell H. J. Graeco-Egyptian Religion. Mus., Helveticum, 1953, 10, f. 3/4, p. 222.

¹⁵ Wiedemann A., op. cit., стр. 98.

¹⁶ Lefronne. Inscriptions gr. et lat. de l' Egypte, I, p. 409; CIG, 4702.

¹⁷ Zuckeg F. Athen und Ägypten, Festschrift Schubart, L. 1950, стр. 161; Rusch A. De Sarapide et Iside in Graecia cultis, diss. Berlin, 1907.

ба торговцев из Кития о том, чтобы народ афинский предоставил им участок в собственность для постройки храма Афродите, представляется законной, народ решил: предоставить торговцам из Кития в собственность участок, на котором должен быть построен храм Афродите, на тех же основаниях, на которых египтяне построили храм Исида»¹⁸. Финикийская Астарта, которой поклонялись купцы из Кития, названа в этом декрете Афродитой без всяких пояснений: тождество было общеизвестным и само собой подразумевалось.

Есть основания полагать, что египетские религиозные представления о загробной жизни, в которых египтяне с такой мрачной серьезностью и необыкновенной педантичностью описывали все, что ожидает человека в загробном мире («Книга мертвых»), проникли в религиозно-философскую систему Ферекида, одного из первых теологов Греции. Египетские мифы о Сете, Горе и Осирисе, игравшие особенно важную роль в системе представлений египтян о загробном мире, Ферекид составил с греческими мифами о Кроносе и гигантах¹⁹.

Из всех египетских культов наиболее близкими грекам оказывались те, которые напоминали им привычных греческих богов. Поэтому так рано проник в Грецию культ Амона, напоминавший культ Зевса Олимпийского. Проникновение, вероятно, происходило через Кирену, и мы находим культ Амона в Спарте²⁰ и Фивах²¹. Культ Амона был также популярен в Афинах конца V века до н. э., как можно судить на основании одного места «Птиц» Аристофана, где хор птиц поет: «Мы, птицы, для вас и Аммон, и Дельфи, и Додона, и Феб-Аполлон...» (ст. 677). В этом перечислении наиболее популярных культов Аммону отведено первое место²².

Сталкиваясь с местной греко-египетской средой, Геродот широко черпал из сферы сложившегося в этой среде фольклора, часто окрашенного грубоватым солдатским юмором (греки служили чаще всего в качестве солдат). Так, фривольная история о дочери египетского фараона, которая отдавалась в

¹⁸ IGII², 337; SIG³, 280.

¹⁹ Orig. contra Celsum, VI, 42; не все, однако, относят это место к Ферекиду — см. Luria S. Demokrit, Orphiker und Ägypten, EOS, v. LI, 1961, стр. 24.

²⁰ Pausan. III, 15; Schol. Pindar. Pyth. IV, 16.

²¹ Classen G. J. The Lybian God Ammon in Greece before 331 B. C.—HISTORIA, 1959, 8, стр. 349.

²² В диалоге Платона «Политик» (257 В) Феодор клянется «Аммоном, нашим богом». Имеется в виду, по-видимому, бог Оазиса. См. Mallat D. Op. cit., стр. 128.

публичном доме всем желающим и получала в качестве «сверххонорара» огромные камни, из которых затем и была сложена маленькая пирамида на поле пирамид (II, 126), представляет собой типичный солдатский анекдот, возникший в указанной среде. Ионийские наемники, пораженные огромными пирамидами, так объясняли себе факт появления рядом с огромной пирамидой Хеопса небольших пирамид. В этом анекдоте заметны следы юмористического отношения к столь странным для грека явлениям культуры Египта (чувство юмора при объяснении чужих восточных обычаяв было свойственно и Геродоту)²³.

Пытаясь открыть первоисточники рассказов Геродота, которые он выдает за поведанные ему египтянами, Фогт предположил, что поселившиеся в Египте греки усвоили местные исторические и фольклорные сюжеты, а затем переложили их на греческий язык. От этих греков их восприняли местные египтяне, и уже от последних их услышал Геродот. Такими эллинизированными версиями, по мнению Фогта, является рассказ о знаменитом эксперименте Псамметиха, пожелавшего узнать, какой из языков является наиболее древним (II, 2), рассказ о Зевсе, который скрылся под личиной барана (II, 42), история о возвращении бога Ареса и его матери (II, 63), рассказ о плавающем острове Хеммисе, где Лето (Уат) спрятала молодого Аполлона (Гора), и др.

Теория Фогта носит искусственный характер. Трудно допустить, чтобы в то время, когда Египет еще продолжал борьбу за свою самостоятельность и традиции Сaisской эпохи были еще живы, египетские жрецы (на которых так часто ссылается Геродот) стали заимствовать у греков предания о своей национальной истории и т. п.

Хотя Геродот не знал египетского языка, он довольно верно передает некоторые египетские названия и термины. Так, он сообщает, что крокодил по-египетски называется «хампс» (II, 69). Действительно, соответствующее египетское слово звучит довольно сходно — *mshu*, или огласованное *em-suh* — «то, что рождается из яйца». Следует при этом учитывать, что ассириата при греческой передаче могла подвергнуться метатезе²⁴.

В рассказе о том, как 240 000 египетских воинов отложились от царя и перебежали на сторону эфиопов, Геродот на-

²³ Ср. нашу «Историю древнегреческой литературы». М., 1962, стр. 211.

²⁴ См. Meyer; Ed., *Forschungen z. alten Geschichte*, B. I, стр. 192; How and Wells. Op. cit., стр. 202.

зывает их египетским словом «асмах» (II, 30), что по-египетски значит: «стоящие по левую руку царя». Соответствующее египетское слово «smhi», левый, звучит очень близко²⁵.

Иногда Геродот не вполне точно передает значение соответствующего египетского термина. В одном месте (II, 143) он приводит термин «пиромис», который, по его мнению, означает то же, что по-гречески «калос к'агатос», то есть идеально развитого гражданина. Между тем по-египетски «пи роми» означает просто «человек», как указывает Эд. Мейер²⁶.

Иногда Геродот допускает грубые неточности. Таково описание крокодила и гиппопотама: последнему он приписывает, например, несуществующую конскую гриву, из чего можно заключить, что он его близко не видел²⁷. Некоторые данные преувеличены, как, например, сведения о величине Меридова озера. По-видимому, у Геродота не всегда была возможность выработать вполне ясную точку зрения, как отмечает А. Доватур²⁸.

Иногда из-за стремления к максимальной конкретизации справедливая мысль Геродота получала причудливую форму и в конечном счете оказывалась выдумкой. Так, Геродот передает нам следующий рассказ, сообщенный ему жрецами. «Жрецы же рассказывали, что этот царь (Сесострис. — В. Б.) разделил всю страну между всеми египтянами, причем все они получили по одинаковому четырехугольному куску земли. Этим он обеспечил себе доходы, приказав ежегодно уплачивать известный налог. Если река отрывала кусок от какого-нибудь участка, то владелец его являлся к царю и объявлял о случившемся. Царь посыпал несколько людей для осмотра и измерения, насколько этот участок уменьшился, чтобы владелец продолжал платить налог соответственно оставшемуся участку. Таково, как мне кажется, происхождение науки геометрии, из Египта перешедшей в Элладу» (II, 109).

²⁵ Там же, стр. 193. См. также How and Wells. Op. cit., I, стр. 238.

²⁶ Ук. соч., стр. 193. См также How and Wells. Op. cit., I, стр. 238.

²⁷ Грамматик Полион (цитата из его сочинения дошла до нас в передаче Euseb. Praepar. Evang., X, 3, р. 467 D) указывал, что эта деталь, как и многие другие, заимствована Геродотом из произведения Гекатея. Полион, обвинивший в особом сочинении Ктесия в plagiatе, в другой работе обвинял в этом же Геродота.

²⁸ А. И. Доватур. Научный и повествовательный стиль Геродота. Л., 1957, стр. 99. См. также Pearson, Early Greek Historians. Oxf., 1939, стр. 84. О характере египетской информации Геродота см. также Лурье С. Я. Ук. соч., стр. 122, и приведенную там литературу.

Здесь совершенно верная мысль о том, что геометрические знания в Египте развились в результате практической потребности в измерении земли, приобрела характер фольклорного рассказа, обязанного своим возникновением все той же греко-египетской среде.

Сам Геродот, написавший свою книгу уже после того, как он побывал в Египте, вряд ли мог точно помнить, что в его материалах восходит к рассказам местных переводчиков и что он слышал от жрецов, с которыми встречался, общаясь с ними все через тех же переводчиков. Зарождающаяся историческая наука, за первыми шагами которой мы следим, читая труд Геродота, стремилась не к точности, а к занимательности рассказа, и этим обусловлены многие особенности труда «отца истории». В ряде случаев он мог просто растеряться перед обилием информации и не всегда выбирать наиболее достоверный вариант. Четкого понимания того, что различные источники обладают различной степенью достоверности, у него не было, и если египетские жрецы выступают у него в качестве великолепных знатоков греческой мифологии, то это объясняется его доверчивостью относительно получаемой информации²⁹.

Для того чтобы понять, как строил Геродот свой египетский логос, полезно представить себе, как технически осуществлялась работа «отца истории» по сбору и подготовке материала. Вряд ли все, что мы находим в его труде, было написано автором по памяти. Скорее всего, бывая во время своих путешествий в различных странах, Геродот составлял для себя краткие заметки наподобие того, как это делают современные туристы. Естественно, они могли быть только краткими и скжатыми. Позднее эти заметки подвергались обработке литературного характера. При этом могли быть использованы автором и литературные произведения предшественников, писавших на ту же или сходную тему. Материалы обрабатывались Геродотом отдельно для каждой страны, в которой он бывал (это было в духе современной ему историографии, где начинали преобладать сочинения, посвященные отдельным странам). Так возникали «логой», о которых он неоднократно упоминает. Не все они вошли в состав его труда (это, видно, напри-

²⁹ Жрецы, всегда с презрением и даже отвращением относившиеся к чужеземцам, вряд ли могли стремиться к тому, чтобы изучать греческий язык и мифологию. Во всяком случае, так обстояло дело в Сaisскую эпоху, для которой характерны архаизирующие тенденции. См. Sparig E. Herodot's Angaben über die Nilländer oberhalb Syene's. — Inaugur. disserv-

мер, из его ссылки на «ассирийский логос», который, как следует из контекста, должен был войти в его произведение, но не вошел — I, 184) ³⁰. Несоответствие начала труда Геродота, в понимании которого нет единодушия между исследователями, происходит, возможно, оттого, что Геродот сам не смог еще с достаточной ясностью выразить ту цель, которая была положена в основу скомпанионного им единого целого ³¹.

В составе «египетского логоса» мы можем иногда выделить те первоначально очень кратко записанные сюжеты, которые потом были развернуты до размера «новеллы». Таков, например, рассказ о сокровищнице Рампсинита (II, 121). Но другие заметки так и остались краткими записями, опубликованными без последующей литературной обработки,—таков рассказ о царице Нитокриде (II, 100). В. Али так и назвал его — «кратким рефератом» ³².

Как уже указывалось выше, первоначально собранный материал дополнялся на основании и других источников, среди которых могли иметь место и рассказы (как устные, так и письменные) других путешественников ³³. Так составился и

tation Halle, 1889, стр. 2.

³⁰ В свое время Бауэр (*Entstehung des Herodot's Geschichtswerk*, Wien, 1878) доказывал, что эти логосы существовали вначале самостоятельно, и Якоби (ук. соч., стр. 327) полностью с ним согласен.

³¹ Переводя это знаменитое введение («прооймий»), С. Я. Лурье в своей книге (Геродот, 1947, стр. 124) редактировал его следующим образом: «Нижеследующие изыскания Геродот Фуриец представляет для того... чтобы не заглохла слава об огромных и достойных удивления сооружениях, исполненных частью греками, частью варварами...» Но в примечании покойный профессор сам указывал на возможность понимать соответствующее слово греческого контекста как «подвиги»; а не «сооружения», что, как будто, подтверждается далее следующим текстом прооймия, где говорится о причинах войны, возникшей между эллинами и варварами. Однако в отдельных логосах — ср. египетский, II, 35, 1, а также III, 60, 27 — Геродот преследовал именно эту цель — рассказ об удивительных сооружениях (отсюда и подробности о строительстве египетских пирамид). Возможно, что Геродот допустил намеренную двусмысленность (которую Якоби — ук. соч., стр. 333—335 — хочет обойти своим слишком прямолинейным пониманием этого места). Но все же слово «подвиги», «действия» лучше передает смысл всего контекста, и это толкование поддерживает Поленц (Max Pohlenz, *Herodot der erste Geschichtsschreiber des Abendlandes*, L—B, 1937, S. 3), указывающий, что так понимал этот термин Дионисий Галикарнасский (Ad. Pomp. 3, 3, Thuc. 5.).

³² Аль W. Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Götting. 1921, стр. 58. («Man vergleiche... dem kurzen Referat...»).

³³ Геродота пытались обвинить в плагиате еще в древности, но, как замечает Легран, Геродот был просто начитанным человеком (ук. соч., стр. 157).

египетский логос, цельность которого можно объяснить только тем даром гениального рассказчика, которым обладал Геродот³⁴.

Но главным все же были его личные впечатления от путешествия. В рассказе о Родопис (II, 135) мы находим характерное замечание: «Публичные женщины в Навкратисе вообще прелестны». Это невольно вырвавшееся признание является воспоминанием путешественника о наиболее запомнившихся ему явлениях жизни этого своеобразного города, где бок о бок жили греки из различных государств Эллады и туземцы-египтяне.

Геродот уделил Египту больше внимания, чем другим странам. Причину называет он сам в начале своего изложения «египетского логоса»: «... я перейду к рассказу о Египте, более пространному, ибо он заключает в себе больше чудес, чем любая другая страна, и сооружения большие, чем вообще можно описать, сравнительно с любой другой страной...» (II, 35). По многим причинам как экономического, так и политического характера греки интересовались Египтом больше, чем любой другой страной Ближнего Востока.

Н. М. ЕЛИЗАРОВА

ВЫСТУПЛЕНИЯ РАБОВ И УГНЕТЕННЫХ НАРОДОВ РИМСКИХ ПРОВИНЦИЙ (ПО ДАННЫМ ЦИЦЕРОНА)

Долгое время буржуазная историография избегала изучения классовой борьбы и борьбы угнетенных народов против римского господства. Если и упоминались восстания рабов, то только как эпизодические, случайные явления для римской жизни. Провинции представлялись цветущими и довольными римской опекой, а присоединение их к Риму—благом для провинциальных народов, так как Рим выполнял цивилизаторскую миссию по отношению к завоеванным странам.

За последние годы, однако, в буржуазной историографии возрос интерес к проблемам классовой борьбы и движениям покоренных народов. Прогрессивные западные ученые стре-

³⁴ Vogt J. Op. cit., p. 130: «...das zweite Buch inhaltlich und stilistisch eine Einheit bildet...»; Aly W. Op. cit., p. 60.

мятся показать роль классовой борьбы в античной истории¹. Даже реакционная буржуазная историография, которая стремится опровергнуть марксизм, вынуждена принимать во внимание существование классовой борьбы в античности². Проблема классовой борьбы и борьбы угнетенных народов становится, таким образом, одной из основных проблем, на которых наиболее отчетливо выявляются различные точки зрения и развертывается острая идеологическая борьба.

Источники очень скромно освещают движения рабов и выступления провинциальных народов в 50—40 гг. I в. до н. э. Внимание античных авторов приковывают драматические события гражданской войны в Риме, на первое место выступает борьба Цезаря и Помпея. Тем важнее для нас каждое свидетельство античных писателей о борьбе угнетенных народов против Рима. Таким источником, который помогает в некоторой степени осветить интересующий нас вопрос, является литературное наследство Цицерона. Сведения Цицерона отрывочны, скучны, но, несмотря на это, дают довольно интересный материал для изучения данной проблемы. Некоторые свидетельства подтверждаются другими авторами, а иногда оказываются единственным источником.

Данные Цицерона о рабстве используются во многих работах. Однако специально изучению рабства по этим данным посвящена только одна работа Б. Больца³. В ней затрагива-

¹ Ср., например, статью Ш. Парена «Характер и специфика классовой борьбы в период классической античности» (*La Pensée*, Paris, 1963, № 108), написанную для «Второй недели марксистской мысли» в Париже, основное содержание которой — марксизм и общественные классы. См. также работу Бриссона о Спартаке (I. R. B r i s s o n. *Spartacus*, Paris, 1959).

² Если А. Хейсс на первой же странице своей работы выступает против положения «Манифеста Коммунистической партии» о том, что история общества есть история классовой борьбы (A. H e i s s. *Der Untergang der römischen Republik und das Problem der Revolution*. — *Historische Zeitschrift*, 1956, Bd. 182, S. 1), то Лауфер пишет: «Мы должны определить основное социальное отношение между свободными и рабами в античном мире как скрытую противоположность, которая только при особых обстоятельствах вела в открытой борьбе. Поэтому современное понятие классовой борьбы в его точном смысле в данном случае неприменимо». S. L a u f e r. *Die Sklaverei in der griechisch-römischen Welt*. — XI Congrès International des Sciences Historiques, Rapports II, Antiquité, Göteborg-Stockholm-Uppsala, 1960, S. 77). В. Уэстерман и И. Форт считают, что восстания рабов вызваны случайным стечением обстоятельств: массовый приток рабов, ухудшение их положения, жестокость отдельных рабовладельцев, рост пиратства, разорение свободных крестьян и т. д. (W. L. W e s t e r m a n n: *The Slave Systems of Greek and Roman antiquity*. Philadelphia, 1955, p. 62; J. V o g t. *Struktur der antiken Sklavenkriege*. Meinz, 1957, S. 7—13).

³ B. B o l z. *Niewolnicy w pismach Cicerona*: Poznan, 1963.

ется ряд проблем (взгляды на рабство до Цицерона и теория рабства в век Цицерона, Цицерон о юридическом положении рабов и др.). В начале своего труда автор говорит, что будет смотреть на рабство глазами Цицерона, избегая взглядов и оценок современности⁴. Разумеется, он не смог остаться на этих позициях и дал оценку взглядов Цицерона по тому или иному вопросу, но в отдельных случаях, действительно, ограничился констатацией фактов. Работа богата фактическим материалом, исчерпывающе полно подобраны свидетельства Цицерона по разбираемым вопросам. Наибольший интерес для изучения движений работ предствляет глава «Рабы как политический фактор», в которой Б. Больц разбирает сицилийские восстания рабов.

Литературное наследие Цицерона дает возможность рассмотреть ряд вопросов провинциального рабовладения. Прежде всего можно говорить, что в провинциях, как и в Италии, труд рабов использовался во всех отраслях хозяйства. Большой частью рабов в провинции использовали в сельском хозяйстве. В провинциях складывалось крупное землевладение, основанное на эксплуатации рабского труда. В нашем распоряжении очень мало данных для определения размеров земельной собственности, количества рабов у отдельных рабовладельцев в провинциях. Диодор говорит об использовании труда рабов в крупных земледельческих хозяйствах во II в. до н. э.⁵ Цицерон неоднократно упоминает об использовании рабов в хозяйстве крупных землевладельцев в Сицилии⁶, Галлии⁷, в Азии⁸. Применяли труд рабов в ремесле⁹, соляных промыслах¹⁰, гаванях¹¹, в доме рабовладельца¹², образованные рабы становились писцами¹³, чтецами, музыкантами¹⁴.

Из переписки Цицерона мы узнаем, что небольшая группа рабов находилась в привилегированном положении и пользовалась доверием своих господ¹⁵. Иногда им давались не толь-

⁴ Там же, стр. 8.

⁵ Dio d., 34, 2, 27; 34, 2, 34.

⁶ Cic., 2 Verr., V, 15, 18; III, 120.

⁷ Cic., pro Quinc., VI—VII, 28; XXIX, 90.

⁸ Cic., de imp. Pomp., VI, 16.

⁹ Cic., 2 Verr., I, 91—92.

¹⁰ Cic., de imp. Pomp., VI, 16.

¹¹ Там же.

¹² Cic., 2 Verr., I, 67.

¹³ Cic., 2 Verr., I, 92.

¹⁴ Cic., in Caecil., XVII, 55.

¹⁵ Cic., ad Q. fr., I, 2, 3; ad Att., I, 16.

ко частные поручения господ, но и доверялось выполнение государственных функций. Однако Цицерон выступает против использования рабов на государственной службе, и брату, находившемуся в провинции Азии, он пишет: «Но если кто-нибудь из твоих рабов исключительно предан тебе, то используй его в домашних и частных дела, а к тем делам, которые касаются твоих служебных обязанностей и хотя бы в малой доле—государства, пусть он не имеет никакого отношения»¹⁶.

Веррес широко использовал для выполнения различных поручений в Сицилии рабов храма Венеры¹⁷. Они были посыльными, выполняли полицейские функции (приводили на суд неявившихся, стерегли их во время разбирательства) и даже выступали в роли откупщиков¹⁸. Цицерон особенно возмущен последним. Откупа составляли привилегию римских всадников, и оратор негодует, что эта привилегия нарушается Верресом, да еще передается не свободному, а рабу. Правда, из речи явствует, что раб Венеры Диогнет был подставным лицом, так как у него не было своего имущества и взять на свои средства откуп он не мог. Цицерон обвиняет Верресса в том, что через рабов Венеры он получил большие прибыли. Тем не менее у этих рабов была известная самостоятельность и, вероятно, большие возможности для выкупа. Они сами становились рабовладельцами, и иногда довольно богатыми, как например, Агонида, отпущенница храма Венеры¹⁹. В ряде случаев рабовладельцы разрешали и рабам иметь рабов. Цицерон упоминает неоднократно викариев — рабов, принадлежавших рабам²⁰.

¹⁶ C i c . ad Q. fr., I, 17.

¹⁷ Хейвуд (P. M. H a u w o o d . Some Traces of Serviledom in Ciceros. Day.—Am. Jour. Philol., 1933, N 145) считает рабов храма Венеры крепостными на том основании, что они выступают в роли откупщиков, хотя одновременно отмечает, что юридически крепостного состояния в Риме не существовало. Законы признавали только рабов и свободных. Тем не менее Хейвуд утверждает, что во время Цицерона крепостные были на нероманизованной территории. Прислав рабов храма Венеры в Сицилии к крепостным, Хейвуд на основании этого делает заключение, что и служащие храма Марса в Ларине, упоминаемые Цицероном в речи «за Клуенция», тоже были крепостными. С мнением Хейвуда нельзя согласиться. У нас есть совершенно определенные указания Цицерона на рабское состояние служителей храма Венеры. Цицерон приравнивает их к государственным рабам в Риме (C i c ., 2 Verr., III, 86).

¹⁸ C i c ., 2 Verr., II, 92; III, 50; III, 55; II, 183; III, 86; III, 92; III, 89. Цицерон также обвиняет Пизона в том, что во время наместничества он «сделал публиканами своих рабов» (C i c ., in Pis.. 36).

¹⁹ C i c ., in Caecil., XVII, 55—56.

²⁰ C i c ., 2 Verr., I, 93; III, 86.

Исходя из данных Цицерона, можно утверждать, что рабы в провинциях стоили дешевле, чем в Италии. В речи за Квинкция Цицерон говорит о Невии, имевшем рабов в Галлии и в Риме²¹. Один из доверенных Невии «вел из Галлии назначенных в продажу рабов»²². Следовательно, в Риме ему было выгоднее продать их, чем в Галлии, если он предпочитал доставлять их в Италию. Катулл говорит, что вошло в обычай привозить из провинции рабов²³. Один из римских дельцов Маллеол почти все свое состояние вывез в провинцию, приобретая там среди прочих богатств и большое количество рабов²⁴.

Римские законы, запрещавшие должностным лицам приобретать собственность в провинции во время магистратуры, вместе с тем разрешали покупать там рабов, правда, только взамен умерших в провинции²⁵. Наместники, однако, игнорировали ограничения и широко использовали только разрешение.

В провинциях рабы были дешевле, видимо, потому, что кроме всех обычных для Италии источников рабства (война²⁶, пиратство²⁷, рождение детей у рабынь²⁸), здесь имелась широкая возможность порабощения свободного населения, что законодательным путем было запрещено по отношению к римским гражданам. О продаже свободных провинциалов в рабство говорят Цицерон²⁹, Плутарх³⁰.

Цицерон нигде не указывает количества рабов, находившихся у рабовладельцев в провинциях, но очень часто говорит, что их было много. «Этот Ведий встретился мне со своими двумя колясками... и многочисленными рабами»³¹. Г. Маллеол «оставил после себя множество искусственных мастеров и немало красивцев-рабов»³². Многочисленных рабов имели откупщики³³. Вряд ли это просто риторический оборот оратора.

Скопление рабов в провинциях римские рабовладельцы

²¹ Cic., pro Quinc., VI—VII, 28; VI, 24.

²² Cic., pro Quinc., VI, 24.

²³ Catull, X, 13—19.

²⁴ Cic., 2 Verr., I, 91—93.

²⁵ Cic., 2 Verr., IV, 9.

²⁶ Cic., ad Q. fr., III, 7, 4; ad Att. IV, 16, 7; V, 20, 5; ad fam., VII, 24, 2; Plut., Caes., XV.

²⁷ Cic., de imp. Pomp., XII, 33.

²⁸ Varri, R. f., II, 10, 6—8.

²⁹ Cic., Pro Flac., 17; ad Q. fr., I, 2, 6.

³⁰ Plut., Luc., XX.

³¹ Cic., ad Att., VI, I.

³² Cic., 2 Verr., I, 91.

³³ Cic., de imp. Pomp., VI, 16.

считали опасным для себя и стремились усилить свою власть над ними. В письме к брату Цицерон пишет о необходимости сурового обращения с рабами прежде всего в провинциях. «Над ними мы должны властвовать всюду, а особенно в провинциях»³⁴. В речи о Манилиевом законе, выступая за представление чрезвычайных полномочий Помпею, Цицерон в качестве довода ссылается на страх рабовладельцев Рима перед возможным выступлением рабов, вызванным близостью враждебных войск азиатских царей³⁵. Чрезвычайными полномочиями наделяли римских магistrатов не только для борьбы с внешним врагом, но и для подавления выступлений рабов и покоренных Римом народов.

Прежде всего римляне заботились о том, чтобы рабы не могли иметь оружия. Например, в Сицилии после подавления второго сицилийского восстания рабов все преторы, управлявшие Сицилией, неизменно включали в свой эдикт пункт — «ни один раб не имеет права носить оружие»³⁶. Цицерон приводит пример применения этого закона наместником Сицилии Домицием. «Луцию Домицию, во время его претуры в Сицилии, однажды принесли убитого огромного вепря; он с удивлением спросил, кто его убил; узнав, что это был чей-то пастух, он велел позвать его; тот немедленно прибежал в надежде на похвалу и награду; Домиций спросил его, как убил он такого огромного зверя; тот ответил — рогатиной. Претор тут же приказал его распять»³⁷. Цицерон воздерживается от оценки данного поступка, однако из заключительной фразы совершенно очевидно его отношение к нему. «Я только вижу, что Домиций предпочел прослыть жестоким, карая ослушника, а не, попустительствуя ему, — беспечным»³⁸.

Цицерон замечает, что поступок Домиция был хорошо из-

³⁴ Cic., ad Q. fr., I, I.

³⁵ Cic., de imp., Rorpr., VI, 16.

³⁶ Cic., 2 Verr., V, &

³⁷ Cic., 2 Verr., V, 8.

³⁸ Cic., 2 Verr., V, 8. Анализируя этот эпизод, Б. Больц различает две стороны в отношении Цицерона к жестокости римских рабовладельцев и должностных лиц. Он пишет, что в практике Цицерон оправдывал быстрые, суровые меры, которые римляне применяли в войнах с рабами, но внутреннее чувство человечности мешало ему признавать такую жестокость и безоговорочно соглашаться с политикой Рима в Сицилии (Ук. соч., стр. 75). Первая позиция Цицерона Б. Больцем убедительно доказывается. Цицерон видел в восстаниях рабов угрозу собственности зажиточных слоев, к которым сам принадлежал (стр. 75). Вторая остается предположением и основывается только на том, что Цицерон воздержался от оценки поступка Домиция.

вестен каждому римлянину. Видимо, его считали достойным, подражания и позаботились о том, чтобы в Риме о нем узнали. Даже рогатина в руках раба, использованная для борьбы со зверем, была опасна для римлян и рассматривалась как возможное оружие против них.

Наиболее распространенной формой классовой борьбы рабов было бегство³⁹. Бежавшие рабы искали убежища в храмах. Однако римляне очень мало считались с правом храмового убежища. Квестор М. Аврелий Скавр хотел увести бежавшего от него раба из храма Дианы Эфесской. Ему пытались помешать знатный эфесец Перикл, которого Скавр вызывал в Рим на суд⁴⁰. Вмешательство знатного эфесца Е. М. Штадерман считает проявлением постоянно тлевшей оппозиции провинциалов против римлян⁴¹.

Рабы, бежавшие от своих хозяев в Риме, стремились скорее выбраться за пределы Италии и устремлялись в провинции, рассчитывая, что там легче будет скрыться. Дионисий, раб Цицерона, бежал в Иллирию, где «говорил, что он отпущен... на свободу»⁴². В Киликию бежал раб Аттика⁴³. Лицин, раб трагика Эзопа, бежал в Афины, затем в Азию и выдавал себя там за свободного. Когда из письма его господина стало известно, что он бежал, его схватили и передали под стражу в Эфесе. Цицерон просит брата Квинта, наместника Азии, привезти бежавшего раба в Рим «со всей предосторожностью, хотя бы при себе»⁴⁴. Видимо, Цицерон и хозяин раба боялись, как бы Лицин не бежал вторично. Считая бегство раба «преступлением и дерзостью»⁴⁵, Эзоп, по всей видимости, собирался казнить раба, так как Цицерон пишет о Лицине «ведь мало стоит тот, кто уже ничто»⁴⁶.

³⁹ С.с., 2 Verr., IV, 112; ad fam., IV, 12, 3; V, 9, 2; ad Att., V, 15, 3; VI, I, 13. Лауфер вообще не считает побеги рабов или убийства ими рабовладельцев проявлением классовой борьбы, так как в данном случае рабы не выступали против рабства в целом, а только против индивидуальных случаев угнетения. (Ук. соч., стр. 75). Несостоятельность этого положения Лауфера показана в обзоре Г. Г. Дилигенского. «Проблемы истории античного рабства» на XI международном конгрессе исторических наук в Стокгольме. — ВДИ, 1961, № 2, стр. 126.

⁴⁰ С.с., 2 Verr., I, 85.

⁴¹ Е. М. Штадерман. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской Республике. М., 1964, стр. 219.

⁴² С.с., ad fam., XIII, 77, 3.

⁴³ С.с., ad Att., V, 15, 3; VI, I, 13.

⁴⁴ С.с., ad Q. fr., I, I, 14.

⁴⁵ С.с., ad Q. fr., I, 2, 14.

⁴⁶ С.с., ad Q. fr., I, 2, 14.

Долгое время убежищем для беглых рабов являлась Сицилия — самая близкая к Италии провинция. О массовом бегстве рабов в Сицилию свидетельствует надпись⁴⁷ претора (относящаяся к середине II в. до н. э.), разыскавшего и возвращившего итальянским рабовладельцам 917 рабов.

Рабы не только бежали от своих господ, но и убивали их. У Цицерона нет прямых указаний на убийство рабами рабовладельцев, но в случае невыясненных убийств подозрение сразу падало на беглых рабов⁴⁸. В одном из писем Цицерон говорит, что после убийства в Греции бывшего консула Марка Марцелла, рабы его «бежали, пораженные страхом, оттого, что их господин был убит»⁴⁹. Страх расплаты за убийство рабовладельца у рабов вполне естествен. Кроме того, убийство господина создавало благоприятные условия для бегства рабов и рабы Марцелла могли воспользоваться этим обстоятельством.

Иногда сами рабовладельцы привлекали рабов для участия в борьбе среди свободных. В речи за Клуенция Цицерон с возмущением отмечает, что Невий, компаньон Клуенция, выгнал Клуенция из его галльского имения при помощи его же собственных рабов. «По твоему приказанию, рабы подняли руку на своего господина», — негодует Цицерон⁵⁰. Рабовладелец Цицерон до глубины души возмущен поведением Невия, призвавшего рабов выступить против господина.

Для разбоя и насилия в провинции вооружает своих рабов ставленник Верреса Рубрий, используя еще и рабов ликтора Верреса Корнелия. Богатый лампсакец Филодам, защищаясь от притязаний Верреса, «кликнул своих рабов... рабы Рубрия и хозяина вступили в драку»⁵¹. Такое использование рабов в качестве личной охраны становится уже обычным в Римской республике I в. до н. э. В. И. Ленин указывает, что «в условиях рабовладельческого общества рабы, как мы знаем, восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но иногда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов»⁵².

⁴⁷ CJL I² 638-Dessau 23.

⁴⁸ Cic., Brut, 22; 2 Verr., II, 62—63.

⁴⁹ Cic., ad fam., IV, 12, 3.

⁵⁰ Cic., pro Cluent., XXVII, 85.

⁵¹ Cic., 2 Verr., I, 67.

⁵² В. И. Ленин. О государстве. Соч., т. 29, стр. 449.

Самым опасным для римских рабовладельцев были, конечно, восстания рабов.

Долгие годы они не могли забыть сицилийских восстаний и восстания Спартака. Неоднократно Цицерон возвращается к этим событиям⁵³. Изучение сицилийских восстаний по данным Цицерона невозможно. Чаще всего он упоминает о них для сравнения своих политических противников — Клодия, Антония и Верреса — с вождем восстания Афинионом. Другие вожди восстания в Сицилии им не упоминаются. Из описания I сицилийского восстания у Цицерона можно почерпнуть только сведения о захвате рабами г. Энны⁵⁴.

Значительно чаще Цицерон упоминает II сицилийское восстание рабов. В 75 г. Цицерон был квестором в Лилибее. От II восстания рабов в Сицилии его отделяло всего 25 лет. Б. Больц предполагает, что информацию об этом восстании Цицерон получил во время своей квестуры, так как он ничего не говорит о восточной части Сицилии, а ограничивается операциями Афиниона с 104 по 101 гг., которые были связаны с городами Сегестой и Лилибеем⁵⁵.

Мнение Б. Больца убедительно. Действительно, у Цицерона фигурирует Афинион — вождь II сицилийского восстания рабов, действовавший в западной части острова. Цицерон называет его царем беглых рабов⁵⁶, совершенно не упоминая Сальвия (Трифона).

Цицерон представляет себе восстание продолжительным по времени и широким по размаху. К восстанию Цицерон относится явно отрицательно. Восставших он иначе не называет как «беглые варвары», которые «по всем своим качествам, были склонны скорее к злодейству, чем к благочестию»⁵⁷, «громадные шайки беглых рабов»⁵⁸ и т. д. Правда, помощники Верреса выглядят у Цицерона в сравнении с рабами еще хуже⁵⁹. Б. Больц замечает, что о восстании Цицерон говорит как адвокат, а не как участник событий⁶⁰.

С большим удовлетворением Цицерон отмечает:

⁵³ Cic., 2 Verr., I, 8; IV, 112; II, 27; II, 136; III, 66; III, 125; V, 3; ad Att., II, 12, 2; VI, 2, 8 de oratore, II, 28, 47.

⁵⁴ Cic., 2 Verr., IV, 112.

⁵⁵ Bolz. Ук. соч., стр. 70.

⁵⁶ Cic., 2 Verr., II, 136; III, 66.

⁵⁷ Там же, IV, 112.

⁵⁸ Cic., 2 Verr., III, 125; II, 27.

⁵⁹ Cic., 2 Verr., II, 136; III, 66.

⁶⁰ Bolz. Ук. соч., стр. 76.

«Насколько мне известно, после той войны, которую завершил Маний Аквиллий в Сицилии, войны с беглыми рабами не было»⁶¹. Здесь же Цицерон говорит, что римские рабовладельцы все же боялись новых выступлений в Сицилии и принимали меры к предотвращению этих восстаний. «Самый же разгар лета... преторы Сицилии всегда проводили в разъездах, считая особенно важным надзор за состоянием провинции тогда, когда хлеб находится на току, так как в эту пору челядь бывает в сборе, рабов легко пересчитать, тяжелый труд вызывает недовольство челяди, обилие хлеба волнует умы, а время года не является помехой»⁶². И дальше: «Распоряжения преторов и строгость владельцев предотвращают опасность мятежей рабов»⁶³. Не только власти, но и каждый рабовладелец строгими мерами должен обеспечивать спокойствие римского государства. Из речей Цицерона пропив Верреса яствует, что в Сицилии было далеко не спокойно⁶⁴. Несмотря на жестокую расправу после второго сицилийского восстания, рабы Сицилии готовы были подняться на новое восстание, и римским рабовладельцам приходилось все время внимательно следить за настроением рабов и принимать меры к предотвращению их выступлений. О состоянии Сицилии в период восстания Спартака пишет и Плутарх. «Очень мало нужно было горючего, чтобы зажечь вновь войну в Сицилии»⁶⁵.

Восстания рабов были всегда и везде опасны для римлян, в провинциях же особенно. Цицерон откровенно излагает точку зрения римлян на провинции как источник доходов. «Азия в течение многих лет, во время войны с Митридатом, вам доходов не приносила, с обоих Испаний мы, во время Сертория, никаких податей не получали. Городским общинам Сицилии во время войны с беглыми рабами Маний Аквиллий даже дал хлеб заимообразно»⁶⁶. Любое движение в провинциях лишало римскую казну доходов, и римское правительство принимало все меры к предотвращению или ликвидации провинциальных восстаний.

О постоянном недовольстве провинций свидетельствуют многочисленные факты. Цицерон неоднократно говорит о

⁶¹ Cic., 2 Verr., V, 5.

⁶² Cic., 2 Verr., V, 29.

⁶³ Cic., 2 Verr., V, 8.

⁶⁴ См. А. А. Мотус. Из истории восстания Спартака. — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 68, Л., 1948.

⁶⁵ Plut., Crass., 10.

⁶⁶ Cic., II Lex agr., XXX, 83.

враждебности провинций Риму⁶⁷. Нередки случаи убийства римских должностных лиц⁶⁸. Что это не единичные случаи, доказывает наличие римского закона, упомянутого Цицероном: «городу, в котором нанесено какое-либо оскорбление легату римского народа — не говоря уже о том, если его осадили в его доме и угрожали ему огнем и мечом и всякого рода насилием, — этому городу объявлялась война, против него открывались враждебные действия»⁶⁹. Страх перед жестокой расправой должен был быть гарантией безопасности римской провинциальной администрации. Но даже самые суровые меры не спасали Рим от восстаний провинций.

Восстания в провинциях были обычным явлением. Цицерон пишет брату: «В городах никаких восстаний, никаких раздоров... в Мисии прекращен разбой; во многих местах положен конец убийствам; во всей провинции мир; не только знаменные грабежи на дорогах и в сельских местностях, но гораздо более частые и крупные в городах и храмах уничтожены... Нам, я полагаю, нечего опасаться... ни отпадения союзников... ни восстания войска... Тебе дан полный мир, полное спокойствие»⁷⁰. Цицерон утешает брата тем, что ему дана в управление спокойная провинция, но перечисление восстаний, грабежей и разбоя, которые имели место до этого в Азии, подтверждает, что восстания и другие формы недовольства в провинции были постоянной опасностью для римского государства.

О восстаниях в провинциях Цицерон упоминает только в связи с его личными делами и делами близких ему лиц. Так, о событиях в Иллирии и Далмации мы узнаем из переписки Цицерона относительно его беглого раба.

Раб Цицерона Дионисий, смотревший за его библиотекой, бежал и нашел убежище в провинции Иллирия. В «Александрийской войне» дается такая характеристика этой провинции: «Иллирия была отчасти опустошенная, отчасти неверная». Она «была вконец опустошена происходившей по соседству войной и внутренними раздорами»⁷¹. Цицерон пишет осенью 46 г. до н. э. наместнику Иллирии Суллыцио Руфу о бегстве раба и просит поймать его и вернуть ему⁷². На другой под с

⁶⁷ Cic., pro Font., XV, 33; XII, 26—27; VI, 12; ad fam., XV, 1 5; IV, 9, 4.

⁶⁸ Cic., 2 Verr., I, 67—70; Bel. Allex, 48, 50.

⁶⁹ Cic., 2 Verr., I, 79.

⁷⁰ Cic., ad Q. fr., I, I, 25.

⁷¹ Bel. Alex., 43, 42.

⁷² Cic., ad fam., XIII, 77, 3.

такой же просьбой он обращается к наместнику 45 г. Публию Ватинию. Из переписки с ним мы узнаем, что далматы выступили против Рима и раб Цицерона бежал в Далмацию. Цицерон желает скорой победы Ватинию. «Да покарают боги далматинцев, которые причиняют тебе неприятности. Но, как ты пишешь, они будут захвачены и прославят твои деяния; ведь они всегда считались воинственными»⁷³. События развертываются не так, как предполагали наместник и Цицерон. Первое упоминание о выступлении далматинцев в письмах Цицерона относится к июлю 45 г., в октябре Цицерон желает Ватинию триумфа⁷⁴. В декабре Ватиний пишет: «После назначения молений в мою честь я отправился в Далмацию; шесть городов я взял силой путем осады... Один этот, который был самым крупным, был мною взят уже четвертый раз; ведь я взял четыре башни и четыре стены и всю их крепость, из которой меня выгнали снега, дожди и я, мой Цицерон, был вынужден недостойным образом оставить уже взятый город и отказатьсь от уже законченной войны»⁷⁵. В январе 44 г. Ватиний снова пишет Цицерону: «Насчет твоего Дионисия я до сего времени ничего не выяснил и тем менее, что далматинский мороз, который выгнал меня оттуда, снова заморозил меня даже здесь. Все же не перестану, пока когда-нибудь не отрою его. Но ты требуешь от меня все трудное... Цезарь до сего времени поступает со мной несправедливо... Ведь если следует ждать, пока я закончу войну, то в Далмации двадцать древних городов, а тех, которые они себе присоединили — больше шестидесяти»⁷⁶.

На основании этих писем нельзя говорить ни о причинах, ни о характере, ни о ходе войны с далматами. Можно констатировать только наличие самой войны, размеры ее и длительность. «Неверность» Иллирии, видимо, была связана с граничным положением провинции и соседством воинственных далматов, выступавших против Рима.

Аппиан указывает, что после смерти Цезаря Иллирия была почти полностью потеряна для Рима. «Когда же Цезарь был убит, иллирийцы, считая, что вся сила римлян была в Цезаре и с ним погибла, уже ни в чем не повиновались Ватинию, ни в уплате податей, ни в чем другом, когда же он попытался принудить их силой, они напав на него, уничтожили

⁷³ Cic., ad fam., V, II, 3.

⁷⁴ Cic., ad fam., V, 9; V, II, 3.

⁷⁵ Cic., ad fam., V, 10в, 1.

⁷⁶ Cic., ad tam., I, 10а, 1.

пять когорт с их начальником Бебиеном... Ватиний с оставшимися войсками удалился в Эпидамн»⁷⁷.

Иллирия вместе с Македонией была передана в управление Бруту, но ему некогда было заниматься иллирийскими делами из-за войны с Антонием и Октавианом.

Октавиану после захвата власти пришлось организовать специальную экспедицию для нового завоевания Иллирии. Он направился «против иллирийцев, грабивших Италию. Одни из них никогда не были подчинены римлянам, другие отпали во время войны»⁷⁸.

Еще более отрывочны сведения о других восстаниях. Цицерон говорит о больших потерях в войске Писона в Македонии в связи с мелкими стычками с местными племенами⁷⁹. О движении в Испании Цицерон говорит неоднократно. В речи за Корнелия Суллу Цицерон отмечает, что в Испании беспорядки «происходили сами собой»⁸⁰. О непокорности испанцев говорит и Плутарх⁸¹. Упоминает Цицерон и о восстании Сертория⁸². В пятидесятые годы I в. до н. э. движения в Испании не прекращались. В одном из писем Цицерон указывает на восстание в Испании в 56 г. до н. э.⁸³ Квестор Испании 54—50 гг. до н. э. Кв. Кассий Лонгин «был там ранен из-за угла»⁸⁴. А в 47 г., когда Лонгин был пропретором Испании, против него вновь поднялось недовольство⁸⁵. О восстании в Галлии и Сирии до Цицерона доходят только слухи⁸⁶, но в речи за Фонтея Цицерон характеризует Галлию, как провинцию, постоянно враждебную Риму⁸⁷.

Несколько более подробны сведения в письме Целия Руфа из Цизальпинской Галлии о восстании в Лигурии. «Однако за какие преступления на мою долю выпала необходимость обратной поездки в сторону Альп? Из-за того, что итиминийцы взялись за оружие и без больших оснований. Беллиен, раб, выросший в доме Деметрия, который находился там с гарнизоном, захватил, приняв деньги от противной партии, некоего

⁷⁷ App., Bel. III уг., 13.

⁷⁸ App., Bel. civ., V, 145.

⁷⁹ Cic., ad Q. fr., III, I, 24; pro Sest., XXXIII, 71.

⁸⁰ Cic., pro Sull., XX, 57.

⁸¹ Plut., Mar., VI.

⁸² Cic., de imp. Romp., IV, 9—10; 2 Verr., V, 72; pro Font., VI, 14; VII, 16.

⁸³ Cic., ad fam., X, 32, 2.

⁸⁴ Bel. Alex., 48.

⁸⁵ Cic., ad Att., XI, 10, 2; XI, 16, I, Bel. Alex., 50.

⁸⁶ Cic., ad fam., VII, 13, 2; VII, 18, 4; XII, I; VIII, I, 4.

⁸⁷ Cic., pro Font., I, 12.

Домиция — человека, жившего там и связанного с Цезарем узами гостеприимства, и задушил его. Община взялась за оружие. Туда я должен отправиться через снега с четырьмя когортами»⁸⁸. Но и из этого письма неясно, что послужило причиной восстания общины, какие требования выдвигали восставшие, т. е. опять кроме самого факта восстания и необходимости послать на подавление его военные силы и причастности к этому восстанию раба ничего сказать нельзя.

Довольно много места в переписке Цицерона занимает описание восстаний в Киликии во время его наместничества. Еще в 55 г. его предшественнику Лентпулу приходилось воевать с местными непокоренными племенами и восставшими⁸⁹, за что он был провозглашен императором⁹⁰. В 52 г. звание императора получил Аппий Клавдий Пульхр⁹¹. В августе 51 г. Цицерон пишет Аттику: «выеезжаю из Лаодикеи в Ликаонию, в лагерь. Оттуда думаю к Тавру, чтобы, сразившись с Мерагеном, решить насчет твоего раба, если это окажется возможным»⁹². Мераген — предводитель разбойников в горах Киликии, у которого скрывался беглый раб Аттика. Горы Киликии были надежным убежищем для всех, кто выступал против римлян.

В сентябре 51 г., после получения известия о движении парфян, Цицерон доносит в Рим сенату и консулам: «Киликия будет более надежной, если и она узнает мою справедливость. И по этой причине, и чтобы подавить тех из киликийских племен, которые взялись за оружие, и чтобы тот враг, который находится в Сирии, знал, что по получении этих известий войско римского народа не только не отходит, но даже подходит ближе, я решил вести войско к Тавру»⁹³. Цицерон неоднократно говорит о ненадежности Киликии и борьбе местных племен с оружием в руках против римлян. Он называет киликийцев исконными врагами римлян. Видимо, киликийцы часто выступали против римского господства, чем и объясняется такая характеристика Цицерона. Угроза парфянского вторжения создавала благоприятную обстановку для выступления покоренных народов против римлян. Выступление киликийцев облегчалось еще тем, что в Киликии были племена, не покоренные Римом, и их борьба против Рима вселяла надежду и му-

⁸⁸ Cic., ad fam., VIII, 15, 2.

⁸⁹ Cic., ad fam., I, 8, 7.

⁹⁰ Cic., ad fam., I, 9, 2.

⁹¹ Cic., ad fam., III, 10, I.

⁹² Cic., ad Att., V, 15, 3.

⁹³ Cic., ad fam., XV, I, 3.

жество в жителей провинции. Цицерон объясняет Катону, что город Пинденис «был населен теми, кто никогда не повиновались даже царям, и так как они принимали беглых и с великим нетерпением ожидали прихода парфян, то я счел, что для авторитета моей власти важно подавить их дерзость, чтобы тем легче сломить прочих, враждебно относившихся к нашей власти»⁹⁴. Против горных племен Киликии, восставших против Рима, Цицерон со всей своей армией ведет настоящую войну по всем правилам римского военного искусства⁹⁵. В письме к Аттику⁹⁶ Цицерон подробно освещает военные действия. Двумя приступами Цицерону и его легату Помптину удалось взять лагерь, «укрепленный сильнейшим образом». Римляне истребили, по словам Цицерона, «великое множество врагов», разрабили и опустошили Аман.

Через несколько дней об этих же событиях Цицерон пишет Катону. Из этого письма видно, что в военных действиях против Амана действовали все четыре легата Цицерона. Римляне взяли и разорили несколько селений. Цицерону удалось обмануть врага видимостью отступления и внезапно напасть на него. «Сокрушили большую часть ничего не подозревавших врагов, которые были убиты и взяты в плен»⁹⁷. Цицерон описывает методы, какими он приводил к покорности население. «После таких действий мы на четыре дня расположились лагерем у подножья Амана... и провели все это время, разрушая остатки Амана и опустошая поля на той части этой горы, которая относится к моей провинции»⁹⁸.

Победа Цицерона была далеко не полной. Бибул в сосед-

⁹⁴ Cic., ad fam., XV, 4, 10. Л. С. Ильинская опровергает установленную в литературе (Т. Моммзен, Г. Ферреро, Х. Хескелл, Д. Мейджи) точку зрения, что военные действия Цицерона были незначительными карательными экспедициями против разбойников, и считает, что Цицерону пришлось вести упорную, кровопролитную борьбу. (Л. С. Ильинская. Литературное наследие Цицерона как источник для изучения положения малоазийских провинций Рима в конце республики. — ВДИ, 1966, № 3, стр. 159—161.) А. Г. Бокщанин в связи с рассмотрением военных действий римлян против парфян говорит о роли в них Цицерона, который со значительной по тому времени армией в 27,5 тыс. чел., поддерживая операции Гая Касия в Сирии, занял горные переходы Аманского хребта и готов был перейти в наступление. Затем для укрепления римских позиций в провинции Киликии счел необходимым ликвидировать независимость горных племен Амана. (А. Г. Бокщанин. Парфия и Рим, ч. II. Изд. МГУ, 1966, стр. 62—67).

⁹⁵ Cic., ad fam., XY, 4, 10.

⁹⁶ Cic., ad Att., V, 20.

⁹⁷ Cic., ad fam., XV, 4, 8.

⁹⁸ Cic., ad fam., XY, 4, 9,

ней Сирии «пожелал сравниться со мной в этом пустом звании (императора) и начал военные действия на том же Амане, потеряв всю первую когорту»⁹⁹. Цицерон доволен неудачей своего соседа. В этом соперничестве наместников, в отсутствии согласованных действий, видимо, крылась еще одна причина, почему римляне не могли подавить сопротивление киликийцев.

Дальше идет описание военных действий против элевтерокилийцев.

В письме Аттику Цицерон описывает военные действия против этих непокоренных племен. «Эти дикие и храбрые люди, вполне подготовленные к обороне»¹⁰⁰. Цицерон осаждает Пинденисс: «Мы окружили город валом и рвом, огромной насыпью, навесами, установили очень высокую башню, множество метательных орудий и расставили многочисленных стрелков; с большим усилием и подготовкой, потеряв много раненых, но без урона для войска, мы завершили дело. Сатурналии оказались радостными также для солдат, которым я отдал всю добычу, кроме лошадей. Рабы были проданы на третий день Сатурналий. Когда я пишу это, выручка на торгах доходит до 12 000 000 сестерциев. Поручаю брату Квинту отвести отсюда войско на зимние квартиры в недостаточно усмиренную местность; сам я возвращаюсь в Лаодикею»¹⁰¹. Несмотря на все успехи, Цицерон вынужден признаться, что провинция не была усмирена.

Катону Цицерон почти теми же словами, что и Аттику, рассказывает ход боя под Пинденисом, говорит о большой трудности осады. Несмотря на всю военную технику, римляне смогли взять город только после двухмесячной осады. В письме говорится и о результате этой победы. «После того как все части города были разрушены или подожжены, жители оказались вынуждены отдать под мою власть. Соседями их были тебарцы, такие же, как они, преступные и дерзкие; взяв Пинденисс, я принял от них заложников»¹⁰².

Через месяц после отправки этих писем Цицерон сообщает Аттику, что раба его найти не удалось. «Никаких следов Теренция я не нашел. Мераген, несомненно, погиб; я проехал через его владения, в которых не осталось ни одной живой

⁹⁹ Cic., ad Att., V, 20, 4.

¹⁰⁰ Cic., ad Att., V, 20, 5.

¹⁰¹ Cic., ad Att., V, 20, 5.

¹⁰² Cic., ad fam., XY, 4, 10.

твари»¹⁰³. В конце своего наместничества Цицерон пишет: «В Тарс я приезжал в июньские ноны. Там много встревожило меня: большая война в Сирии, большой разбой в Киликии»¹⁰⁴. Следовательно, на основе переписки можно говорить, что волнения в Киликии продолжались по меньшей мере с 55 по 50 гг. до н. э. Вряд ли они прекратились и после отъезда Цицерона, но они уже не интересовали его.

Даже из отрывочных сведений Цицерона очевидно, что восстания имели место в Испании, Галлии, Иллирии, Македонии, Азии, Сирии, Киликии (7 провинций из 13). Письма, в которых они упоминаются, датируются 59, 55, 54, 51—49, 47, 45—43 гг. до н. э. (время переписки). Можно предположить, что они были до и после, но не нашли отражения в произведениях Цицерона). Уже по этому можно судить, как часто поднимались восстания в провинциях. Ни о социальном составе, ни о программе восставших ничего сказать нельзя. Несомненно, что эти движения носили антиримский характер и временами приобретали характер организованной военной борьбы против римлян. Восставшие строили укрепления и оказывали упорное сопротивление римской армии. Все эти движения были небольшими и сравнительно легко подавлялись римлянами, но они свидетельствовали о том, что провинциалы пытались с оружием в руках бороться против римского господства.

Интересно, что почти каждое упоминание о восстании у Цицерона связано с рабами. Рабы бегут от своих господ и находят убежище у восставших, убивают рабовладельцев и поднимают восстание.

В рабовладельческом Риме любое выступление против господствовавшей аристократической верхушки в той или иной степени было связано с движениями рабов. Переписка Цицерона как раз и дает возможность установить эту связь.

T. P. КАЦ

АНТИЧНЫЕ ТРАДИЦИИ О КОЛОНИЗАЦИИ САРДИНИИ

Сардиния в силу своего географического положения и естественных богатств с древнейших времен привлекала к себе внимание различных народов. Здесь скрещивались интересы

¹⁰³ Cic., ad Att., VI, I, 13.

¹⁰⁴ Cic., ad Att., VI, 4, I.

финикийцев, греков и этрусков. Проследить эти взаимоотношения, значит восстановить одну из страниц древнейшей истории острова, что, в свою очередь, прольет свет и на международную обстановку в этом районе Западного Средиземноморья.

Сардиния не оставила собственных письменных свидетельств. Дошедшие до нас данные греческих и римских авторов о колонизации острова отрывочны, носят в основном легендарный характер, что чрезвычайно затрудняет их анализ. Разумеется, фрагментарность сведений о доримской Сардинии, с которой сталкивается современный исследователь, объясняется не отсутвием интереса к ней у древних авторов, а тем, что большая часть этих сведений утеряна. По крайней мере, во времена Полибия недостатка в свидетельствах о Сардинии не было. Рассказывая о восстании карфагенских наемников, вспыхнувшем в Сардинии после первой пунической войны, Полибий сделал интересную оговорку: «Так потеряна была для карфагенян Сардиния, остров замечательный по величине, многолюдству населения и по своему плодородию. Повторять об этом острове всем известное мы находим излишним, так как писали о нем многие, притом обстоятельно»¹. Однако уже ко времени Павсания положение изменилось: «Я ввел описание Сардинии в мой рассказ о Фокиде потому, что эллины в гораздо меньшей степени, чем о чем-либо другом, слыхали и знают об этом острове»².

Согласно свидетельствам античных авторов, Сардиния заселялась иноземными народами, главным образом греками, во главе с мифологическими героями. Делать на основании этой традиции твердые выводы не представляется возможным, тем не менее игнорировать ее нельзя, так как в ней могли отразиться какие-то исторически реальные отношения. К настоящему времени значительный материал накопила археология, что позволяет до некоторой степени проверить свидетельства античных авторов.

Данные античной традиции о заселении острова, которые сохранились, настолько фрагментарны, что невозможно восстановить связную историю колонизации Сардинии. Фрагментарность источников вынуждает нас нарушить хронологический принцип при рассмотрении известий античных авторов. Наиболее полно и систематически сведения о колонизации

¹ Polyb., I, 79.

² Paus., X, 17, 13.

Сардинии изложены у Павсания, который использовал более древние, не дошедшие до нас источники. Поэтому мы будем разбирать данные традиции в его последовательности, привлекая параллельные места из других античных авторов.

Согласно Павсанию, «первыми переехали на этот остров на кораблях ливийцы»³. Вождем их был Сард, по имени которого остров получил свое название. «Однако изгнать совсем местных жителей ливийскому войску не удалось, и эти пришельцы скорее под гнетом необходимости, чем по доброй воле со стороны местных жителей, были приняты и поселились здесь»⁴. Ту же версию о приходе в Сардинию ливийцев во главе с Сардом передают Силен⁵ и Солин⁶.

Спустя некоторое время после прихода ливийцев на остров прибыли поселенцы из Эллады во главе с Аристеем, сыном Аполлона и нимфы Кирены⁷. Сведения о приходе в Сардинию поселенцев во главе с Аристеем сохранились еще у Псевдо-Аристотеля, Диодора, Солина. Диодор рассказывает о том, что Аристей, насаждая растения, остров «из дикого сделал способным для жительства»⁸. В трактате Псевдо-Аристотеля «De mirabilibus auscultationibus» процветание Сардинии становится в зависимость от прихода сюда Аристея, который выступает в качестве учителя агркультуры⁹. Солин приписывает Аристею основание Карапеса¹⁰. Это заставляет предположить, что сведения Солина и Павсания восходят к какому-то одному источнику с той разницей, что Павсаний стремился критически воспринимать данные, которыми пользовался: «Мне кажется, что и числом и силами они (поселенцы во главе с Аристеем — Т. К.) были слишком слабы, чтобы приступить к основанию и постройке городов»¹¹. Источники Павсания приписывали походу Аристея участие в нем Дедала¹², изобретателя и строителя. Таким образом, если последова-

³ Paus., X, 17, 2.

⁴ Ibid.

⁵ Sil., XII, 35. Silenus Calactinus — воевал под командованием Ганибала, описал его походы и сочинил «Сикилику» (Согреч. Нер. Наппів. С. 13; Cic. De divin. I, 21). Этот Силен, по-видимому, не идентичен Силену, автору сочинения о словах, так как последний цитировал Никандра Колофонского (Athens., XI, p. 483 A), бывшего современником Аттала.

⁶ Sol., IV, 1.

⁷ Paus., X, 17, 4.

⁸ Diod., IV, 82, 4.

⁹ Ps. Arist. De mir. ausc., 100.

¹⁰ Sol., IV, 1.

¹¹ Paus., X, 17, 5.

¹² Ibid.

тельно идти за ними, пришлось бы признать, что греки принесли на остров агрикультуру, градостроительство и т. д.

После Аристея на остров прибыли иберы; начальником их отряда был Норакс. Иберы построили Нору, которая сохранилась в памяти живущих в Сардинии как первый построенный здесь город¹³.

Четвертый отряд поселенцев, прибывших в Сардинию, состоял из феспийцев и войска из Аттики во главе с Иолаем¹⁴. Феспийцы выстроили и заселили город Ольвию, афиняне же отдельно построили и заселили город Огрилу¹⁵. Павсаний считает, что в его названии афиняне сохранили название одного из своих родных демов. Не исключено, замечает он, что какой-нибудь Огрил принимал участие в походе феспийцев и афинян¹⁶. «И до моего еще времени, — пишет Павсаний, — есть в Сардинии место, которое называется Иолайей, и местные жители воздают поклонение Иолаю»¹⁷. Диодор точно так же считает, что сохранившимся до его времени названием это место обязано Иолаю, который привел в Сардинию феспийцев. Иолай покорил там местных жителей, «наипрекраснейшую часть острова, и особенно ровную местность (которая сохраняет Иолаево имя доселе); разделил жребием»¹⁸. В результате деятельности Иолая остров сделался настолько плодоносным и славным, что стал объектом соперничества. Настойчивые попытки овладеть им предпринимали карфагеняне¹⁹. Псевдо-Аристотель сообщает, что Иолаевы были построены башни на острове²⁰. Не исключено, что таким образом его источники объясняли возникновение в Сардинии нурагов²¹.

В числе тех, кто участвовал в заселении острова, у Пав-

¹³ Paus., X, 17, 5.

¹⁴ Paus., I, 29, 5; VII, 2, 2; X, 17, 5.

¹⁵ Paus., X, 17, 5.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Diod., IV, 29, 5—6.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ps.-Arist. De mir. ausc., 100.

²¹ Нураги — сооружения в виде башен полуконической формы, сложенные из огромных камней. К настоящему времени известно до 6,5 тыс. нурагов. В древности их было несравненно больше. Многие нураги разрушены и не оставили следа. В течение веков нураги использовались в качестве каменоломен сардскими крестьянами. Древние камни и по сей день изобилиуют в крестьянских домах деревень Кампидано и Ористано (А. Магтога. Voyage en Sardaigne, II, p. 46; G. Perrot et Ch. Chipier. Histoire de l'art dans l'antiquité, t. IV, P., 1887, p. 30; E. Pais. La Sar-

сания фигурируют и троянцы, бежавшие после взятия Илиона и спасшиеся с Энеем. Часть их была занесена ветрами в Сардинию, и они смешались с поселившимися здесь ранее эллинами. Силы тех и других были равны, поэтому ни одна из сторон не решалась перейти реку Форс, которая протекала между занятymi ими областями, и в сражение им вступить не пришлось²².

Много лет спустя на остров вновь перешли ливийцы и с большим чем некогда флотом начали войну против эллинского населения. Ливийцам удалось истребить почти всех эллинов, из которых лишь очень немногие уцелели²³. Троянцы же бежали в горы, укрепились там, заняв неприступные высоты. «Еще и в мое время они назывались илионцами»²⁴, — пишет Павсаний.

Наконец, в качестве населения Сардинии фигурируют корсы. Значительная часть жителей этого острова (Корсики — Г. К.), теснимая междуусобиями, переселилась в Сардинию, и овладев частью горной области, поселилась тут. Жители Сардинии называли их по их происхождению именем корсов²⁵. Корсы отличались воинственностью и свободолюбием. «Когда карфагеняне достигли великого могущества на море, они покорили своей власти и всех жителей Сардинии, кроме илионцев и корсов: их неприступные горы помогли им не быть обращенными в рабство»²⁶.

Таким образом, данные античной традиции о заселении острова и греческой колонизации острова представлены в основном мифами, которые носят ярко выраженный этиологический характер. Они возникли с целью объяснить названия ос-

degna prima del dominio romano. Atti dell' Accademia dei Lincei. 1881, p. 283; E. S. Bouchier. *Sardinia in ancient times*. Oxford, 1917, p. 3; Le Lannou. *Pâtres et Paysans de la Sardaigne*. Р., 1940, p. 13.). Вокруг башни-нурага группировалось поселение. Нураги строились на острове на протяжении более чем тысячелетия. Эти сооружения являются свидетельством некогда существовавшей здесь высокой культуры. Современные исследователи считают возможным выделить в истории Сардинии специально так называемый нурагический период — с середины II тысячелетия до н. э. до завоевания острова Карфагеном, а может быть и Римом. (M. Pal-Lotino. *La Sardegna nuragica*. R., 1950; M. Guido. *Sardinia*, L., 1963; G. Lilliu. *La Sardegna nel II millennio A. C.* — «Rivista storica italiana». 1965, II).

²² Paus., X, 17, 6.

²³ Paus., X, 17, 7.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid., X, 17, 8.

²⁶ Ibid.

трова, его отдельных частей, городов, местных божеств и местных племен.

Не вызывает ни малейшего сомнения панэллинский характер сведений. Ярко прописывает тенденция заселить равнинные обработанные районы Сардинии греками и приписать последним цивилизующую роль. Происходящей от греков цивилизации противопоставляется низкий культурный уровень туземного населения и ливийских иммигрантов. Павсаний подчеркивает, что ни ливийцы, ни местное население не умели строить городов и жили «рассевявшись повсюду, в хижинах и пещерах»²⁷. В источниках Павсания особенно заметен этот мотив противопоставления равнинной зоны Сардинии, населенной греками, внутренним и северным районам, где нашли убежище побежденные народы, которые пребывали в состоянии культурной отсталости.

Кроме того, античная традиция по своей форме подозрительно стройна, что, по-видимому, можно объяснить только как следствие ее сравнительно поздней обработки²⁸ греками.

Нельзя не отметить следующего обстоятельства: оставаясь внешне греческой, традиция во многом связана с Африкой. Поселенцы во главе с Сардом прибыли из Африки; Аристей — сын нимфы Кирены, которая жила в Африке и посоветовала ему обосноваться в Сардинии.

Удивительно отсутствие в традиции какого-либо упоминания о появлении в Сардинии финикийцев. Правда, основание Карапеса и Сульчи Павсаний приписывает Карфагену, но в данном случае речь идет о времени более позднем. Между тем археологические данные свидетельствуют о пребывании финикийцев на острове по крайней мере с IX в. до н. э.²⁹. Легендарная традиция донесла до нас упоминания о ливийцах и иберах, феспийцах и афинянах, троянцах и корсах; присутствие же финикийцев явно игнорируется. Единственным исключением является сообщение Диодора Сицилийского. Он определенно говорит об активности финикиян в Западном Средиземноморье: они искали серебро и, разбогатев благодаря рудникам Иберии, «высыпали многочисленные колонии,

²⁷ Paus., X, 17, 5.

²⁸ J. Bégaud. La colonisation grecque de l'Italie méridionale et de la Sicile dans l'antiquité. Р., 1957, p. 417.

²⁹ G. Patroni. Nora, colonia fenicia in Sardegna. — «Monumenti antichi», vol. XIV, 1905, pp. 110—258; G. Pesce. Sardegna punica Cagliari, 1961; M. Guido. Op. cit.; S. Moscati. La penetrazione fenicia e punica in Sardegna. — «Atti dell'Accad. naz. dei Lincei», 1966, serie VIII, vol. XII, 3, p. 215—250.

одни — в Сицилию и на соседние с нею острова, другие — в Ливию, Сардинию и Иберию»³⁰. Небезынтересно подчеркнуть, что эти сведения входят уже не в легендарный, а в исторический цикл. Колонизация Сардинии фигурирует рядом с колонизацией Ливии и Иберии. После этого не случайной представляется связь легендарной традиции с ливийцами и иберами. Не отразились ли таким образом в традиции воспоминания о финикийцах, прибывавших в Сардинию как из Африки, так и из Иберии?

Обратимся к той части традиции, которая связывает заселение Сардинии с Африкой. С целью объяснить название острова Павсаний и его источники приводят в Сардинию ливийцев во главе с Сардом. В связи с этим обращает на себя внимание расхождение в версиях относительно того, откуда прибыл Аристей. Согласно источникам Павсания — из Элады, Диодора — из Ливии³¹. Однако и Диодор и Павсаний совпадают в том, что Аристей — сын нимфы Кирены. Диодор дополняет сведения легендой: Аполлон, влюбленный в прекрасную девицу Кирену, перевез ее в Ливию³². По Геродоту, Кирена была основана греками, выходцами с острова Феры³³. Геродот сообщает при этом, что на Фере, ранее называвшейся Каллистой, жили потомки Мембларея-финикийца. В этом имени можно увидеть название финикийского божества Мелькарта, а в легенде такую черту исторической действительности, как выселение финикийцев с острова³⁴. Фукидид прямо сообщает, что до греков на островах Киклад жили финикии³⁵. Как бы то ни было, Аристей — сын нимфы Кирены, а основание Кирены традиция связывает с греками, которые соперничали с финикийцами. Легенда об основании Кирены возникла из явно этиологических соображений и является поздней мифологической комбинацией. Однако если учесть, что Кирена была основана в 631 г. до н. э., то вполне понятным представляется соперничество греков с финикийцами, отголоски которого донесли до нас античные авторы. Проникновение греков в Северную Африку должно было встретить недовольство со стороны водворившихся там финикиян.

Диодор, Павсаний, Аполлодор связывают Аристея с Бео-

³⁰ Dio d., V, 35, 3.

³¹ Ibid., IV, 82, 4.

³² Ibid.

³³ Негод., IV, 150, 155.

³⁴ В. Г. Борухович. Ахейцы в традиции об основании Кирены. — УЗ Горьковского университета, серия историческая, вып. 67, 1965, стр. 58.

³⁵ Thuc., I, 8.

тией: он был женат на дочери Кадма Автоное и причиной его переселения в Сардинию послужил гнев на Беотию и всю Элладу из-за несчастной судьбы его сына Актеона³⁶. По данным мифологии, Кадм, основатель Фив, был сыном финикийского царя³⁷, Кадму приписывалось введение в Греции финикийского алфавита³⁸.

С Беотией связана и традиция о приходе в Сардинию афинян и феспийцев. Павсаний подчеркивает, что этим походом руководили «цари, бывшие другого племени, чем тот народ, который следовал за ними»³⁹. Предводительствовал афиняниами и феспийцами «фивянин Иолай, племянник Геракла»⁴⁰. Этнологическая направленность мифа очевидна. Он вызван к жизни, чтобы объяснить культ Иолая, который существовал в Сардинии. Иолай выводится из Беотии, о связях которой с Финикией до нас дошли упоминания, пусть в мифологической форме. Любопытно, что Павсаний, описывая храм феспийцев в честь Геракла, приписывает его Гераклу из идейских Дактилей, храмы которого, по изысканиям нашего автора, «были и у эритрейцев в Ионии и у тирийцев»⁴¹. В этой связи следует вспомнить Полибия.

Полибий сообщает, что Ганнибал, члены карфагенского совета старейшин, при нем находившиеся, и все карфагеняне, участвовавшие в его походе, заключали договор с Ксенофаном, послом македонского царя Филиппа, «перед лицом божества карфагенян Геракла и Иолая», «перед лицом всех божеств, которые властвуют над Карфагеном»⁴². Этот карфагенский Иолай восходит к финикийскому Иолаю, которого исследователи отождествляют с Эшмуном, находившимся в тесной генеалогической связи с Мелькартом⁴³. В сардском божестве проглядывают следы финикийского Иолая⁴⁴.

³⁶ Paus., X, 17, 4; Diod., IV, 82, 4; Apollod., III, 4.

³⁷ Негод., II, 49; V, 58; Paus., IX, 5, 1; 12, 2.

См. А. Ф. Лосев. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957, стр. 187; Дж. Томсон. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958, стр. 377 и сл. О древности связей Беотии с Востоком свидетельствуют найденные при раскопках Кадмейского дворца цилиндрические печати на аккадском языке (К. М. Колобова. К вопросу о возникновении Афинского государства. — ВДИ, 1968, № 4, стр. 42).

³⁸ Негод., II, 49; V, 58; Paus., IX, 5, 1; 12, 2.

³⁹ Paus., VII, 2, 2; См. также Diod., IV, 29.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Paus., IX, 27, 8.

⁴² Polyb., VII, 9, 2.

⁴³ Baudissin. Adonis und Esmun, 1911, S. 282.

⁴⁴ RE, IX, 2, coll. 1846.

Легендарная традиция о колонизации Сардинии обращает на себя внимание тем, что в ней довольно часто присутствует связь с Гераклом, которая возникает опять-таки либо в связи с Беотией, либо в связи с Ливией. Для Фив было типичным объединение культа Геракла и Иолая⁴⁵.

Нас, пожалуй, больше интересуют свидетельства о ливийском Геракле. Сард, возглавивший ливийцев, тех самых, что первыми пришли на остров, был сыном Макерида, «которого и египтяне и ливийцы называли Гераклом»⁴⁶. У Солина он сын Геракла, у Силена — сын ливийского Геракла⁴⁷. Э. Пайс предполагает, что сведения Павсания являются переложением Саллюстия⁴⁸, Саллюстий же пользовался пуническими книгами⁴⁹. Таким образом, можно думать, что в образе ливийского Геракла переплелись восточные и греческие элементы. Сказание о Геракле и его войске, перешедшем в Африку после смерти героя в Испании, вероятно, идет от мифа о Мелькарте Тирском⁵⁰. Если это так, то можно допустить, что в легендарной традиции отразились связи с Сардинией финикийцев, водворившихся в Северной Африке, как считает большинство исследователей, в конце II — начале I тысячелетия до н. э.⁵¹. Подобное предположение позволяет объяснить, каким образом ливийцы, жители пустыни, могли прибыть в Сардинию на кораблях.

Рассмотрим теперь сведения о заселении Сардинии, связанные с Иберией. Переданная Павсанием традиция о том, что основанный иберами город Нора является самым древним на острове, особенно интересна, так как может быть сопоставлена в известной степени с таким эпиграфическим документом, как финикийская надпись из Норы⁵², обнаруженная там в 1773 г. Стела, содержащая надпись, оббита, и потому прочтение надписи затруднительно. Исследователи памятника предлагали

⁴⁵ J. Bégaud. Op. cit., p. 414.

⁴⁶ Paus., X, 17, 2.

⁴⁷ Sol., IV, 1; Sil., XII, 359.

⁴⁸ E. Pais., Op. cit., p. 354.

⁴⁹ Sall., Bell. Jug., 17.

⁵⁰ Б. А. Тураев. Финикийская литература. — В сб.: Литература Востока, вып. 2, Пг., 1920, стр. 165.

⁵¹ Б. А. Тураев. История древнего Востока, т. II, 1936; И. Ш. Шифман. Возникновение Карфагенской державы. М.—Л., 1963, P. Bosch-Gimpera. Etnología de la Peninsula Ibérica. Mexico, 1944, p. 169; J. Bégaud. L'expansion et la colonisation grecques jusqu'aux guerres médiques. Р., 1960.

⁵² CIS, I, 144. В настоящее время памятник хранится в музее Кальяри.

различные толкования текста⁵³, однако все они гипотетичны. Если нет единства взглядов по вопросу толкования текста надписи, то большинство исследователей на основании палеографического анализа согласны датировать ее концом X — первой половиной IX в. до н. э.⁵⁴. Это — самая древняя находка, связанная с пребыванием финикийцев в Сардинии. Таким образом, сообщение Павсания о том, что Нора — первый построенный на острове город, и датировка надписи из Норы могут быть согласованы. Однако надпись свидетельствует о присутствии в Норе финикийцев, а Павсаний приписывает основание города иберам. В этом отношении интересно сообщение Солина. Повторяя версию Павсания о Нораксе, он вносит существенное дополнение, а именно: Норакс пришел в Сардинию из Тартесса⁵⁵. У Павсания Норакс — сын Гермеса⁵⁶, у Солина он — сын Меркурия⁵⁷, и в этой части дошедшая до нас традиция носит легендарный этиологический характер. Однако обращение источников Павсания и Солина к Иберии и Тартесу с целью объяснить происхождение древнего города Сардинии не может не насторожить исследователя. Ментц считает, что «ιβῆρες» Павсания есть не кто иные, как финикияне-гадитане, сближая этот греческий термин с финикийско-еврейским *ibrīm* — в обычном толковании «люди с той стороны»⁵⁸. И. Ш. Шифман отвергает подобную точку зрения на том основании, что наименование «ιβῆρες» — слишком хорошо известно как обозначение коренного населения Иберийского полуострова, а данное Ментцем толкование слова *ibrīm* далеко не общепринято в настоящее время⁵⁹. Допустив возможность чтения в первой строке надписи из Норы слова *trss* (по В. Ф. Олбрайту)⁶⁰, И. Ш. Шифман очень осторожно высказывает предположение о том, что в тексте надписи и со-

⁵³ Различные толкования текста см.: И. Ш. Шифман. Возникновение Карфагенской державы, стр. 51.

⁵⁴ W.-F. Albright. New Light on the early History of Phoenician colonization. — «Bulletin of the American schools of Oriental Research», LXXIII, 1941, pp. 14—22; A. Dupont-Sommer. Nouvelle lecture d'une inscription phénicienne archaïque de Nora en Sardaigne. CIS, I, 144. — «Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres», 1948. G. Pesce. Op. cit., p. 43; S. Moscati. Op. cit., p. 277.

⁵⁵ Sol., IV, 1.

⁵⁶ Paus., X, 17, 5.

⁵⁷ Sol., IV, 1.

⁵⁸ И. Ш. Шифман. Возникновение Карфагенской державы, стр. 53.

⁵⁹ Там же, стр. 52.

⁶⁰ Там же, стр. 53.

общении Павсания могли найти отражение какие-то реальные исторические отношения Норы с Тартессом вплоть до господства Тартесса, пусть непродолжительного, в этом городе Сардинии. Но сам И. Ш. Шифман не признает интерпретацию надписи, предложенную В. Ф. Олбрайтом, в целом удовлетворительной. Не разделяют ее и другие исследователи⁶¹. Кроме того, археология не засвидетельствовала в Норе каких-либо признаков присутствия иберов, между тем она дает солидный материал в пользу присутствия в Сардинии финикийцев. Архаические находки, относящиеся к IX—VII вв. до н. э., обнаружены в Сульчи, Норе, Фарросе, Каракале, Битии, Монте-Сираи, Бозе и других центрах.

Светильники с одним носиком из Сульчи, найденные в древнем слое тофета, археологи датируют IX в. до н. э.⁶². Здесь же обнаружено большое количество стел, статуэток, амулетов и более 300 целых урн, многие из которых содержали жженые кости⁶³. В этом слое оказались две вазы с геометрическим орнаментом от VIII—VII вв⁶⁴.

Большие некрополи в Сульчи дали обильный материал, среди которого встречается красная полированная керамика, подобная самой ранней керамике из Карфагена⁶⁵. В качестве примера новых открытых следует привести стелу из Сульчи, недавно опубликованную Дж. Пеш⁶⁶. Она изображает стоящего человека в длинной одежде, вооруженного копьем. Иконография позволила исследователю определить стелу как ремесленное изделие времени финикийских колоний, предшествовавших господству Карфагена или, по крайней мере, появлению на острове ремесел и искусства собственно пунических⁶⁷. К толкованию памятника обратилась А. М. Бизи. Она настаивает на чисто финикийском типе стелы и ее далекой древности⁶⁸.

⁶¹ A. Dupont-Sommer. Op. cit.

G. Pesce. Op. cit.

S. Moscati. Op. cit.

⁶² G. Pesce. Op. cit, p. 44.

⁶³ M. Guido. Op. cit, p. 195.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ G. Pesce. Due opere di arte fenicia in Sardegna. — «Oriens antiquus», II, 1963, pp. 247—253.

⁶⁷ G. Pesce. Due opere di arte finicia in Sardegna. — «Oriens antiquus», II, 1963, p. 253.

⁶⁸ A. M. Bisi. La religione punica nelle rappresentazioni figurate delle steli votive.— «Studi e materiali di storia delle religioni», XXXVI, 1965, p. 144.

Материалы последних раскопок могил Фарроса датируются VIII—VII вв. до н. э.⁶⁹. Здесь обнаружены остатки сооружений явно архаичных, среди которых храмик и большой тофет⁷⁰. Скарабеи и ювелирные изделия одного восточного стиля, достаточно древнего, так же как и керамика, относятся приблизительно к тому же времени⁷¹. Вероятность подобной датировки увеличивается благодаря обнаруженным в могилах нурагическим материалам⁷².

В результате раскопок в Норе найдены святилище, посвященное, как считает Патрони, культу Тиннит, погребения, богатый инвентарь⁷³. Эти находки датируются VII в. до н. э. и позже⁷⁴. Интересны данные последних археологических изысканий: остатки глинобитного пола одного из домов Норы должны быть отнесены приблизительно к VII в. до н. э., так как в одном слое с ним найдены фрагменты протокоринфской и родосской керамики⁷⁵. Если археологический материал из Норы сравнительно поздний, это в значительной степени объясняется тем, что раскопки, которые производились, связаны с римским периодом ее истории, тогда как древний город еще под землей. Таким образом, надпись из Норы выступает как самый древний письменный источник, связанный с пребыванием финикийцев в Сардинии. Архаичность стелы с надписью, следовательно, согласуется с античной традицией, переданной Павсанием. Совокупность же археологических, эпиграфических и литературных источников заставляет признать Нору одним из древнейших, если не самым древним городом острова, и отнести ее основание к IX в. до н. э. Упоминая о связях Сардинии с Испанией, Павсаний мог донести до нас сведения, которые носят исторический характер. В связи с этим правдоподобным кажется и дополнение Солина о Тартессе. Если учесть архаическую финикийскую надпись и археологическую характеристику Норы, то кажется возможным предположить, что в традиции в искаженном виде отразились воспоминания о существовании здесь финикийской колонии. Следует объяснить в таком случае, почему фигурирует Тартесс.

⁶⁹ S. Moscati. Op. cit., p. 126.

⁷⁰ Ibid., p. 128—129; G. Pesce — F. Barreca. Mostra della civiltà punica in Sardegna. Cagliari, 1960, p. 15.

⁷¹ S. Moscati. Op. cit., p. 229.

⁷² Ibid.

⁷³ G. Patroni. Nora colonia fenicia in Sardegna. — Monumenti antichi, vol. XIV, 1905, pp. 110—258.

⁷⁴ Ibid., p. 120.

⁷⁵ G. Pesce. Nora, guida agli scavi. Bologna, 1957, p. 13.

Одним из контрагентов Тира в его западносредиземноморской торговле в конце II тысячелетия до н. э. была область, называвшаяся в Библии словом *tarsis*, а в греческой литературе — *Ταρτεσσος*⁷⁶. Большинство современных исследователей склонны локализовать Тартес в устье Гвадалквирира⁷⁷. Тартес был крупным экспортером металлов. Не случайно, по всей видимости, Диодор в уже цитированном выше отрывке процветание и богатство финикийцев ставит в зависимость от рудников Иберии.

Плавания финикиян на Запад в Тартесс диктовали необходимость в постоянных морских станциях на их пути. Географическое положение Сардинии в Средиземноморье таково, что как раз с Запада со стороны Испании она имеет удобные бухты. Таким образом, вполне логично допустить, что здесь могли возникнуть стоянки финикийских кораблей⁷⁸. На антифиникийском фоне свидетельств Павсания и Солина, может быть, закономерно всплывают ибера, а в связи с ними и Тартесс: греки, исконные конкуренты финикиян в Западном Средиземноморье, поддерживали дружественные отношения с Тартессом⁷⁹. Кроме того, античные авторы, смутно представляя себе местные племена Иберии, видимо, пользовались легендарной традицией о процветающем Тартессе. Не исключено, что сам факт игнорирования античной традицией финикийцев в Сардинии говорит как раз о том, что они там прочно обосновались, а это требовалось опровергнуть.

Вероятность такого предположения увеличится, если проанализировать традицию о греческой колонизации, представленную сведениями исторического характера. Обратимся к их рассмотрению.

После подчинения Ионии Киру, рассказывает Геродот, ионяне собрались в Панионий, «им дал полезнейший совет, как мне передают, житель Приены Биант; если бы они ему последовали, то были бы счастливее всех эллинов. Он предлагал собраться всем ионянам и вместе отплыть в Сардинию, основать там общеионийское государство и, таким образом избавившись от рабства, жить благополучно, занимая наибольший остров и владычествуя над остальными островами...»⁸⁰.

⁷⁶ И. Ш. Шифман. Возникновение Карфагенской державы, стр. 17.

⁷⁷ G. Pesce. Op. cit., p. 13; S. Moscati. Op. cit., p. 231.

⁷⁸ E. Pais. Op. cit., p. 302; S. Moscati. Op. cit., pp. 232—233; G. Schmidt. Antichi porti d'Italia.—«L'universo», XLV, 1965, p. 226.

⁷⁹ И. Ш. Шифман. Возникновение Карфагенской державы. Его же. Финикийские мореходы. М.—Л., 1965.

⁸⁰ Негод., I, 170.

Геродот сообщает, что во время ионийского восстания Гестиэй из Милета, бывший заложником при дворе Дария, обещает царю завоевать Сардинию, если тот отпустит его на свободу⁸¹. Немного позже, когда борьба с персами стала казаться безнадежной, зять Гестиэя Аристагор, собрав совещание своих единомышленников, предложил им на случай, если они будут изгнаны из Милета, вывести колонию в Сардинию, чтобы иметь безопасное убежище⁸². Несмотря на то, что ни один из проектов не был реализован⁸³, эти свидетельства представляют несомненный интерес. Они находятся в полном соответствии с изменениями обстановки в Западном Средиземноморье к VI в. до н. э.

Это время характеризовалось активизацией греков в Западном Средиземноморье в связи с движением фокейской колонизации, опорным пунктом которой была Массалия, возникшая недалеко от устья Родана приблизительно в 600 г. до н. э.⁸⁴. Около 560 г. до н. э. фокеи основали на восточном берегу Корсики Алалию⁸⁵. Естественным продолжением этого процесса могло стать возникновение на севере Сардинии Ольвии, города по имени типично ионийского⁸⁶.

Вопрос о существовании греческого поселения к настоящему времени с определенностью не может быть решен. Вместе с тем античная традиция о греческой колонизации слишком очевидна, чтобы ее можно было игнорировать. Однако она, как мы видели, носит почти исключительно легендарный характер и делать категорические выводы о существовании греческого поселения в Сардинии, исходя только из этой традиции, было бы делом рискованным. Археология же не дает материала, позволяющего твердо говорить о присутствии греков на острове. Э. Пайс, Э. Бушье, Г. Глотц, М. Паллоттино, Дж. Бордман допускают возможность существования здесь греческого посе-

⁸¹ Ibid., V, 106.

⁸² Ibid., V, 124.

⁸³ Ibid., V, 126; VI, 2.

⁸⁴ Ps.-Scymn., 208—213; Just., XLIII, 3. См.: Histoire du commerce de Marseille, t. I, P., 1949, p. 3; J. Bérard. La colonisation grecque de l'Italie méridionale et de la Sicile dans l'antiquité, p. 41. И. Ш. Шифман. Возникновение Карфагенской державы, стр. 68; Ю. Б. Циркин. Первые атлантические плавания в Атлантическом океане. — ВДИ, 1966, № 4, стр. 119; Н. А. Машкин указывает в качестве даты основания Массалии 560 г. (Карфагенская держава до пунических войн.— ВДИ, 1948, № 4, стр. 39).

⁸⁵ Негод, I, 165; Диод., V, 13.

⁸⁶ M. Pallottino. La Sardegna nuragica, p. 15.

ления⁸⁷. Ж. Берар не разделяет такого мнения⁸⁸. Греческие находки в Ольвии датируются не ранее V в. до н. э.⁸⁹. Около древнего Фарроса была обнаружена целая серия расписных ваз. Из 81 вазы больше половины относятся к геометрическому малоазийскому стилю и датируются не позже VI в. до н. э.⁹⁰. Однако по ряду признаков их предположительно относят к изделиям местного производства, выполненным по малоазийским образцам⁹¹.

Отсутствие следов греческого поселения в Сардинии вряд ли может дать достаточно оснований для безоговорочного использования аргумента *ex silentio*, поскольку наши представления могут быть изменены последующими археологическими работами. Как бы то ни было, вышеупомянутые свидетельства Геродота о проектах колонизации Сардинии находятся в соответствии с обстановкой, которая сложилась в Западном Средиземноморье к VI в. до н. э. Может быть, стоит отметить, что в то время как Биант из Приенды советовал основать в Сардинии общеионийское государство, Гестиэй обещал покорить остров. Думается, это не простая случайность. Биант выступал до битвы при Алалии, а Гестиэй — спустя тридцать пять лет после этой битвы, когда в Сардинии укрепились карфагеняне. Таким образом, можно предполагать, что греки были осведомлены о положении на острове. Во всяком случае, не остается сомнения в том, что греки, даже если им и не удалось основать поселения в Сардинии, стремились укрепиться на острове и проявляли к нему большой интерес. Это естественно, должно было вызвать противодействие со стороны финикийских колоний в Сардинии. Последние вряд ли могли противиться грекам самостоятельно и, вероятно, были заинтересованы в поддержке Карфагена⁹².

Не исключено, таким образом, что дошедшая до нас традиция о колонизации Сардинии была обработана и приобрела законченный вид в период ожесточенной конкурентной борьбы между греками и карфагенянами. Она, вне всякого

⁸⁷ E. Pais. Op. cit., p. 306; E. S. Bouchier. *Sardinia in ancient times*. Oxford, 1917, p. 36; M. Pallottino. Op. cit., p. 15; G. Glotz. *Histoire grecque*, t. I, 1925, p. 200. J. Boardman. *The Greeks overseas*, 1964, p. 220.

⁸⁸ J. Bérard. *La colonisation grecque de l'Italie meridionale et de la Sicile dans l'antiquité*, p. 272.

⁸⁹ R. Busquet. *Histoire du commerce de Marseille*. P., 1949, p. 90.

⁹⁰ Ibid.

⁹¹ Ibid.

⁹² Ш. Андре Жюльен. История Северной Африки. М., 1961, стр. 88.

сомнения, тенденциозна и отражает заинтересованность греков в укреплении своих позиций в Западном Средиземноморье в пику Карфагену, а может быть и еще раньше финикийцам. Отсюда антифиникийская направленность традиции, игнорирование финикийского элемента в Сардинии и стремление доказать законность притязаний на нее греков.

М. Е. КАРПАЧЕВА

КАРКАССОН ОТ АНТИЧНОСТИ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ

Изучение города эпохи феодализма начинается с постановки вопроса о его происхождении. Решение этой проблемы в любом урбанистическом исследовании четко выделяет методологические принципы исторической работы в целом. Исходный принцип материалистического подхода к данной теме — марксистское понимание средневекового города как центра самостоятельного товарного ремесла и товарного обращения. Экономическая новизна и специфика города феодальной формации подчеркнуты К. Марксом и Ф. Энгельсом: «средневековые не получило городов в готовом виде из прошлой истории»¹. Отрицание качественной определенности города в разные исторические эпохи, представление о стабильных «типах», якобы общих для всех формаций, привели ряд буржуазных историков к антенаучному выводу о непрерывности городского развития. Эта антенаучная методология континуитета рассматривает генезис средневекового города как постепенный переход старых форм в новые через количественные увеличения исходного начала и следует с различными вариациями основному принципу Допша: «никаких перерывов».

Таким образом, марксистской постановке вопроса о процессе градообразования в средние века противопоставляется попытка спроектировать с какого-то единого образца трансформацию античного города в средневековый.

Противоположность этих позиций особенно ярко проявляется, когда историки-урбанисты обращаются к городам Юж-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. 3, стр. 50.

ной Франции. Ведь именно в Лангедоке городская жизнь в римскую эпоху была особенно значительна и интенсивна. Отсюда понятны необходимость и возможность обращения именно к этому региону, для того чтобы проследить историю городов римского корня, а так же выяснить, почему, как и когда возникает средневековый город.

Советская урбанистика за последние десятилетия выдвинула ряд значительных работ в этой области. Первым внимание исследователей привлек город Монпелье, один из крупнейших экономических центров Южной Франции. В статьях и диссертациях двух историков — Н. Б. Ревуненковой² и В. И. Осипова³ — впервые показан процесс возникновения нового города в XII веке на новом месте вне какого-либо влияния античного наследия. Уже самый объект исследования отвергает возможность применения к этому городу каких-либо континуитивистских построений. Но Монпелье — исключительный

² Н. В. Ревуненкова. Монпелье XII века. Очерк экономической и социальной истории. Диссертация, Л., 1966; Население Монпелье в XII веке; Средние века, вып. 30, 1967.

³ В. И. Осипов. Социально-экономические отношения в Монпелье в XII—XIV веках. Диссертация, Саратов, 1968.

пример городского развития в Лангедоке. Абсолютное большинство городов средневековья возникало здесь по соседству, вокруг, или прямо на месте своих римских предшественников. Вопросы общего и частного, новизны и преемственности, формы и содержания в процессе возникновения и становления города для таких объектов наиболее сложны и полемичны. Крупный вклад в исследование этих проблем вносит только что вышедшая монография С. М. Стама, посвященная истории Тулузы⁴. Конкретно-историческое исследование этого историка явно перерастает локальные рамки. Четкая научная методология позволила автору ощутимо показать ту объективную грань, которая отделяла раннесредневековый догоородской этап от этапа собственно городского развития. По мысли автора, «раннее средневековье явилось для городов с античной предысторией периодом глубочайшей спячки... Город как не-деревня в XI—XII веках возникал заново»⁵. Поэтому так важен и убедителен теоретический вывод ученого: средневековое городское развитие вытекло не из античных источников, но было порождено могучими импульсами, к XI веку вызревшими в недрах феодального общества⁶.

Таким образом, советские историки проделали значительную работу в области дальнейшей разработки общего подхода к проблеме градообразования в средние века. Как мы видим, их усилия оказались направлены на изучение истории становления наиболее крупных городов Южной Франции. Закономерно обратиться теперь к объектам совершенно не изученным, городам средним, если не сказать заурядным, таким, как Каркассон, Безье, Бокер, Альби и подобным, а также к еще более мелким городкам, mestечкам и кастеллам. По отношению к этим городам можно поставить ряд новых вопросов: как шел процесс образования средних, мелких и мельчайших городских центров? Какова судьба римских городов-крепостей в раннее средневековье? Как были связаны эти городки с жизнью аграрной периферии?

Каркассон — южный пункт западного Лангедока, центр обширного диоцеза — интересен с двух точек зрения: как город римского корня Каркассон с самого начала был кре-

⁴ С. М. Стам. Экономическое и социальное развитие раннего города. (Тулуза XI—XIII веков). Саратов, 1969.

⁵ С. М. Стам. Экономическое и социальное развитие раннего города, стр. 384.

⁶ Там же.

тостью, как небольшой город — тесно связан с аграрной периферией.

Обычно ранний, догоородской этап почти не оставляет сколько-то надежных, достоверных данных. В этом смысле историк Каркасона, при всей скучности источников, находится в лучшем положении. Отдельные сведения от раннего средневековья позволяют представить хотя бы основные черты догоородского этапа развития Каркасона. Но именно это обстоятельство способствовало возобладанию у историков Каркасона континуитивистских представлений.

Материал ранней истории Каркасона позволяет, во-первых, прийти к определенным выводам относительно спорной проблемы о роли античного наследия и степени преемственности в становлении средневекового города, а во-вторых, попытаться проследить, что же в действительности представлял собой Каркасон раннего средневековья.

Выяснению этих двух моментов и посвящается данная статья.

Изучение городской истории Каркасона началось с первого исторического обозрения судеб города, которое сделал архивист, ученый — «эрudit» XVII века Г. Бесс⁷. Этот несколько анахронистический труд дает картину раннего развития Каркасона. Частые гипотетического свойства попытки восполнить пробелы по вопросу происхождения города путем обращения к легендам и преданиям, повествовательность, скольжение по поверхности фактов, к сожалению, ограничивают для нас значение этой работы. Однако рядом описываемых событий и привлекаемых документов она небезынтересна для исследователя.

Вторая работа Р. П. Бужэ⁸, относящаяся к XVIII веку, дает церковную и гражданскую историю Каркасона в той же повествовательной манере. Документальный материал, со средоточенный во втором томе, представляет значительную ценность.

Вопросы экономического и социального развития средневекового Каркасона и в XIX и в XX веках не привлекли внимания буржуазных исследователей. Единственная общая работа по Каркасону — известное сочинение Жозефа Пу⁹ — по сути дела является историко-архитектурным исследовани-

⁷ G. Besse. *Histoire des comtes de Carcassonne*. Carcassonne, 1649.

⁸ R. P. Bouges. *Histoire ecclésiastique et civile de la ville et diocèse de Carcassonne*. Paris, 1741, vol. 1—2.

⁹ J. Poux. *La cité de Carcassonne*. Toulouse, 1923, 1931.

ем. Что же касается проблемы возникновения города Каркасона, автор оказывается в пленау континуитивизма, вопрос для него решается просто: крепость превращается в город. На близких позициях эти же идеи продолжает Пьер Морель¹⁰, однако с еще большим ударением на историю архитектуры крепости Каркасона. Даже у такого крупного французского урбаниста, как Фердинан Лот¹¹, история Каркасона с древнейших времен представляется воплощением идеи непрерывности городского развития. Догородской и собственно городской этапы не выделяются, Каркасон прямо и почти непосредственно из античного города становится городом средневековья. Тем более эти положения проявляются у Андрэ Дюпона¹², историка, явно склонного к континуитивизму.

Данная статья опирается главным образом на следующие источники: Картулярий Каркасонского диоцеза, изданный М. Маюлем в 50—80 годы XIX века¹³. Документы, опубликованные Кро-Мэйрвьеем в то же время¹⁴. Хроники, грамоты, хартии вольности, собранные во «Всеобщей истории Лангедока»¹⁵.

Вопрос о возникновении Каркасона как города, чья предыстория уходит далеко в глубь веков, чрезвычайно сложен. Выводы французских ученых XIX—XX веков по этому поводу глубоко пессимистичны: «Происхождение Каркасона неизвестно»¹⁶, «Тайна отдаленного происхождения Каркасона непроницаема»¹⁷, «Археологические данные о возникновении очень слабы, ... даже дата «castrum» Каркасона сомнительна»¹⁸.

¹⁰ P. Morel. *Carcassonne. La cité*. Grenoble, 1939.

¹¹ F. Lot. *Recherches sur la population et la superficie des cités remontant à la période gallo-romaine*. Paris, 1945, vol. 1, p. 395—406.

¹² A. Dupont. *Les cités de la Narbonnaise Première depuis les invasions germaniques jusqu'à l'apparition du consulat*. Nîmes, 1942.

¹³ *Cartulaire et archives des communes de l'ancien diocèse et de l'arrondissement administrative de Carcassonne*; éd. par M. Mahul, Paris, 1857—1882, vol. 1—6 (см. далее *Cart. de Carcassonne*).

¹⁴ *Mémoires de la Société des arts et des sciences de Carcassonne*; publ. par Cros-Mayrevieille, Carcassonne, 1849, vol. 1—2 (см. далее *Mémoires*).

¹⁵ *Histoire générale de Languedoc*; réd. par Cl. Devic, et J. Vaissete. Toulouse, 1872—1892, vol. 1—10. *Preuves* (см. далее *HGL*).

¹⁶ *Dictionnaire géographique, historique, industriel et commercial de toutes les communes de la France*, par A. Girault de St. Fargean. Paris, 1851, p. 466.

¹⁷ J. Pouyx. *La cité de Carcassonne*. Toulouse, 1923, p. 10.

¹⁸ P. A. Février. *Le développement urbain en Provence de l'époque romaine à la fin du XIV-e siècle (Archéologie et histoire urbaine)*. Paris, 1964, p. 46.

Если выйти из области легенд и преданий, предложенных Г. Бессом¹⁹ и Р. П. Бужэ²⁰, и обратиться к достоверным сведениям, крупицы которых можно почерпнуть в трудах древних римских и греческих историков и географов, в данных археологии и нумизматики²¹, можно на основе анализа и сопоставления их прийти к следующим выводам.

Город ведет свою генеалогию с доримских времен.

Первоначальное поселение вольков-тектосагов, племенное городище, находилось в выгодном географическом положении — в долине реки Оды, в месте, где она меняет направление и поворачивает к востоку, на плато Каркас, ограниченное на севере отрогами горы Монтань Нуар, на юге — Корбьерами. Это поселение можно отнести к третьему-четвертому веку до н. э., — ко времени колонизации вольками-тектосагами

¹⁹ G. Bess e. *Histoire*, p. 2—4.

²⁰ R. P. Bouges. *Histoire*, p. 1—2.

²¹ Первое упоминание о Каркассоне (название этого города воспроизводится только в редких изданиях) принадлежит К. Цезарю в связи с военными действиями Публия Краса в Аквитании и относится к 56 г. до н. э. Каркассон как город Нарбоннской провинции наряду с Тулузой и Нарбонной представляет этому римскому полководцу помочь людьми и продовольствием: «Tolosa, Carcasone, Narbone, quae sunt civitates Galliae provinciae». С. J. Caesar. *Bellum Gallicum*., ed Otto Seel: Lipsiae, 1961, lib. III, cap. 20, p. 91). Плиний Старший (23—79 гг.) называет Каркассон среди других римских городов (колоний), но в числе «oppida»: «In mediterraneo coloniae ... oppida latina: Carcassum Volcarum Tektosagum». (Plinii Secundi. *Historiae Naturalis*, Parisiis, 17741, vol. 5, lib. III, cap. IV, p. 147). Птолемей (II век н. э.) представляет очень важное свидетельство: в Нарбоннской провинции вольки-тектосаги имеют свои самостоятельные города, среди них Тулуса, Каркассон, Нарбонна и др. (Ptolemaei Claudi. *Geographia*, Lipsiae, 1843, v. I, lib. II, cap. 10, § 9, p. 111—112).

Данные археологических раскопок 1911 года свидетельствуют, что первоначальное поселение очень древних времен находилось на плато «Carcas» на юго-западе на некотором расстоянии от позднейшего Ситэ (J. Pouix. *La cité*, 1923, p. 10).

Colonia Julia Carcasso была основана римлянами около 27 г. до н. э., и на протяжении четырех веков существовала под властью римлян (F. Lot. *Recherche*, p. 396; C. Julian. *Histoire de la Gaule*. t. 6, Paris, 1920, p. 355).

Бесспорность римского влияния доказывает археология. Найдена римская мозаика от третьего века (Р. Mogel. *Carcassonne*, p. 13). Данные нумизматики свидетельствуют о существовании городского центра в римскую эпоху (J. Pouix. *La cité*, p. 12).

Труднее сказать, когда именно римлянами была построена цитадель, предшественница Ситэ Каркассона, но «Путеводитель из Бордо в Иерусалим» в 333 году отмечает существование и положение «castellum» Каркассона. (*Itineraria Romana*, ed. Konrad Miller, 1916, S. 107—108). Следы этих античных сооружений сохранились до сих пор (Cart. de Carcassonne, v. 5, p. 222).

(крупнейшим из кельтских племен) юго-восточной Галлии, которую они отвоевали у иберийцев и лигуротов.

Выгодное географическое положение привлекло сюда римских завоевателей. Римляне построили близ первоначального поселения вольков свою крепость, чтобы следить за безопасностью проходящей через Каркассон военной и торговой дороги и участком Норузского перевала. Затем они основали здесь свою колонию.

Следует подчеркнуть, что едва ли между поселением вольков и римской крепостью существовала прямая генетическая связь, как это представляется Кро-Мэйрвьею²², так как нет ни территориального²³, ни функционального совпадения²⁴. Так же неудачна попытка доказать сходство топографического облика античного Каркасона со средневековым. В стремлении А. Дюпона вывести двуединое строение Каркасона XII века (сите и бург)²⁵ из «двух элементов античного Каркасона (крепости и субурбия)»²⁶, видна явная тенденциозность континутиста.

При римлянах стратегическая военная функция доминирует, Каркассон становится сильной крепостью, с замком и укрепленными стенами, местом стоянки военного гарнизона. Однако возвышение города-крепости было сравнительно кратковременным. По справедливому замечанию Пьера Мореля, «к концу римской эпохи город впал в полусон»²⁷. В конце IV века Каркассон потерял свою автономию и в известном тексте «*Notitia provinciarum et civitatum Galliae*» его название даже не упоминается²⁸.

Так завершилось развитие античного Каркасона, который утрачивает свое городское качество в связи с общим упадком рабовладельческого общества.

С возникновением вестготского королевства Каркассон вновь обретает стратегическое значение, при этом гораздо большее, чем при римлянах. Это объясняется тем, что Каркассон был необходим новым завоевателям как военный, сторо-

²² I.-P. Cros-Mayrevieille. *Les Monuments de Carcassonne* (цит. по *Cart. de Carcassonne*, vol. 5, p. 222).

²³ См. выше данные археологических раскопок 1911 г. Римская цитадель была построена рядом с поселением вольков, но отдельно.

²⁴ См. выше свидетельства о нумизматике. Видимо, на оживленной торговой дороге развилась в римскую эпоху городская жизнь.

²⁵ A. Dupont, p. 171—172.

²⁶ P. Morel, p. 17.

²⁷ E. Desjardins. *Géographie historique et administrative de la Gaule romaine*. Paris, 1893, t. 3, p. 500.

жевой пункт на Аквитанской дороге. Во-первых, он оберегал доступ к морю, во-вторых, прикрывал столицу вестготов, Тулузу, в самом опасном месте, близ Норузского перевала. Поэтому в раннее средневековые Каркассон вновь отстраивается и укрепляется прежде всего как военная крепость.

За период господства вестготов (418—715 гг.) возводится новая мощная городская стена с тридцатью башнями и бойницами толщиной до двух метров. По словам А. Дюпона, «в середине V века они создали целостный ансамбль укреплений»²⁸. Площадь крепости Каркасона в V веке была 7 га и 5 аров, периметр — около 1000 метров²⁹. По форме цитадель напоминала многогранник³⁰. Каркассон превращается в мощную крепость, одну из сильнейших не только в Лангедоке, но и в Европе. На протяжении трех веков он выполнял единственную функцию «военного авангардного поста вестготской монархии»³¹.

Судьбы Каркасона VI века, в бурную эпоху франкского завоевания, показывают, насколько крепка была эта твердыня готов. Вытесненные из района Тулузы походами Хлодвига в 507—510 гг., готы сконцентрировались в районе Каркасона³², всеми силами удерживая эту крепость.

Каркассон, несмотря на длительные осады, не был взят в 508—509 гг. франкскими³³, в 582 году — бургундскими³⁴, в 587—589 гг. тулузскими войсками³⁵. Крепкие стены не раз спасали крепость от полного разрушения и забвения.

Таким образом, если при римлянах Каркассон начинал свою историю как крепость, в которой затем проявилась городская жизнь (торговля и обмен), то Каркассон вестготский вновь начинает свое существование крепостью. Вывело ли раннее средневековые Каркассон из этого состояния?

Поворотным решающим моментом в судьбе Каркасона, как полагал Р. П. Бужэ, было учреждение в 587 году (при Рекареде) первого католического епископства³⁶. Но могут ли

²⁸ A. Dupont, p. 171—172.

²⁹ По Лоту, периметр равен 995 метрам (F. Lot, p. 400), по Дюпону — 1070 метрам (A. Dupont, p. 172).

³⁰ Имеется план Ситэ. См. выше, стр. 109. (Cart. de Carcassonne, v. 5, p. 222—223).

³¹ F. Lot, p. 396.

³² См. С. М. Стам. Развитие раннего города, стр. 153—154; A. Dupont, p. 133, 199, 428; Lot, p. 386.

³³ HGL, vol. I, 536.

³⁴ Ibid., p. 630.

³⁵ Ibid., p. 640—645.

³⁶ R. P. Bouges, vol. I, p. 28—30.

служить достаточной аргументацией расцвета Каркасона приводимые этим автором примеры — строительство в VI веке церквей св. Назария и св. Сатурнина? Как выясняется, это были незначительные церквушки, и строительство их велось непостижимо медленно. Только при Карле Великом, в 791 году (т. е. почти 2 века спустя), оно было закончено³⁷.

Не установлено вообще, кто был первым главой Каркасской церкви, об этом до сих пор ведутся споры³⁸. Более того, в раннем Каркасоне не наблюдается активной церковной деятельности, а от 683 г. до 788 года совсем не ведутся списки епископов³⁹, что говорит об упадке епископской власти.

В это время, по-видимому, население крепости весьма незначительно. Предположить это позволяет факт строительства первого кафедрального собора за стенами Каркасона⁴⁰. Это могло произойти из-за сильного еще в Ситэ влияния арианства, как предполагает Ж. Пу⁴¹. Но более вероятной причиной столь необычного явления могла быть малочисленность населения внутри крепостных стен. Естественно также, что епископ прежде всего желал увеличения своей паствы, ибо вместе с душами верующих надеялся приобрести для церкви их имущество. Возникновение главной церкви, епископской резиденции под стенами крепости не могло не повлечь какой-то хотя бы зачаточной концентрации населения рядом с Ситэ. Если же сопоставить этот факт с успехами в отражении длительных осад и данными о чрезвычайно малой площади Каркасона, то можно предположить, что с VI века начинает зарождаться близ крепостных стен пригородная зона. Являясь сферой деятельности епископа, местом его резиденции, эта пригородная зона служила одновременно продовольственной базой крепости. Каких-либо иных данных о другом, кроме предполагаемого нами, значении этого места под стенами Каркасона у нас нет. Поэтому нет никакого основания говорить о каком-то качественном перерождении Каркасона из-за приобретения им с VI века второй функции — места епископской резиденции.

³⁷ Cart. de Carcassonne, vol. 5. p. 730.

³⁸ Авторы колеблются между Иларием (известным по преданию) и Сергием, который в 589 году присутствовал на конclave в Толедо (HGL, vol. I, p. 332).

³⁹ A. D'iron p.t, p. 224.

⁴⁰ I b i d., p. 236. Возводится кафедральный собор в VI веке епископом Сергием.

⁴¹ J. Pou x. La cité., 1923, p. 105.

Некоторые авторы считают, что Каркассон в раннее средневековье был значительным торгово-перевалочным пунктом⁴². Действительно, через него проходила главная дорога, соединяющая Атлантику и Средиземноморье, идущая между Центральным массивом и Пиренеями через долину Оды и долину Гаронны. Дорога эта известна уже Страбону⁴³. Каркассон стоял на перекрестке трех важнейших путей: I. Участок «voie d'Aquitaine» Тулуза — Каркассон — Нарбонна⁴⁴ — это ветка, отходящая от сухопутной Домициевой дороги, древняя племенная тропа в глубь Аквитании. II. Из Бордо в Нарбонну через Каркассон шла другая дорога, сначала речным путем от Тулузы по реке Гаронне, затем по реке Оде к Каркассону через речную долину — сухопутным путем⁴⁵. III. Дорога от Кагора к Средиземному морю шла через Каркассон, и из Авиньона в Тулузу также пересекала Каркассон⁴⁶. Из этого видно, что возможности для торгово-перевалочной деятельности у Каркасона были. Но насколько они могли реализоваться в раннее средневековье? В V—VI веках Каркассон еще упоминается в путеводителях⁴⁷. Для VII—VIII веков мы не могли обнаружить подобных свидетельств. Есть сведения о том, что при короле Эрихе (464—487) в Каркассоне был монетный двор⁴⁸, что может свидетельствовать о некотором денежном обращении. Но, как увидим далее, изготовление монет в Каркассоне на время прекратилось, и лишь спустя два века было вновь возобновлено. Говорить о Каркассоне как о значительном торговом пункте в раннее средневековье нет никакого основания.

Непродолжительное господство завоевателей — арабов (715—752 гг.)⁴⁹ не сыграло значительной роли в развитии

⁴² A. Dupont, p. 347.

⁴³ «Из Нарбонны грузы идут на большее расстояние вверх по реке Атаку (Оде), затем более длинный промежуток следуют волоком до Гарумны (Гаронны)». Страбон. География. Л., 1964, кн. 4, стр. 181.

⁴⁴ HGL, v. I, p. 732; E. Baux et G. Mot. La voie romaine de Narbonne à Toulouse (Bulletin de la société d'études scientifiques de l'Aude, v. 55, 1955, p. 49—61).

⁴⁵ Y. Renouard. Les voies de communication entre pays de la Méditerranée et pays de l'Atlantique au Moyen age (Mélanges d'histoire du Moyen age, dédiés à la mémoire de Louis Halphen. Paris, 1951, p. 590).

⁴⁶ R. H. Bautier. Recherches sur les routes de l'Europe médiévale. (Bulletin historique philologique et du Comité des travaux historiques et scientifiques. Paris, 1963, p. 277—278).

⁴⁷ La grande encyclopédie. Paris, t. 9, p. 356.

⁴⁸ J. Pouy. La cité, 1923, p. 14—15.

⁴⁹ Аннианские анналы под 720 годом сообщают: Ambisa, rex Sarracenorū... Carcassonam expugnat et capit» (HGL, v. 2, Chroniques, p. 4).

Каркасона. Однако волна арабского завоевания принесла на территорию Каркасса не только арабов, но и многочисленных беженцев из Испании⁵⁰, которые слились на родственной этнической основе с местным вестготским населением. От этого времени не сохранилось никаких документов о Каркассоне, видимо, он не играл значительной роли, собственно городская жизнь в нем не пробудилась.

В эпоху первых Каролингов Каркасон был официально присоединен к Французскому королевству⁵¹. Однако подъема городской жизни не произошло, как это пытается представить А. Дюпон⁵². Анналы Ситэ в IX веке содержат лишь описание незначительных событий и производят впечатление захирения и запустения Каркасона. Единственный раз Каркасон упоминается при описании перенесения тела святого Винсента из Сарагоссы в Кастр в 863 году⁵³. Не удивительно, что Ж. Пу Каркасон этой эпохи представляется в виде «застывшего населенного пункта»⁵⁴.

Только в IX веке при присоединении Каркасона к Тулусской марке он, как Ним, Агд, Арль, начинает обозначаться «civitas»⁵⁵. В то же время начинает проникать в тексты хартий и становится традиционным выражение «Ситэ Каркасона»⁵⁶, т. е. и в том и в другом случае подчеркивается значение крепости. Ведь все крупные римские «civitates» были крепостями, поэтому в раннее средневековье название любой крепости ассоциировалось прежде всего с этим термином. Французский термин «cité», а также латинский «civitas» в новом понимании обозначал не крупный центр большой области, как в античности, а прежде всего крепость.

⁵⁰ Этому способствовала хартия Людовика Благочестивого, в которой он обещает испанским беженцам свое покровительство и различные привилегии. (*Cart. de Carcassonne*, v. 5, p. 226; *Capitularia regum francorum*, S. Baluzius Parisiis, 1677, v. I, p. 570).

⁵¹ *Cart. de Carcassonne*, v. 5, p. 224—225. В 752 году Септимания присоединяется к владениям франкских королей. В 759 году каркассонцы приносят клятву верности Пепину, королю Франции.

⁵² A. Dupont, p. 354, 347, 390, 381. На стр. 415 он пишет даже о взлете и процветании при первых Каролингах, о «подъеме городов». Вместе с тем тот же автор вынужден признать, что «в 9 веке никакого существенного возрождения не было» (p. 405).

⁵³ A. Dupont, p. 405.

⁵⁴ J. Poujx. *La cité*, 1923, p. 19.

⁵⁵ Термин «civitas Carcassona» упоминается в документе от 29 февраля 883 г., в тяжбе, которую вел епископ Вилеран за упрочение своей власти (*HGL*, v. 5, col. 72).

⁵⁶ J. Poujx. *La cité*, 1923, p. 19.

Политика франкских королей была направлена на борьбу с готским сепаратизмом в Лангедоке. Они стремились посредством вассальных договоров, привилегий и дарений держать под своей верховной властью Каркасон, значительный военный пункт в иноплеменной готской области, один из крайних постов на юго-восточной границе королевства. Обширные земельные дарения королей⁵⁷ заложили основы экономической мощи каркасонских сеньоров. Рост крупного землевладения, поддержка и милости верховного сюзерена способствовали усилению графской власти, превращению Каркасона в резиденцию графа. Это может объяснить быстроту превращения графской власти в наследственную⁵⁸. Нам кажется ошибочным определять наследственную графскую линию с X века⁵⁹. Ведь от Олибы I с 820 года власть передается сыновьям: Элигарию (Элиганию) и затем — Олибе II. С 877 года его династическая линия под титулом «comes Carcassonne» продолжается до 934 года⁶⁰. Впечатляет размер дарений, среди которых множество церквей и обширнейшие владения королевского фиска в округе Каркасона, в викариате Альзоны и округе Разес⁶¹. Дарение сопровождается рядом привилегий, главная из которых — «Libere in omnibus potiatur arbitrio» (полная и независимая власть).

В 898 году Эд, король Франции из рода Робертинов, боровшихся за престол с Каролингами, дал каркасонским графам право собственной чеканки монет⁶². Тогда же вновь создается монетная мастерская в Ситэ Каркасона⁶³. Возобновление monetного дела говорит о том, что чеканка монет при вестготах не была устойчивой и интенсивной, как, впрочем, и при Каролингах, так как только в XII веке выпускается полновесная каркасонская монета («Raimondine Ugonencia»)⁶⁴.

⁵⁷ Cart. de Carcassonne, v. 5, p. 227.

⁵⁸ Первый каркасонский граф Деллон (между 778 и 812 гг.): «sicut a Dellone comite et Gislajredo filio ejus terminatum est» (HGL, v. 2, col. 208).

⁵⁹ R. P. Bouges, p. 177 (первый наследственный граф Арнауд с 948 г.); F. Lot, p. 397.

⁶⁰ Генеалогию графов см. HGL, у. 2, р. 312, в. 4, р. 113. Графы Каркасона заслуживают особо милостивого обращения короля: «Olibam dilectum nostrum comitem ... jamfatus fedelis noster Oliba» (HGL, vol. 2, XCIV, p. 361—362).

⁶¹ Cart. de Carcassonne, v. 5, p. 227).

⁶² Ibid., p. 230.

⁶³ Poux. La cité, 1923, p. 19.

⁶⁴ A. Molinier. Etude sur l'administration féodale dans le Languedoc (900—1250 гг.). Toulouse, 1871, p. 255.

Ситэ Каркассона оставалось малонаселенным, о чём может свидетельствовать тот факт, что монахи Лаграса получают в Ситэ дарения и наследства⁶⁵, а также многочисленные и более поздние упоминания об аллодах, виноградниках на территории Каркассона⁶⁶. Даже в 1067 году упоминаются земли в Ситэ, с которых Каркассонский граф Пьер Раймунд и его сын Ружер получают десятины и начатки⁶⁷. Характерно вообще расплывчатое определение Каркассона как территории, а не как самостоятельного городского ядра, отличного от близпримыкающей сельскохозяйственной округи⁶⁸. С IX века эта аграрная округа Каркассона начинает именоваться «*suburbium*». Первый документ, в котором появляется это выражение, относится к 849 году⁶⁹. Документ от 877 года содержит аналогичное определение субурбия как деревенской округи Каркассона: «*In suburbio Carcassense... villare cuius est vocabulum villa Fedosi*»⁷⁰. В 949 году упоминаются аллоды «*in suburbio Carcassense in terminio Ausonense*»⁷¹ (Альзон находился в 15 км от Каркассона). Вместе с тем термином «*suburbanus*» называются жители городского предместья, расположенного под стенами Ситэ⁷².

Перед нами встает вопрос: что же понимать под термином «субурбиум»? Западные историки не пришли к единому мнению, колеблясь между пониманием субурбия как обширного, примыкающего к городу аграрного пояса, и определением субурбия как зоны, расположенной прямо под стенами ситэ⁷³.

⁶⁵ J. Poux. La cité, 1923, p. 19.

⁶⁶ См. акт от 936 г. (HGL, v. 5, № 64, p. 170); акт от 949 г. (HGL, v. 5, № 89, p. 207); акт от 934 г. (HGL, v. 5, № 61, p. 166); акт от 957 г. (HGL, v. 5, № 103, p. 227).

⁶⁷ R. P. Bouges, v. 2, p. 529.

⁶⁸ В текстах то и дело встречается выражение «*in territoire de Carcassonne*», см. акт от 837 г. (Cart. de Carcassonne, v. 2, p. 121); см. также акт от 877 г. (HGL, v. 2, p. 390); акт от 815 г. (HGL, v. 2, p. 107—109).

⁶⁹ Некто Жуболт уступает Ришемири, аббату Монтелье, участок земли с виноградником, половину мельниц на территории Альзона в субурбии Каркассона. (Cart. de Carcassonne, v. I, p. 17).

⁷⁰ Акт от 849 г. (Cart. de Carcassonne, v. 5, p. 229—230).

⁷¹ HGL, v. 5, № 89, p. 207.

⁷² «*Nos homines Carcassone... et suburbanus*» (HGL, v. 5, col. 804).

⁷³ Ф. Веркаутерен, рассматривая раннесредневековую историю римских «*civitates*» в Бельгии, под «субурбиумом» времен Меровингов понимает широкий сельскохозяйственный округ, а в IX веке это пригород, предместье, фобур (F. Vergaert en. Etudes sur les civitates de la Belgique seconde Contribution à l'histoire urbaine du Nord de la France de la fin du III siècle à la fin du XI siècle, Bruxelles, 1934, p. 391—393). Этого же мнения придерживался Ф. Лот. Ж. Дюби говорит о субурбиуме возле

Как показывают вышеприведенные данные, в Каркассоне в XI веке слово «субурбиум» означало широкую аграрную периферию, это несомненно; но с конца IX века здесь, как нам кажется, можно обнаружить нечто иное. В 882 году под стенами Ситэ появляется «castellare» (маленькая крепость-пристройка, обнесенная оградой) в месте выхода южных РАЗЕСКИХ ворот⁷⁴. Ее заселяют «casa» — бедные люди, крестьяне. По нашему мнению, это слово происходит от «casales» — крестьянский двор. Там находятся «solarios», т. е. мансы, а также риги, гумна и другие службы и угодья.

Таким образом, здесь первоначальный аграрный характер пригорода несомненен. Ж. Пу считает, что второе подобное поселение начинает лепиться за северной стеной Ситэ, вокруг церкви св. Винсента⁷⁵. Местность эта пересекалась сельскохозяйственными дорогами и дробилась на парцеллы. Здесь были виноградники, представленные в довольно большом количестве⁷⁶, и пшеничные поля, а также значительные пахотные участки⁷⁷. Документов, свидетельствующих о каких-либо иных функциях этих зарождающихся пригородов, для IX века мы не находим. Может быть, именно качественная характеристика субурбия как аграрно-сыревой базы крепости даст возможность полнее воспринять смысл этого термина? Аграрность каркассонского субурбия в IX—X веках служит лишним доказательством догородского характера самого Ситэ Каркассона в эту пору.

Характерно для этого времени почти абсолютное молчание источников о ремесленном развитии Каркассона, и даже о торговле, хотя надо полагать, что какое-то торговое движение,

стен Ситэ (G. Duby. *Les villes du Sud-Ouest, de la Gaule. (La città nell'alto medievo, Spoleto, p. 244, 1959)*). А. Дюпон доказывает, что и в Нарбонне субурбиум носил характер аграрной полосы и включал территории, расположенные в радиусе 25 км от ситэ. И в Безье субурбиум по акту 889 года включал деревню Валериано, расположенную весьма далеко от города Агда. Автор считает: «Субурбиум означает не только фобур вблизи стен города, он также применим для обозначения сельского округа, расположенного в нескольких километрах от города» (A. Dupont, p. 417—418). Как видим, внимание этих авторов главным образом сосредоточено на том, как близко или далеко от города простирается субурбиум.

⁷⁴ A. Dupont, p. 442.

⁷⁵ J. Pouix. *La cité*, 1931, p. 33—34.

⁷⁶ Даже более поздние документы от 1142 года (J. Pouix, 1931, p. 34), от 1172 года (*Cart. de Carcassonne*, v. 5, p. 312), от 1173 года (J. Pouix, 1931, p. 34) говорят о продажах, аренде, уступках значительных виноградников в предместье св. Винсента.

⁷⁷ *Cart. de Carcassonne*, v. 5, p. 746.

и в частности провоз соли по Аквитанской дороге, и в эту пору должно было иметь место. Правда, Г. Бесс утверждает, что от Карла Великого каркассонцы получили право беспошлиной широкой торговли, но он не ссылается при этом ни на какой документ⁷⁸. Это предположение крайне сомнительно, так как известно, что в средние века Карлу Великому приписывали многие привилегии, дарованные другими королями значительно позже. Вероятно, масштабы торговли раннего средневековья были скромны, и не торговля определяла основу существования Каркасона на догоородском этапе его развития. Точно так же можно допустить в Каркасонской крепости существование элементов ремесла, обслуживающих рыцарский гарнизон и епископский двор.

Подведем некоторые итоги.

1. Античный этап развития Каркасона как цитадели, поставленной завоевателями-римлянами, имел свой подъем и упадок. Вершиной восходящей линии развития Каркасона в римскую эпоху явилось оживление в нем городской жизни. Но античный город был недолговечен. Каркасон к концу римской империи пришел в упадок и захирел.

2. При вестготах Каркасон начинается, как и при римлянах, с возведения мощной крепости. Однако повторения подъема не произошло. Раннее средневековье оставило Каркасон в той же функции крепости, в какой застало.

3. Своеобразие раннесредневекового Каркасона в том, что он очень рано окружается аграрным субурбием, что также свидетельствует о догоородском характере развития Каркасона вплоть до XI века.

Л. А. ПЕТРОВА

АНТИЧНЫЕ И ИСПАНО-АРАБСКИЕ ВЛИЯНИЯ НА ЛИРИКУ ПРОВАНСА

В книге «Запад и Восток» Н. И. Конрад показывает, что в истории мировой литературы недостаточно учитывались взаимовлияния литератур Востока и Запада. Он считает, что и теория литературы нуждается в пересмотре, ибо «и западный материал, во многом по-новому изученный, и восточный, становя-

⁷⁸ G. Besse, v. 2, p. 224—225.

шшийся все более и более нам известным, могут внести много нового в понимание существа литературы как общественного явления со своей специфической природой, в раскрытие и оценку специфических средств литературного выражения, в понимание хода развития литературы как в зависимости от внутренних законов этого развития, так и в связи с историей общества в целом»¹.

Придавая большое значение литературным связям, он отмечает, что они почти всегда сопутствуют возникновению у различных народов однотипных литератур, хотя сами по себе еще не обуславливают того или иного литературного явления. Останавливаясь на провансальской лирике, Н. И. Конрад пишет: «Известно большое сходство между арабской поэзией в Испании X—XII вв. и поэзией трубадуров во Франции»².

Действительно, лирика Прованса представляется сложным явлением, связанным с различными традициями и влияниями. Вопрос о ее происхождении, пока окончательно не решенный, интересен не только для истории французской литературы, но и для всей европейской поэзии вообще.

Известно, что в средние века Прованс был одной из самых культурных областей Европы. Города южной Франции надолго сохранили римское законодательство и римский муниципальный строй. Через Марсель, фокейскую колонию, распространялась греческая цивилизация и традиции. Кроме того, Прованс испытывал сильное влияние арабов, которые были в Испании посредниками между мусульманскими и христианскими традициями.

Именно здесь, на первый взгляд неожиданно, расцвела в XII веке поэзия, которой еще не знала в то время средневековая Европа. Провансальская литература первой достигла художественной обработки в творчестве своих поэтов — трубадуров, став, таким образом, старейшей из романских литератур. Бродячие поэты, представлявшие ее, были приняты затем при различных дворах Италии, Сицилии, Англии и Испании, куда они несли свои стихи, воспевающие новые идеалы любви и доблести.

Их творчество вызвало многочисленные подражания во всех областях, где они появлялись. Поэты других народов, подражавшие провансальским трубадурам, сочиняли свои стихи первоначально на языке южной Франции. О том, насколько

¹ Н. И. Конрад. Запад и Восток. М., 1966, стр. 332.

² Там же, стр. 336.

известно было искусство бродячих поэтов Прованса в Италии, свидетельствует тот факт, что Данте в своей «Комедии» вывел трубадура Арно Даниэля, вложив в его уста несколько строф по-провансальски. («Чистилище», п. XXVI). В эпоху Возрождения и гуманизма стихи трубадуров читались и изучались итальянскими поэтами. И Данте и Петрарка обязаны ей не меньше, чем произведениям древних классиков.

Новые идеи, новые настроения, специфика жанровых форм, образы и строфика — все это определило особую роль провансальской лирики, вызвавшей к жизни поэтическое творчество средневековой Европы и областей Средиземноморья.

Происхождением поэзии трубадуров занимались многие романисты. До начала ХХ в. существовали две гипотезы. Первая возводила ее к античной традиции — так называемая «античная», вторая — «средневеково-христианская» — к латинским церковным гимнам.

Античная поэзия, как известно, не знала рифмы, в то время как практика трубадуров выработала новые поэтические формы с четкими комбинациями рифм, которые описаны в поэтическом трактате³ Молинье. Он был секретарем общества «Веселая наука», которое возникло в 1324 г., и собрал правила стихосложения и наставления о различных родах провансальной поэзии. В поэтике Прованса трудно усмотреть прямую античную преемственность.

Правда, народная песенность Прованса хранила в себе некоторые архаические черты латинских песен, но следы их сохранились не в творчестве трубадуров, а в ремесле жонглеров — перешедших в средневековые римских шутников и поштешников. Их уделом было забавлять народ различными фокусами и комическими сценками. Нередко жонглеры выступали вместе с трубадурами, аккомпанируя им на музыкальных инструментах, но никогда не становились профессиональными поэтами, продолжая оставаться народными певцами-ремесленниками. В провансальской лирике встречаются настроения, восходящие к майским песням, исполнявшимся в древности на флоралиях — весенних празднествах в честь богини Флоры.

Но невозможно только этим совпадением, как нам кажется, объяснить сложное и многообразное искусство трубадуров. Думается, что античная гипотеза не дает исчерпывающего ответа на вопрос об истоках поэзии Прованса.

³ «Fiors de l'gay saber» (издано в Тулузе в 1811 г. Gatien Arnoult).

Средневеково-христианская гипотеза, предполагающая ее прототипом латинские церковные гимны только на основании того, что в них, как и в стихах трубадуров, использовались трехстишие-моноримы, оказалась тоже довольно уязвимой. Это убедительно показал испанский ученый Р. Менендес Пидаль, полемизируя с Р. Лапа и А. Жанруа⁴.

Совершенно по-иному подошел к решению этой проблемы испанский арабист Х. Рибера-и-Тарраго, выдвинувший в 1912 г. так называемую «арабскую» гипотезу происхождения провансальской, а следовательно, и всей европейской поэзии средневековья. Ученый обратился к поэтическому творчеству арабов в Испании, где в IX в. возникла новая строфическая форма *мұвáших*, резко отличающаяся от моноримической арабской поэзии классического периода, хотя язык, темы и образы оставались традиционными. Несколько позднее возник *зáджаль*, который создавался уже на разговорном арабском языке, включавшем и элементы романской лексики. Наибольшей завершенности эта строфическая форма достигла в творчестве Ибн Кузмана, диван которого дошел до наших дней, правда, в несколько более поздней уникальной рукописи. Заджали его были очень популярны и распевались во всех углах халифата (*зáджаль* означает *мелодия, напев*).

Поэтический материал, заключенный в диване Ибн Кузмана, позволяет судить о той бесспорной близости между испано-арабской строфической поэзией и лирикой трубадуров, которую отметил Рибера. Это — и темы, и образы, и ритмическое оформление и, наконец, сама манера исполнения, предполагающая музыкальное сопровождение или пение солиста с хором.

В диване Ибн Кузмана Рибера видел ключ к истории возникновения всей европейской поэзии.

Его гипотезу поддержал и ряд ученых. К ним относятся В. Мюллерт в Германии, А. Р. Никль в Соединенных Штатах, а также М. Асин Паласиос, Гарсиа Гомес и Менендес Пидаль в Испании. И. Ю. Крачковский подробно останавливается на исследованиях Рибера в своей работе «Полвека испанской арабистики». «Важно подчеркнуть, — пишет он, — что эта лирика существовала уже в начале X в., т. е. за двести лет до появления древнейшего провансальского трубадура»⁵. И. Ю.

⁴ Р. Менендес Пидаль. Избр. произведения. М., 1961, стр. 468—478.

⁵ И. Ю. Крачковский. Избр. соч., т. V, М.—Л., 1958, стр. 315.

Крачковский, так же как и Рибера, считал арабскую поэзию в Испании моделью для провансальской.

Гипотеза Рибера нашла не только сторонников, но и противников. С ней не согласились такие крупнейшие романисты, как, например, К. Аппель, которому принадлежит следующее утверждение: «Провансальская поэзия существовала и до того, как Ибн Кузман сочинил свою первую песню». На его ошибку указал Р. Менендес Пидаль⁶, напомнив, что Ибн Кузман уже стал бродячим певцом (1094 г.), в то время как его современник Гильом IX, герцог Аквитанский, первый из датированных трубадуров (родился в 1087 г.), достиг семилетнего возраста. Кроме того, еще задолго до Ибн Кузмана на протяжении IX—XII вв. в Испании культивировалась и развивалась строфическая поэзия в форме мувашшаха и заджаля.

Совершенно естественно предположить, что арабская поэзия не могла развиваться изолированно от местного песенно-го материала Пиренейского полуострова. Она явилась детишем двух поэтических традиций — арабской поэтики и романской народной лирики, которая в оригинальном виде не сохранилась. Она трансформировалась в арабском поэтическом творчестве. Об этом свидетельствует прежде всего строфичность, которой не знала поэзия арабского Востока. Не случайно поэтому, что многие ученые, занимающиеся строфическими формами, обращались к важнейшему элементу ее — *хардже*, опорным строкам, создающим ритмическую схему всего произведения. И если в трехстишии-монориме можно усмотреть специфическое свойство старой арабской поэзии, то харджа, восходящая по своей природе к архаическим народным песням полуострова, носит уже романский характер. Строфичность — это то, чем обогатилась арабская поэтическая традиция в Испании.

Вопросы, связанные с хардже, составляют специальный предмет исследования. Важнейшие работы о ней принадлежат С. М. Штерну⁷, Р. А. Борельо⁸, Э. Гарсии Гомесу⁹, и др. Следует указать также статью В. П. Григорьева¹⁰ — первую, на-

⁶ Р. Менендес Пидаль. Там же, стр. 479.

⁷ S. M. Stern. *Les vers finaux en espagnol dans les muwassahas hispano-hebraiques*, al Andalus, N 13, 1948, p. 299—342.

⁸ R. A. Borello. *Jaryas andalusies, Bahia Blanca*, 1959.

⁹ E. Garcia Gomez. «Veinticuatro jaryas romances en muwassahas arabes», al Andalus, N 17, 1952, p. 57—127.

¹⁰ В. П. Григорьев. «Заметки о древнейшей лирической поэзии на Пиренейском полуострове. — Вестник ЛГУ, 1965, № 8, стр. 86—96.

сколько нам известно, специальную работу на русском языке.

Признавая определенную роль архаической испанской поэзии для возникновения строфики у арабов, нельзя недооценивать и роль арабской поэзии: ранняя романская лирика полуострова сохранилась в письменном виде только в рамках арабских строфических форм.

Те исследователи, которые преуменьшают значение арабской классической традиции, не учитывают того факта, что самые ранние произведения, дошедшие до нас, датированы VI веком, и что уже к VII в. арабская поэтическая практика выработала свои 16 стихотворных размеров и создала свою специфическую монументальную жанровую форму — *касыду*, существующую и поныне. А к периоду распространения арабской поэзии в Испании она уже создала свою поэтику и пережила свой «героический» и «золотой» век, по определению Х. А. Р. Гибба, и обогатилась творчеством народов, оказавшихся под арабским влиянием.

Что касается ее первоначального распространения в Испании, то она еще долго являлась в своем исконном, традиционном виде и поэты, писавшие здесь, мало чем отличались от поэтов Багдада или Дамаска. Постепенно ее усвоила и аристократическая часть романского населения, близкая ко дворам эмиров, и подражала ей в своих стихах, которые тоже писались на классическом арабском языке.

В этой связи нельзя полностью согласиться со следующим утверждением В. П. Григорьева: «Процесс становления лирической поэзии на Пиренейском полуострове начался еще до арабского завоевания и утверждения о роли арабской поэзии как единственном источнике поэзии романской совершенно бездоказательны. В то же время с полным основанием можно говорить о воздействии романской песенной культуры на арабскую поэзию уже в IX веке и о романских заимствованиях в арабской поэзии по крайней мере начиная с XI в.»¹¹.

Исследователь испанской средневековой литературы Р. Менендес Пидаль считает, например, что самая ранняя лирическая народная поэзия полуострова была галисийской¹². Она датируется не ранее чем XIII в. Что же касается поэзии на кастильском диалекте, ставшем затем основным языком Испании, то «...этот род поэзии... представляется настолько искусственным, что первое время культивировался даже не на

¹¹ В. П. Григорьев. Ук. соч., стр. 96.

¹² Р. Менендес Пидаль. Ук. соч., стр. 414.

кастильском языке, а на галисийском диалекте; к тому же он рождается под влиянием или под покровительством провансальского языка, а когда, наконец, получает выражение на кастильском языке, то ищет поддержку... у литературы итальянского Возрождения»¹³.

Арабскую строфическую поэзию в Испании приходится признать действительно источником для изучения архаической песенности Пиренейского полуострова хотя бы уже потому, что только испано-арабский мувашах и заджаль вобрали в себя и сохранили отголоски романских народных песен, используя их в своих харджа.

Но можно ли говорить всерьез о «романских заимствованиях в арабской поэзии» и тем более о воздействии романской песенной культуры на арабскую поэзию», когда сама эта песенная культура сложилась гораздо позднее в том виде, в каком могла бы оказывать влияние своими идеями, образами, своей поэтикой. Строфичность — вот тот единственный, разумеется, немаловажный элемент, который был обретен арабами в Испании. Сложилась новая поэзия в двух своих формах — мувашхае и заджале, получила известную популярность, распространялась на восток халифата и за его пределы, однако наряду с этим существовала, как продолжает существовать и в наше время, классическая арабская касида с ее моноримичностью.

Арабская поэзия, выработав свои строфические формы, не утратила вместе с тем богатых традиций и не пошла совершенно иным, чуждым ей путем. В свою очередь, лирическая песенная культура Пиренейского полуострова не обогатилась созданными здесь арабской поэзией строфическими формами. Она не восприняла их, находясь еще в самом начале своего становления, а заимствовала через третью руки — от трубадурров Прованса, которые сами, как это следует из гипотезы Рибера и многих исследований, подтвердивших ее, получили их из арабской поэзии в Испании¹⁴.

Хотелось бы возразить также и З. И. Плавскину¹⁵, считающему появление в испано-арабской поэзии новых строфических форм лишь результатом восприятия арабами народного творчества Пиренейского полуострова. Употребление в мувашхае и заджале романской харджа, даже взятой в готовом ви-

¹³ Р. Менендес Пидаль. Ук. соч., стр. 413.

¹⁴ См. Р. Менендес Пидаль. Ук. соч., стр. 480—482.

¹⁵ З. И. Плавский. Примечание к книге А. А. Смирнова «Средневековая литература Испании», Л., 1969.

де (следует оговориться, что часто харджа создавались и на арабском языке и на смешанном, романских строках просто брались за образцы), еще не делает испанскую литературу древнейшей из романских литератур, а мувашхаи и заджали, близкие по своей строфике к канцонам трубадуров, остаются все-таки жанровыми формами арабской литературы. История их создания и вся терминология, связанная с ними, зафиксированы в средневековых арабских источниках.

Арабские термины, связанные с поэзией, в частности — со строфической — до некоторой степени были восприняты в Испании. Мы не можем здесь касаться специального вопроса взаимодействия и взаимовлияния арабского и романского языков на Пиренейском полуострове. Этому посвящен ряд работ и исследований как у нас, так и за рубежом. Сошлемся лишь на книгу В. Ф. Шишмарева «Очерки по истории языков Испании», где автор отводит большое место рассмотрению влияния арабской лексики на романские диалекты Пиренейского полуострова¹⁶.

Возвращаясь к арабским терминам, связанным с литературой, приведем в качестве примера слово *«markaz»* — колышек, опора (то, что позднее стало называться *харджа* — запев-припев или опорные стихи заджала). Оно нашло свою испанскую параллель для обозначения рефrena '*estribilo*', '*estribillo*', восходящую к тому же самому смысловому значению — опора, упор.

Арабские термины через испанский проникли позднее и в другие романские языки.

Обратимся к слову «трубадур», связанному со странствующими провансальскими поэтами XII—XIII вв., воспевавшими любовь к прекрасной dame и высокие рыцарские идеалы доблести.

Происхождение этого термина окончательно не выяснено. На этот счет имеется несколько мнений, возводящих его к различным смысловым значениям. Чаще всего такой смысловой основой считают латинское '*tgorage*' (происходящее, в свою очередь, от греческого '*tropos*'), что означает слагать тропы — духовные стихи. Реже объясняют слово «трубадур» латинской же основой, но с совершенно другим значением — '*tgbare*' — волновать, тревожить. Иногда соотносят понятие трубадур со старогерманской основой (новонемецкое '*treffen*' — попадать в цель, задевать).

¹⁶ В. Ф. Шишмарев. Очерки из истории языков Испании. М.—Л., 1941.

Из всех этих предположений наименее убедительным кажется нам последнее, так как в Германии искусство миннезингеров — певцов любви — возникло гораздо позднее (XIV—XV вв.), а влияние готтской лексики более раннего периода сохранилось на Пиренейском полуострове разве что в топонимике, как это отмечает В. Ф. Шишмарев. Кому бы пришло в голову обозначать провансальских поэтов немецким термином? Трудно найти здесь какую бы то ни было историческую или лингвистическую преемственность, да и само слово «трубадур» с большой натяжкой может ассоциироваться с немецкой основой 'treffen'. Его смысл также мало подходит к объяснению содержания куртуазной поэзии: *задевать, попадать в цель* — подошло бы больше к сатирическим мотивам лирики, которые и не определяющи и не единственны в творчестве провансальских поэтов.

Два других предположения возводят слово «трубадур» к латинским основам — с совершенно различным смыслом, что важно отметить. Первое — 'tropare', обозначая процесс сочинения стихов вообще, не выражает специфику искусства трубадуров. Ко второму — 'turbare' следует подойти более внимательно, хотя на первый взгляд оно и кажется более далеким и от содержания понятия трубадур и от его звучания. *Волновать, тревожить* гораздо больше выражает сущность лирической поэзии, чем *слагать духовные стихи*.

Теперь обратимся к арабской Испании, поэзия которой до гипотезы, предложенной Риберой, казалось, не имела к Провансу никакого отношения. В силу этого романристами совершенно не принимались в расчет ни испано-арабская поэтика, ни тем более арабская терминология, когда речь шла о трубадурах и их искусстве.

Арабский глагол 'tagaba', лексически близкий к слову трубадур, имеет несколько значений: *быть взволнованным радостью или горем, петь и связанные с ним понятия тараб — возбуждение, радость, музыка; причастие mutrib — музыкант, певец и некоторые другие.*

Интересно заметить, что по сравнению с латинским *сочинять тропы* от основы 'tropare' или латинским же *волновать, тревожить* от — 'turbare' (более близкому к арабским значениям) он наилучшим образом выражает специфику качественно нового искусства трубадуров Прованса.

Быть взволнованным радостью или горем — первое значение арабского тараба. Приведем в связи с этим высказывание американского арабиста Г. Э. фон Грунебаума о настроении и

общей тональности провансальской лирики: «Мы не можем отрицать, что это особое настроение, опирающееся на радость и веселье, которое процветает, объединенное удивительным образом с печалью, возникающей из-за безграничной духовной любви, живущей самоотречением... Оно свойственно Провансу... В то же время необходимо указать и на то, что подобное настроение проникло в Испанию, ...если только его не было там и до этого»¹⁷. Далее приводится заджаль Ибн Кузмана, в котором поэт обращается к своей возлюбленной.

Об этом удивительном сплаве радости и горя, породившем любовные песни трубадуров, трудно сказать лучше, чем Блок в своей драме «Роза и крест», переносящей нас в Прованс XIII века:

«...Сердцу закон непреложный —
Радость — Страданье одно!»
Как может страданье радостью быть!
«Радость, о Радость-Страданье,
Боль неизведанных ран...».

Петь, воспевать, музыка — эти арабские значения призваны как раз отобразить специфику творчества трубадуров. Здесь нет возможности касаться музыкального оформления кансон трубадуров, но необходимо напомнить только, что расшифрованные средневековые мелодии, как это доказал Рибера, по своей архитектонике совпадают с заджалиями Ибн Кузмана.

Вопрос о происхождении слова «трубадур» слишком серьезен и требует для своего решения специальных историко-литературных и лингвистических исследований, но, во всяком случае, арабская основа *тараба* имеет определенные преимущества перед латинской '*tropare*' и '*turbare*'. После всего высказанного о близости испано-арабской поэзии к лирике Прованса при гораздо более раннем возникновении первой выводить термин «трубадур» из арабского *тараба* не кажется совершенно беспочвенным и идет в русле арабской гипотезы Рибера, которая находит все большее и большее подтверждение.

По нашему предположению (которое, разумеется, нельзя еще считать доказанным) слово «трубадур» могло явиться контаминацией, возникшей из арабской основы и романского суффикса.

¹⁷ G. E. von Grunebaum. The Arab contribution to troubadour poetry. — Bulletin of the Iranian Institute, 1946, vol. II, NN 1—4; vol. III, N 1, p. 147—148.

Греко-латинское *тропос* в свою очередь могло быть перенесено на обозначение народной песни *троба* под влиянием и по звунию с *тараба* и, как более понятное романскому населению Средиземноморья, ассоциироваться с латинским значением.

Тот факт, что до сих пор термин «трубадур» связывают с двумя различными латинскими основами, лишний раз показывает, что не понятая за пределами Испании арабская основа возводилась позднее к двум различным смысловым значениям.

Э. Д. ФРОЛОВ

ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ МЛАДШЕЙ ТИРАНИИ
(выступление гермократа сиракузского)

По-видимому, есть своя логика в том, что в позднеклассический период именно в Сиракузах впервые в чистом виде вновь возродилась тирания, и мы должны поэтому с особым вниманием отнестися к тем явлениям в политической жизни этого города, которые послужили провозвестниками этого возрождения.

Последний представитель старшей тирании в Сиракузах, младший брат знаменитого Гелона Фрасибул должен был отказаться от власти в 466/5 г. до н. э. (см. Diod., XI, 67—68), и с этих пор в Сиракузах, как и в большей части других греческих городов, полисные принципы получают возможность наиболее полного выражения¹. Правда, на первых порах Сиракузской республике пришлось пройти через полосу тяжелых внутренних смут, порожденных распрями между исконными гражданами и новыми, ставшими таковыми милостью тиранов. При этом в связи с выступлением некоего Тиндарида возникла даже опасность возрождения тирании, так что после его подавления на короткое время ввели петализм — особую

¹ См. A. Holm. Geschichte Siziliens im Altertum, Bd. I. Leipz., 1870, стр. 254, 430; E. A. Freeman, History of Sicily, v. II. Oxf. 1891, стр. 324; E. Pais. Storia dell' Italia antica e della Sicilia, ed. 2, v. I. Torino, 1933, стр. 379; H. Bengtson. Griechische Geschichte, 2 Aufl. Münch., 1960, стр. 210.

Работа Хютля (W. Hüttl. Verfassungsgeschichte von Syrakus, Prag, 1929) осталась для меня недоступной.

форму суда, служившую, как и афинский остракизм, целям контроля гражданского коллектива над отдельной личностью (см. Aristot. Pol., V, 2, 11, р. 1303 a 38—b 2; Diod., XI, 72—73, 76, 86—87). Однако несмотря на это, а также на внешние осложнения — борьбу с этрусками (см. Diod., XI, 88, 4—5) и сикульской державой Дукетия (см. ibid., XI, 91—92; ср. 76, 3; 78, 5; 88, 6—90, 2), к середине V столетия свободные Сиракузы находились на высокой ступени процветания и могущества, может быть, лишь немногим менее высокой, чем тогда, когда они были центром обширной державы Дейноменидов. Повидимому, развитие происходило здесь в том же направлении, что и в Афинах и в других экономически развитых полисах: внутри — в сторону все большей демократизации общественной и политической жизни, а вовне — в сторону растущей великодержавности. О последней стороне мы более осведомлены; и она, в свою очередь, позволяет судить о росте радикально-демократических тенденций во внутренней жизни. Война с Афинами, принявшая характер настоящей народной освободительной борьбы, и в особенности победы на море, предопределившие исход этой борьбы, решающим образом должны были содействовать росту этих тенденций и их окончательному торжеству. Не случайно, что сразу же после победы над афинянами, в 412 г., вождь сиракузских демократов Диокл провел важные преобразования в государственном устройстве Сиракуз, придав ему отчетливо выраженный радикальный характер (см. Aristot. Pol., V, 3, 6, р. 1304 a 27—29; Diod., XIII, 33, 2—3; 34, 6—35, 5)². Однако следствием этих преобразований было, естественно, обострение социальных отношений, рост противоречий между радикальными и консервативными группировками, что должно было отрицательно оказаться на полисном единстве. Вместе с тем война, поощрив профessionализацию армии и усилив значение отборных, кадровых отрядов (об использовании этих отрядов во время 2-й войны с афинянами см. Thuc., VI, 96, 3; 3—4; VII, 43, 4—5; Diod., XIII, 11, 4), повысив роль военачальников и вызывая к жизни практику чрезвычайных назначений (осенью 415 г. вместо 15 стратегов были назначены 3 стратега-автократора, см. Thuc., VI, 72—73; Diod., XIII, 4, I; затем вместо них — снова 3 стратега-[автократора?], см. Thuc., VI, 103, 4), должна была содействовать развитию и других опасных для полиса тенденций.

² См. A. Holt, Ук. соч., II, 1874, стр. 77, 417; E. A. Freeman, Ук. соч., III, 1892, стр. 439; E. Pais, Ук. соч., I, стр. 438.

В Сиракузах, так же как в Афинах и в Спарте, война способствовала личному возвышению профессионального политика и полководца — Гермократа, сына Гермона. Подобно Алкивиаду и Лисандру, он тоже не избежал конфликта со своей общиной, но в отличие от них он в конце концов решился на открытое вооруженное выступление против своего государства, вследствие чего его, более чем кого-либо другого, должно отнести к числу предтеч младшей тирании³.

Гермократ, несомненно, происходил из знатного и богатого рода. Помимо прямого свидетельства Тимея (см. F. Jacoby, *Fgr Hist*, III B 566 F 102), на это указывает целый ряд фактов его биографии. Так, он, должно быть, получил хорошее специальное образование, как об этом можно заключить на основании его репутации — весьма высокой — оратора и военачальника (см. Thuc., VI, 72, 2; Xen. Hell., I, 1, 30 сл.; ср. Plat. Tim., р. 20 а), а также из того, что он даже других брался обучать ораторскому и военному искусству (см. Xen. Hell., I, 1, 30). Он должен был также обладать досугом и состоянием, что было необходимой предпосылкой для профессиональных занятий политикой. Наконец, в его политической деятельности красной нитью проходит враждебное отношение к демагогам, к их прямолинейно-радикальной политике (столкновения Гермократа с демагогами: в 415 г. — с Афинагором, см. Thuc., VI, 32, 3 и сл.; в 413 г. — с Диоклом, см. Diod., XIII, 19, 4 и слл. [по Плутарху — с Эвриклом, см. Plut. Nic., 28]), из чего, впрочем, мы должны уже сделать вывод не только о происхождении, но и о политической ориентации Гермократа: он явно

³ Для истории Гермократа мы располагаем отличными материалами. Главные из них — сочинения Фукидида (книги IV, VI, VII и VIII), Ксенофона (I книга его «Греческой истории») и Диодора (основыивающегося в своей 13 книге на сочинении Тимея, который в свою очередь опирался на показания современника и очевидца Филиста). Нет недостатка и в новых исследованиях. Кроме экскурсов в общих трудах по истории Сицилии (А. Хольма и Э. Фримена), а также в работах по истории Греции (см. особенно работы Ю. Белоха и Э. Мейера), см. также Th. Lensch a. Hermokrates, I, RE, Bd. VIII, Hbd. 16, 1913, стр. 883—887 с обстоятельной хронологией, положенной в основу настоящей работы; H. Westlake. Hermocrates the Syracusan. — Bull. of John Rylands Library, v. 41, n. 1, Sept. 1958, стр. 239—268; K. F. Strohacker. Dionysios I. Wiesbaden, 1958, стр. 33; H. Begele. Die Tyrannis bei den Griechen, Bd. I—II. Münch., 1967, I, стр. 215; II, стр. 634. Не все, однако, в выводах перечисленных исследователей нас удовлетворяет, что тоже, а не только непосредственный интерес к выступлению Гермократа, побуждает нас к новому рассмотрению этого эпизода истории Сиракуз.

принадлежал к олигархическим настроенным кругам сиракузского гражданства⁴.

Гермократ был влиятельным политиком уже к середине 20-х годов V в. Весь первый период его политической деятельности (до отъезда в Грецию в 412 г.) отмечен последовательной, стойкой борьбой против империалистских пополновцев Афин в Сицилии. В 424 г. он был одним из участников конгресса сицилийских греков в Геле, и его выступление сильно способствовало принятию участниками конгресса решения прекратить междуусобные распри, что заставило афинскую эскадру удалиться из Сицилии (см. Thuc., IV, 58 слл.). В 415 г., когда стало известно о движении афинян в сторону Сицилии, он выступил с призывом к организации энергичного отпора и, очевидно, уже тогда предложил ряд мер, направленных к ограничению «своеволия» масс и к установлению последовательной военной централизации, чем, по-видимому, и навлек на себя подозрение в стремлении к олигархическому перевороту (см. ibid., VI, 32, 3 и слл.; ср. 72). Тем не менее осенью 415 г., когда угроза вражеской блокады стала очевидной, община прислушалась к советам Гермократа и, следуя его рекомендациям, пошла на учреждение чрезвычайной военной власти — трех стратегов-автократоров, одним из которых стал сам Гермократ (см. Thuc., VI, 72—73; 96, 3; Diod., XIII, 4, 1; Plut. Nic., 16). Гермократ и его коллеги развернули энергичную подготовку к новой борьбе, как дипломатическую (посольства в Грецию и в сицилийские города — Thuc., VI, 73, 2; 75, 3 и слл.; 88, 7 и слл.; Diod., XIII, 4, 1 сл.; 7, 1 сл.), так и военную (снаряжение укреплений, создание отряда из 600 отборных воинов — Thuc., VI, 75, 1; 96). Однако в следующую кампанию (414 г.) новые стратеги не сумели помешать афинянам высадиться, захватить Эпиполы и начать блокаду города и потому были отрешены от должности (см. Thuc., VI, 103, 4). Это смешение не положило конец военной и политической карьере Гермократа; в конце концов, в неудачах первой половины кампании 414 г. он был повинен менее всего. Поэтому, хотя в последующем ему, по-видимому, и не удавалось добиться вновь столь высокого назначения, как осенью 415 г., все же он продолжал активно участвовать в разработке планов и оказывал существенное влияние на руководство войной. Весной 413 г. он вместе с Гилиппом убеждает сиракузян обратиться к ак-

⁴ Общепринятое мнение. Принадлежность Гермократа к проолигархическим кругам оспаривает Вестлэйк (ук. соч., стр. 249—251), однако его доводы нельзя признать убедительными. Ср. Н. В е г у е. Ук. соч., I, стр. 215.

тивным действиям на море (см. *ibid.*, VII, 21, 3 слл.). Несколько позже, командуя отрядом из 600 отборных воинов, он отличился при защите Эпипол (см. *Diod.*, XIII, 11, 4; ср., впрочем, *Thuc.*, VII, 43, 4—5). Наконец предпринятая им военная хитрость задержала окончательное отступление афинян и тем сильно содействовала их поражению и победе сиракузян (см. *Thuc.*, VII, 73; *Diod.*, XIII, 18, 3—5; *Plut. Nic.*, 26; *Polyaen.*, I, 43, 2).

Вскоре после разгрома афинян в Сицилии сиракузяне по настоянию Гермократа отправили в Грецию на помощь пелопоннесским союзникам сильную эскадру с тем, чтобы содействовать окончательному поражению афинян; командовать эскадрой было поручено самому Гермократу (см. *Thuc.*, VIII, 26, 1; *Diod.*, XIII, 34, 4). Гермократ, по-видимому, сам добивался этого назначения — не только потому, что это давало ему возможность продолжать борьбу с афинянами, но и потому, что на родине, в Сиракузах, ввиду усиления радикально-демократической группировки во главе с Диоклом теперь сложились неблагоприятные условия для политической деятельности таких людей, как он (ср. неудачное для Гермократа столкновение с демагогами по вопросу о том, как надо поступить с афинскими пленными, — *Diod.*, XIII, 19, 4 и слл.; *Plut. Nic.*, 28). С этих пор начинается новый период в военно-политической деятельности Гермократа. Под его руководством сиракузский флот принимает деятельное участие в морской войне у берегов М. Азии и в проливах — при деблокаде пелопоннесцами Милета и взятии Иаса в 412 г. (см. *Thuc.*, VIII, 26, 1; 28, 2), в битвах при Киноссеме и при Абидосе в 411 г. (см. *ibid.*, VIII, 104, 3; 105, 2 и 3; 106, 3; *Diod.*, XIII, 39, 4 и 40, 5; 45, 7) вплоть до несчастного сражения при Кизике в 410 г. (см. *Xen. Hell.*, I, 1, 18). Возглавляя крупное воинское соединение, Гермократ авторитетно вмешивался в руководство войною, между прочим решительно противясь попыткам Тиссаферна сократить субсидии союзному флоту и разоблачая его двойную игру и шашни с Алкивиадом (см. *Thuc.*, VIII, 29, 2; 45, 3; 85, 2—4; *Xen. Hell.*, I, 1, 31). Находясь в течение долгого времени вдали от родины, ведя войну часто на свой страх и риск, Гермократ постепенно превращался в независимую политическую фигуру подобно тому, как это было с Алкивиадом и Лисандром⁵. Весьма возможно, что и это тоже, а не одно только пораже-

⁵ См. Я. А. Ленцман. Пелопоннесская война. — В кн.: Древняя Греция. М., 1956, стр. 333 и слл.

ние и потеря кораблей под Кизиком, как считает Ю. Белох⁶, было причиной смещения и изгнания Гермократа вместе с его товарищами по должности (см. Thuc., VIII, 85, 3; Xen. Hell., I, 1, 27 слл.; Diod., XIII, 63, 1).

К этому времени авторитет Гермократа в войске, особенно среди офицеров — триерархов и кормчих, стоял столь высоко, что воины, по свидетельству Ксенофона, при получении известия о решении народного собрания в Сиракузах едва не взбунтовались: они не пожелали (как, очевидно, того требовала инструкция) выбрать временных командиров на место смещенных стратегов и настояли на том, чтобы эти последние вместе с Гермократом продолжали выполнять свои обязанности вплоть до прибытия вновь назначенных стратегов. А когда наступил момент расставания, «большинство начальников триер поклялось, что они, вернувшись на родину, добьются отмены декрета об изгнании» (Xen. Hell., I, 1, 29, пер. С. Я. Лурье). Ксенофонт с обычным своим вниманием ко всему, что характеризует личность полководца-властиеля, рассказывает любопытные подробности с тем, чтобы яснее показать и объяснить популярность Гермократа среди воинов: «Особо обращаясь к Гермократу, они (триерархи. — Э. Ф.) сожалели о разлуке с ним, отличающимся такой заботливостью, великодушием и общительностью; так, например, он два раза в день — рано утром и с наступлением вечера — собирал в свою палатку тех из начальников триер, кормчих и морских воинов, которых считал наиболее подходящими, и сообщал им содержание своих будущих речей и что он намерен совершать; он занимался также их военным образованием, заставляя их высказывать свои мнения как экспромтом, так и по здравом размышлении. Поэтому-то Гермократ пользовался большим успехом на собраниях, имея репутацию наилучшего оратора и тактика» (*ibid.*, I, 1, 30 сл., пер. С. Я. Лурье с некоторыми нашими изменениями). Вероятно, что побуждали к этому Гермократа не только заботы о риторическом и военном образовании своих подчиненных, но и стремление укрепить свою личную связь с войском, в первую очередь с наиболее подходящими, с его точки зрения, офицерами и солдатами. Кстати заметим, что у Ксенофона в слове *οἱ εἰλεγέστατοι*, которое мы осторожно перевели выражением «наиболее подходящие», может заключаться не просто оценка интеллектуальных способностей, как

⁶ K. J. B e l o c h. Griechische Geschichte, 2 Aufl., Bd. II, Abt. 1, Berl.—Leipz., 1927, стр. 402; Abt. 2. Strassb., 1916, стр. 245.

именно обычно и понимают (ср. переводы: С. Я. Лурье — «найболее даровитые», Ж. Хатцфельда — «les plus capables»), но и оценка морально-политических качеств, т. е. под этими «найболее подходящими» могут иметься в виду люди, близкие Гермократу по своим симпатиям и интересам, такие именно, в которых он мог видеть своих действительных или возможных единомышленников, свою опору в войске⁷. Что он работал над созданием такой опоры, это, во всяком случае, не вызывает сомнений.

Но если Гермократ был именно таким полководцем, со склонностью к упрочению своего авторитетного положения, почему же тогда он не стал апеллировать к войску и сдал все-таки командование вновь прибывшим стратегам? На этот вопрос мы не можем ответить с уверенностью. Возможно, он еще сам колебался принять окончательное решение, а может быть, просто не был уверен в том, что за ним последует все войско, ибо значительная часть флотских экипажей должна была быть и социально и политически связана с той самой демократией, которая теперь порывала с ним⁸. Скорее всего — это последнее, ибо, сдав команду, Гермократ немедленно начал готовиться к насильтственному возвращению на родину, из чего, по-видимому, следует, что у этого честолюбивого и энергичного полководца с самого начала явилась мысль не смиряться на этот раз и силой отстоять свое право на политическое первенство. При этом возможно, что какие-то подготовительные шаги были им предприняты еще до окончательной сдачи командования, в те полгода, что отделяют получение известия о смещении (зима 410/9 г.) от прибытия новых стратегов (лето 409 г.)⁹.

Так или иначе летом 409 г., очевидно сразу же после передачи войска новым командирам, Гермократ явился к персидскому сатрапу Фарнабазу, с которым его уже раньше, по-видимому, связывала общая вражда к Тиссаферну, и без труда (у Ксенофона — «прежде чем попросил [πριν αιτησαι]») по-

⁷ О морально-политических оттенках слова εὐλειχτς и производных от него у Аристотеля и других писателей IV в. до н. э. см. А. И. Доватур. Социальная и политическая терминология в «Афинской политике» Аристотеля. — ВДИ, 1958, № 3, стр. 76 и сл. Для истолкования данного места Ксенофона ср. Е. А. Freeman, Ук. соч., III, стр. 431.

⁸ Ср. Е. А. Freeman, Ук. соч., III, стр. 430 и слл.; K. J. Veloch. Ук. соч., II, I, стр. 403.

⁹ Мы, таким образом, решительно, не согласны с Вестлэйком (ук. соч., стр. 261), Штреекером и Берве, подчеркивающими искреннюю лояльность Гермократа при сдаче им командования в 409 г.

лучил от него деньги, на которые «стал готовить наемников и триеры для возвращения в Сиракузы» (Хеп. Hell., I, 1, 31, пер. С. Я. Лурье; ср. Diod., XIII, 63, 2). Из лояльного полководца Гермократ, таким образом, превратился в кондотьер-авантюриста, и этот кондотьер готовился теперь к вооруженному вторжению на свою родину. Впрочем, кроме чужеземных денег и наемников, Гермократ определенно рассчитывал на помочь своих сторонников в самих Сиракузах, и прежде всего тех военных, которые, по свидетельству Ксенофона, столь пылко выразили ему свою солидарность при расставании в Милете; ведь еще тем же летом сиракузская эскадра была отзвана на родину (см. Diod., XIII, 61, 1; Justin., V, 4, 5). Что у Гермократа в Сиракузах имелась группа личных приверженцев — «друзей» (*φίλοι*), это прямо подтверждается свидетельствами Диодора в рассказе о последующих попытках Гермократа проложить себе путь к возвращению (см. Diod., XIII, 63, 3; 75, 6 слл.). При этом к числу близких друзей Гермократа в Сиракузах могли относиться не только молодые и незнатные честолюбцы, вроде Дионисия, мечтавшие возвыситься, держась за полу плаща Гермократа, но и отдельные влиятельные граждане, такие, например, как Гиппарин и Филист, которые позднее поддержали Дионисия и могли, стало быть, с сочувствием отнести и к предприятию Гермократа¹⁰, в противоположность остальной части полисной элиты, которая в принципе отнеслась враждебно и к выступлению Гермократа, и к выступлению Дионисия.

С полученными от Фарнабаза деньгами Гермократ явился в Пелопоннес и здесь, в Мессении, построил 5 триер и навербовал 1000 наемников (см. Diod., XIII, 63, 2, где место строительства кораблей — Мессения — спутано с местом высадки в Сицилии — Мессаной). С этими силами он, по-видимому, помог спартанцам при взятии обратно Пилоса зимой 409/8 г. (см. Diod., XIII, 64, 5, с чтением П. Весселинга; ср. Хеп. Hell., I, 2, 18). Весной 408 г. мы застаем Гермократа и брата его Проксена примкнувшими к лакедемонскому посольству, которое направлялось к персидскому царю (см. Хеп. Hell., I, 3, 13). Возможно, впрочем, что цель самого Гермократа была не столь далекой и что он отправился снова в М. Азию просто для того, чтобы еще раз повидать своего покровителя Фарнабаза. Наконец летом 408 г. приготовления к возвращению бы-

¹⁰ Ср. K. F. Stroh e kег. Ук. соч., стр. 195 (примеч. 14 к главе II) и стр. 39; H. Be g ve. Ук. соч., I, стр. 221.

ли закончены, и Гермократ во главе своего небольшого отряда отплыл в Сицилию (см. Diod., XIII, 63, 1 слл.).

В Сицилии Гермократ застал тревожную ситуацию. В 409 г. вспыхнула новая война с Карфагеном, которая вскоре приняла опасный для греков оборот. Уже в первый год войны карфагеняне взяли штурмом Селинунт и Гимеру, и теперь угроза нависла над Акрагантом и остальной частью Сицилии (см. Diod., XIII, 43—44, 54 слл.; [Хеп.] Hell., I, 1, 37). Как мы увидим дальше, эта ситуация оказалась сильно на руку Гермократу. Высадившись в Сицилии, в Мессане (см. Diod., XIII, 63, 2, с учетом приведенного выше разъяснения), Гермократ присоединил к своему отряду около 1000 гимерян, чей город незадолго до этого был взят и разрушен карфагенянами, и, полагаясь на поддержку друзей, к тому времени активизировавших свои усилия в Сиракузах, сделал попытку, очевидно силой, проложить себе дорогу на родину. Однако эта попытка провалилась, очевидно вследствие противодействия со стороны правящей радикально-демократической группировки во главе с Диоклом (см. *ibid.*, XIII, 63, 3; о противодействии противников Гермократа ср. 63, 1 и 6; 75, 4 сл.). Тогда он пересек весь остров с востока на запад, занял и укрепил часть лежавшего в развалинах Селинунта (он был взят карфагенянами еще до Гимеры) и стал созывать отовсюду уцелевших селинунтян и других греков, пострадавших от карфагенского вторжения. Вскоре у него было до 6000 отборных воинов, и с ними он на свой страх и риск повел борьбу с карфагенянами, опустошая исконные владения финикийцев в западной части острова (см. *ibid.*, XIII, 63, 3 слл.). Имя Гермократа стало теперь символом всеобщей освободительной борьбы, вследствие чего резко возросла его популярность и в его родном городе Сиракузах, где настроение общества все больше изменялось в пользу Гермократа и где народ (*δημος*) на собраниях все с большим сочувствием прислушивался к участвовавшимся теперь выступлениям с призывом вернуть прославленного полководца из изгнания (см. *ibid.*, XIII, 63, 5 сл.). Готовясь принять новую попытку к возвращению, Гермократ из Селинунта перешел в Гимеру. Здесь он собрал останки павших в 409 г. в битве с карфагенянами соотечественников и с пышной процессией в сопровождении верных людей отправил их для захоронения на родину, а сам, подчеркнуто демонстрируя свое уважение к закону, остался на границе и стал выжидать результатов затеянной акции (см. *ibid.*, XIII, 75, 2 слл.). Все это делалось в пику Диоклу, который в 409 г. командовал сиракузами.

кузским отрядом, посланным на помощь гимерянам, и должен был отступить, оставив тела павших без погребения (ср. *ibid.*, XIII, 59, 9—61, 6).

В Сиракузах теперь разразился политический кризис: Диокл, понимая пропагандистский характер предпринятого Гермократом шага, со свойственной ему прямолинейностью воспротивился потребению присланных останков и этим оттолкнул от себя народную массу, которая теперь, несомненно по подстрекательству друзей Гермократа, приняла решение не только о торжественном погребении павших воинов, но и об изгнании Диокла. Однако и после этого друзьям Гермократа не удалось провести решение о возвращении его из изгнания. Сиракузяне, пишет Диодор, «относились с подозрением к дерзкой отваге этого мужа, опасаясь, как бы он не добился руководящего положения и не объявил себя тираном» (*Diod.*, XIII, 75; 5). Поскольку, согласно Диодору, народная масса склонялась на сторону Гермократа, а с другой стороны нам известно, что в дальнейшем, при Дионисии, наиболее упорное сопротивление тирании оказали аристократы-всадники, можно предположить, что и тогда уже опасениями были охвачены в особенности эти аристократические слои и именно они оказали решающее противодействие планам Гермократа. Сделать это им было тем легче, что после устранения Диокла большим влиянием в государстве стала пользоваться умеренная, близкая олигархии группировка во главе с Дафнэем (ср. *Aristot. Pol.*, V, 4, 5, р. 1305 а 26—28; *Diod.*, XIII, 86, 4 и слл.; 96, 3; *Polyaen.*, V, 7) ¹¹.

Так или иначе, но эта попытка Гермократа сорвалась. Он возвратился в Селинунт, но через некоторое время, очевидно уже в начале 407 г., согласовав свои действия с друзьями в Сиракузах, в третий раз сделал попытку проложить себе дорогу на родину (см. *Diod.*, XIII, 75, 6 слл.). С трехтысячным отрядом он выступил из Селинунта, прошел через область Гелы и ночью явился под Сиракузы, в условленное место, к воротам, ведущим в северную часть тогдашнего города — Ахрадину. Его сторонники к этому времени заняли отдельные пункты (*τοὺς τολοὺς*), очевидно в этой же части города. Во время ночного марша большая часть войска отстала от Гермократа, и он теперь решил обождать их. Это дало возможность республиканскому правительству организовать отпор. Граждане

¹¹ Ср. K. F. Stroheker. Ук. соч., стр. 34 сл.; Н. Вегве, ук. соч., I, стр. 216; II, стр. 634.

с оружием в руках явились на городскую площадь и оттуда атаковали Гермократа и его друзей. В уличной схватке сам Гермократ пал, большинство его сторонников было перебито, а оставшиеся в живых были преданы суду и приговорены к изгнанию. Впрочем, некоторые из тяжелораненых были объявлены своею роднею мертвыми, и это спасло их от немедленного суда и изгнания. Одним из таких спасенных был 23-летний Дионисий, будущий сиракузский тиран.

Попытка государственного переворота, предпринятая Гермократом, окончилась неудачей, однако этот эпизод показал, сколь близка и реальна была угроза возрождения тирании в Сиракузах, в городе богатом и процветающем, с развитыми уже полисными и демократическими традициями, где народ, гордый недавною победою над афинянами, только что, казалось бы, окончательно утвердил свой суверенитет. Нависшая угроза карфагенского нашествия поставила под вопрос прочность сложившейся политической системы, а выступление Гермократа показало, что и в Сиракузах не было недостатка в людях, готовых воспользоваться тревожной ситуацией и из честолюбивых соображений пойти на свержение законного республиканского правительства. В этой связи подчеркнем, что нам не представляются удачными попытки частичной реабилитации Гермократа, которые мы встречаем у ряда современных исследователей. Утверждают¹², что Гермократ почти до самого конца оставался лоялен перед своим государством и на последний отчаянный шаг решился не из честолюбия, а из патриотизма, движимый тревоговою за судьбу своего отечества, оставшегося накануне решающих схваток с карфагенянами на попечении неспособного правительства. Однако, как мы видели, смирение Гермократа перед решением сиракузского народного собрания зимой 410/9 г. было скорее всего внешним, вынужденным; он рано стал готовиться к насильственному возвращению на родину, и его известный патриотизм не исключал, как это признают и его апологеты, его конечной политической метаморфозы: в 408/7 г. этот аристократ готов был стать тираном.

Интересна комбинация сил и средств, которыми располагал Гермократ при осуществлении своей попытки государственного переворота. Отправной точкой служила помощь со стороны чужеземного властителя, непосредственным орудием — наемные войска, а скрытой опорой — группа личных

¹² Те же Вестлэйк, Штроекер, Берве.

приверженцев на родине. Слабость оппозиции, — противодействие Гермократу со стороны сиракузского общества было вплоть до последнего момента далеко не единодушным, — повышала шансы этого честолюбца на успех. При этом с точки зрения методов борьбы за власть поучительна эксплуатация Гермократом популярной народной идеи, патриотического лозунга борьбы с карфагенянами. Вместе с тем опыт Гермократа показал, что указанных выше сил было еще недостаточно для успеха и что этот недостаток не могла компенсировать даже ловкая эксплуатация патриотических настроений. Необходимо было обеспечить сотрудничество более широких народных масс, и здесь важно было дополнить «национальную» демагогию демагогией социальной. Этот «недостаток» был исправлен Дионисием Старшим.

М. А. ЦУКАНОВА

АРИСТОТЕЛЬ О ПЕРИОДЕ ГЛАВЕНСТВА АРЕОПАГА
ПОСЛЕ 480 года до н. э.

(К истолкованию *«ta epitheta»* в «Афинской политии». 25,2)

1

Среди многих вопросов, связанных с изучением «Афинской политии» Аристотеля, до сих пор остается спорным, насколько достоверны сообщения Аристотеля о периоде главенства Ареопага после 480 года до н. э. (Афинская полития, 23, 1—2; 25, 1; 41, 2) и насколько соответствуют действительности его свидетельства о реформе Ареопага 462/461 г. до н. э. (25, 2; 26, 1; 35, 2; 41, 2).

Сообщения Аристотеля о реформе Ареопага явно противоречат сообщениям Плутарха в биографиях Кимона и Перикла, сообщению Диодора (XI, 77, 6) и данным фрагмента Филохора об Эфиальте (F. Jacoby, FgrHist., III B 328 F. 64b(a)).

По Филохору, Эфиальт отнимает у Ареопага все права за исключением судебных функций по делам уголовного характера. Диодор видит в Эфиальте единственного виновника реформы Ареопага: по его словам, демагог Эфиальт, возбудив

народ против ареопагитов, убедил его принять постановление, унизившее Ареопаг; тем самым были ниспровергнуты «отеческие и прославленные законные права» (XI, 77, 6). Версия Плутарха в целом совпадает с версией Филохора и Диодора: «Народ, дав себе полную волю, нарушил весь порядок государственного управления и старинные постановления, которыми до того руководствовался, и во главе с Эфиальтом отнял у Ареопага все, за малыми исключениями, судебные дела, и сделал себя хозяином судилищ» (Кимон, 15. Перевод В. В. Петуховой). Таким образом, признается, что Эфиальт одним ударом уничтожил силу Ареопага, отобрав почти все его законные права, подчеркивается значение Ареопага как судебного органа до реформы 462/61 г. и главное преступление Эфиальта усматривается в ниспровержении старых отеческих законов.

В противоположность этому «Афинская полития» признает Эфиальта лишь первым реформатором Ареопага (реформу Эфиальта Аристотель относит к году архонтства Конона, т. е. к 462/461 г. до н. э.); дело Эфиальта продолжает Перикл, который после 451 года до н. э. еще раз покушается на права ареопагитов. По словам Аристотеля, он также «отнимает некоторые права у ареопагитов» (27, 1).

Мы не встречаем в «Афинской политии» ни малейшей попытки бросить тень на Эфиальта, хотя при характеристике других демократических лидеров Аристотелю часто не удается скрыть собственного недоброжелательства и он использует различные неблагоприятные отзывы источников, враждебных афинской демократии. Напротив, Аристотель отзывает о личности Эфиальта вполне положительно: «Простатом народа стал Эфиальт, сын Софонида, пользовавшийся репутацией человека неподкупного и справедливого в государственных делах» (25, 1. Перевод С. И. Радцига). К тому же, по мнению Аристотеля, Эфиальт не совершает покушения на старинные отеческие установления: он оставляет Ареопагу полномочия, унаследованные от древних времен, и отнимает лишь какие-то дополнительные присвоенные им функции, благодаря которым в его руках сосредоточилась охрана государственного строя (25, 2). Эти дополнительные права Ареопаг приобрел вскоре после Мидийских войн (23, 1); они были настолько важны, что ознаменовали новый период в истории афинской демократии (41, 2). В пределах старой демократической формы правления произошло какое-то преобразование, в результате которого Ареопаг получил возможность в течение семнадцати лет

управлять государством (41, 2; 25, 1). По мнению Аристотеля, управление у афинян было прекрасным в это время (23,2) и государственному строю был присущ строгий порядок (26, 1).

Подобное толкование реформы Эфиальта и представление Аристотеля о существовании в афинской истории периода главенства Ареопага встретили довольно активный протест со стороны многих исследователей. Приведем наиболее крайние точки зрения: Бузольт полагал, что Аристотель некритически отнесся к данным аттидографов, которые вслед за Исократом без должных оснований преувеличивали роль Ареопага в афинской истории и оправдывали тем самым активизацию деятельности Ареопага в 4 веке до н. э.¹. Из современных исследователей наиболее яркими последователями Бузольта в этом направлении являются G. Day и M. Chambers: вслед за Бузольтом они полагают, что «конституция Ареопага» не исторична — это искусственная конструкция, которая помогает Аристотелю заполнить брешь между демократией Клисфена и радикальной демократией IV века, начало которой положил Эфиальт². Другие занимают более осторожную позицию: признавая возможность усиления Ареопага после 480/479 г., они не желают серьезно относиться к существованию дополнительных функций (*ta epitheta*), полученных Ареопагом, и рассматривают реформу в духе данных Плутарха, Диодора и Филохора³. Наиболее распространенная точка зрения на реформу Эфиальта, характерная для многих общих курсов афинской истории, отдает предпочтение именно этой версии⁴.

Вернемся к данным Филохора, Диодора и Плутарха. Согласно Филохору, у Ареопага после реформы Эфиальта остается только право судить уголовных преступников (F. Jacoby Fgr. Hist. IIIB. 328. F. 64b(a)). К тому же мы узнаем из данного фрагмента, что одним из прав дореформенного Ареопага было право наблюдения за должностными лицами, чтобы они

¹ G. Busolt. Griechische Geschichte, bd. III, 1, Gotha, 1897, s. 27. n. 2.

² J. Day and M. Chambers. Aristotle's history of Athenian Democracy, Berkeley. Los Angeles, 1962, p. 126.

³ R. Bonner and G. Smith. The administration of Justice from Homer to Aristotle, v. I, Chicago, 1930, p. 251; C. Hignett. A History of the Athenian Constitution. Oxf., 1962, p. 197—213.

⁴ E. Meyer. Geschichte des Altertums, bd. III. Stuttgart, 1901, стр. 570; K. J. Beloch. Griechische Geschichte, bd. II. Strassb. 1914, стр. 153; N. Hammond. A. History of Greece to 322 b. C. Oxford 1959, стр. 288; H. Bengtson. Griechische Geschichte. München, 1960, S. 193.

действовали в соответствии с законами (Аристотель относил это право охраны законов к древнейшим правам Ареопага, т. е. к «*ta patria*»); после реформы Эфиальта, которая лишила Ареопаг этой функции, по Филохору, была создана даже специальная коллегия стражей законов (*potomphylakes*)⁵. Однако свидетельству Филохора, по которому за Ареопагом после реформы оставались только судебные дела, связанные с уголовными преступлениями, противоречит постановление афинского народного собрания 403 г. до н. э., приводимое Андокидом (1,83). Из него мы узнаем, что Ареопагу по-прежнему принадлежит его старинное право наблюдения за должностными лицами: «Пусть совет Ареопага заботится о законах, чтобы власти соблюдали установленные законы» (Перевод Э. Д. Фролова). Кроме того, Динарх (1,62) цитирует постановление Демосфена, в котором подтверждается право Ареопага наказывать погрешившего против законов на основании отеческих законов. Вспомним при этом, что Аристотель не делает Эфиальта ответственным за ниспровержение отеческих законов.

Такое же недоумение вызывает и свидетельство Плутарха о судебном характере реформы Эфиальта. Цель реформы, по Плутарху, — отобрать у Ареопага все судебные дела и сделать народ хозяином судилищ (Кимон, 15; Перикл, 9).

Однако целый ряд фактов афинской истории говорит о том, что задолго до реформы Ареопага высшей и окончательной судебной инстанцией в Афинах был именно суд народа, который не только мог изменить приговор должностного лица в случае апелляции гражданина к народному собранию, но и самостоятельно разбирал дела, имевшие государственное значение. Ксенофонт приводит постановление Каннона, в силу которого «каждого совершившего проступок перед афинским народом надлежит арестовать и он должен предоставить объяснения народному собранию и, если он будет признан виновным, он подвергнется смертной казни через ввержение в Барафр; имущество его конфискуется в казну». (Греческая история, 1, 20. Перевод С. Я. Лурье). Целый ряд исследователей на основании архаичности языка постановления относит его к концу 6 или к началу 5 в. до н. э. и полагает, что именно на основании этого постановления и был осужден Мильтиад в

⁵ Существование данной коллегии в это время не подтверждается свидетельствами. См. об этом G. Busolt — H. Swoboda. Griechische Staatskunde, II, Münch., 1926, S. 895, п. I.

489 г. до н. э.⁶. Платон (*Горгий*, 516 Е) говорит, что афиняне постановили ввергнуть Мильтиада в Барафр, а Геродот дает следующее описание суда: «Перед судом народа он (Ксантипп) требовал смертной казни Мильтиаду за то, что тот обманул афинян. Мильтиад явился, но не защищал себя: воспаление бедра не давало ему говорить. Его защищали друзья. Народ благоволил к Мильтиаду настолько, что освободил его от смертной казни, но за преступление против государства наложил на него пеню в 50 талантов» (VI, 136. Перевод Ф. Г. Мищенко). По свидетельству Ликурга, Гиппарх, сын Харма, был заочно осужден экклесией за измену (против Леократа, 117). Народное собрание рассматривало также и дело Фемистокла в связи с процессом Павсания. Народ поверил обвинителям и послал людей, которым велено было арестовать Фемистокла и привести для суда (Фукидид, 1, 135; Плутарх, Фемистокл, 23). Еще Гротом была высказана мысль, что слово «гелиея» первоначально означало народное собрание, выступавшее в роли суда⁷. Это мнение признается целым рядом исследователей, которые доказывают, что долгое время после Солона в Афинах еще не существовало отдельного суда с определенным числом присяжных судей, избранных жребием из всех граждан⁸. Очень трудно определить время, когда из состава народного собрания начали создаваться отдельные судебные коллегии, занимающиеся самостоятельным разбором дел. Однако некоторые данные о процессе Кимона (464/3) говорят за то, что ко времени реформы Ареопага в Афинах уже существовал подобный суд. На основании свидетельств Плутарха (Перикл, 14) и Аристотеля (27, 1) можно в главных чертах восстановить картину процесса: Перикл выступил на народном собрании с предварительным обвинением Кимона, народное собрание сочло обвинение не лишенным оснований, народ сам назначил обвинителей (в их числе был и Перикл) и дело было передано в суд. На суде Кимон был оправдан.

Многочисленные частные судебные процессы с давних времен возбуждались у архонтов (*Афинская полития*, 56, 6, 57, 58, 59). До Солона архонты сами производили судебное разбирательство и выносили окончательный приговор (*Афинская*

⁶ Воппер and Smith, op. cit., p. 205; Hignett, op. cit., p. 154, 304.

⁷ G. Grote. A. History of Greece, v. II, L. 1862, p. 328.

⁸ S. B. Smith. The Establishment of the Public Courts at Athens, TAPA, 56 (1925), p. 106—119; Bonner and Smith, op. cit., p. 153; Hignett, op. cit., p. 97; R. Sealey. Ephialtes, Cl. Phil., 59 (1964).

полития, 3, 5). После Солона архонты продолжали производить судебное следствие и выносить приговор, однако в случае несправедливого приговора архонта любой гражданин мог подать жалобу в народный суд, который вновь рассматривал дело⁹. Нигде мы не находим точных указаний на времена, когда архонты утрачивают право самостоятельного судебного разбирательства и судопроизводство полностью переходит в руки народного суда. Однако из постановления, регулирующего юридические отношения между Афинами и Фаселидой (Фаселида была присоединена к Делосскому союзу в 468/67 годах до н. э.— Плутарх, Кимон, 12, Диодор, 11, 60), мы узнаем, что в 60-е годы в Афинах архонты еще сохранили за собой право судебного разбирательства и вынесения самостоятельного приговора¹⁰.

Все это говорит о том, что судебная роль Ареопага в годы, предшествующие реформе, была в значительной степени увеличена Плутархом. Известно, что кроме авторов, современных событиям 60-х годов 5 века до н. э., Стесимброта и Иона Хиосского, Плутарх широко использовал авторов IV века до н. э.— Эфора, Феопомпа, аттидографов и Аристотеля. Однако версии Аристотеля (Эфиальт отбирает у Ареопага *«ta epitheta»*) Плутарх явно предпочел иную версию (Эфиальт отбирает *«ta patria»*). По мнению многих исследователей в сообщении о реформе Ареопага Плутарх использует Феопомпа и Эфора¹¹. Эфора использует и Диодор в XI книге своего труда¹². Версия, передаваемая Эфором и Феопомпом, не оригинальна. Те же самые мысли высказываются в «Ареопататике» Исократа, тенденциозность которого не подлежит сомнению. Здесь также Ареопаг сохраняет свои древние права в неизменном виде вплоть до того момента, пока наиболее скверные из афинян не вызывают пренебрежительное отношение к Совету Ареопага и не ниспровержают его силу (Ареопагитик, 50). Вывод напрашивается сам: если Эфиальт отобрал у Ареопага *«ta patria»*, то расширение прав Ареопага в IV веке до н. э. представляет собой не что иное, как восстановление старого отеческого строя.

⁹ Aristot. Ath. Pol. 9, 1. См. также E. Ruschenbusch, Ephesis. Ein Beitrag zur Griechischen Rechtsterminologie. — Zeitschrift der Savigny-Stiftung, 78 (1961).

¹⁰ M. N. Tod. A Selection of Greek Historical Inscriptions, v. I, Oxf. 1946, p. 32.

¹¹ Об этом см. Hignett, op. cit., p. 341.

¹² E. Schwartz. Griechische Geschichtsschreiber, Leipzig. 1959, p. 23.

Все это заставляет с большей осторожностью использовать свидетельства Плутарха и Диодора и более внимательно отнестись к данным «Афинской политии».

Прежде всего необходимо рассмотреть вопрос, как определяет сам Аристотель функции Ареопага до периода его главенства. Об этих функциях «Афинская полития» нам сообщают в трех местах: 3,6—где автор говорит об Ареопаге до Драконта; 4,4—где говорится об Ареопаге при Драконте и 8,1—2 — где определяются функции Ареопага при Солоне. Во всех трех местах подчеркивается прежде всего главная функция Ареопага как блюстителя законов. Это его исконное право (*ta patria*), законное и неотъемлемое право ареопагитов. Ареопаг до Драконта «имел обязанность быть только блюстителем законов», хотя он в своей деятельности и выходил за пределы этой главной функции и «распоряжался большинством важнейших дел в государстве». При Драконте Ареопаг осуществлял ту же самую функцию: «Совет Ареопага стоял на страже законов и наблюдал за должностными лицами, чтобы они правили по законам. Всякий человек в случае нанесения ему обиды мог подать заявление в Совет Ареопага, указывая при этом, какой закон нарушается» (4,4). Солон сохраняет за Советом его старое право: «Совету ареопагитов он назначил охранять законы» (8,4). Кроме того мы узнаем, что во время Солона Ареопаг «судил тех, кто составлял заговор для ниспровержения демократии, в силу того, что Солон издал закон о внесении относительно их чрезвычайного заявления» (8,4).

Итак, сфера действий Ареопага как «блюстителя законов» определялась выполнением следующих юридических функций:

1) наблюдение за должностными лицами, чтобы они действовали согласно законам; прием жалоб и заявлений относительно поведения магистратов, привлечение к ответственности виновных, наложение кар и взысканий (8,4).

2) Прием заявлений о преступлениях государственной важности, таких, как измена, заговор против демократии: арест лиц, подозреваемых в подобных преступлениях, судебное разбирательство по этому поводу.

Все эти древние права Ареопага относятся к числу *«ta patria»*, и у нас нет никаких оснований сомневаться в добросовестности Аристотеля при определении этих функций. Постановление народного собрания 403 г. (Андокид, 1,83) подтверждает историческую реальность древней функции Ареопага по охране законов, а суд ареопагитов над виновными в государственных преступлениях в Афинах раннего периода ис-

торически вполне допустим. В законе Солона об амнистии (Плутарх, Солон, 19) Ареопаг назван в числе судов, в ведении которых находились дела, связанные с установлением тирании. Известно, что позже Совет 500 имел право подвергать аресту лиц, уличенных в предательстве и в попытке уничтожить демократический строй. (Андрокид 1,45; Ксенофонт, Греческая история, 7,4; Аристотель, Афинская полития, 45,1). Во время процесса гермокопидов, когда шла речь о существовании заговора, направленного на ниспровержение демократии, Совет 500 обладал неограниченными полномочиями (Андрокид, 1,15), и «город находился в таком состоянии, что всякий раз, когда глашатай возвещал о том, что члены Совета шли в булевтерий... граждане убегали с площади, каждый в страхе, чтобы его не схватили (Андрокид, 1,36). По словам Аристотеля, «в прежнее время Совет 500 имел право заключать в тюрьму и казнить» (Афинская полития, 45,1). Вполне допустимо, что до Совета 500 Совет ареопагитов мог поступать аналогичным образом. Однако лишение Ареопага этого права произошло еще до реформы Эфиальта. Об этом нам говорит псефизма Каннона, которая передавала в руки народного собрания рассмотрение дел в связи с чрезвычайным заявлением и вынесением смертного приговора (Ксенофонт, Греческая история, 1,20).

Итак, если исходить из толкования реформы Аристотелем, старинные права ареопагитов мало интересовали Эфиальта (действительно, то, что сохранилось от древних прав Ареопага ко времени реформы — надзор за должностными лицами, т. е. право стража законов, судебная компетенция в религиозных делах — сохранялись за Ареопагом и после 462/461 года). Эфиальта интересовали какие-то дополнительно присвоенные Ареопагом права, которыми он обладал после Мидийских войн. Аристотель конкретно ничего не сообщает об этих правах, однако то, что он говорит о них в общей форме, заставляет задуматься. Мы узнаем, что благодаря этим правам Ареопаг выполнял роль охранителя государственного строя — право *«phylake tes politei as»* (25,2). Из «Политии» мы узнаем, что государственный строй стал более строгим и сдержаным (V, 3, 5, 1304а 2, 1). Вероятно, государственный строй улучшился по сравнению с предшествующим периодом, т. е. с периодом, последовавшим после реформ Клисфена, когда, по словам «Афинской политии», «народ уже стал чувствовать уверенность в себе» («Афинская полития», 22, 2—8, отмечает повышение активности народа в этот период). После же

реформ Ареопага государственный строй все более и более теряет свой строгий порядок по вине людей, задавшихся демагогическими целями (*Афинская полития*, 26,1).

Во время главенства Ареопага управление в Афинах, по словам Аристотеля, было прекрасным (23,2). Из «Политии» мы узнаем, что, по мнению Аристотеля, демократия хороша лишь в том случае, если государство управляет на основании законов; если же закон бессилен, а все решается декретами народного собрания и старые законы попираются псефизмами и судебными приговорами (VI, 4, 2, 1291в, 30; *Афинская полития*, 41,2), то такое правление нельзя назвать «хорошим и прекрасным».

«*Афинская полития*» говорит, что после реформы Эфиальта в Афинах начинается «отступление от предписаний законов» — первое отступление — это избрание зевгитов на должность архонта (26,2).

Современником реформы Ареопага был Эсхил. Разве не созвучен с представлениями Аристотеля о хорошем управлении в Афинах во время главенства Ареопага призыв Эсхила к гражданам не обновлять законов («легко родник прозрачный илом замутить — да пить нельзя»), бояться анархии так же, как и тирании, сохранять почтение к законности и священный страх. Эти представления Эсхила о благополучии города связываются с признанием руководящей роли Ареопага, в котором он видит защиту страны и спасение города, неусыпного стража Афин, день и ночь удерживающего граждан от несправедливых поступков (*Евмениды*, 690—705).

Все это заставляет более внимательно отнестись к старой, высказанной еще Гротом¹³ точке зрения на Ареопаг как на специальный орган, который в определенный период Афинской истории был уполномочен следить за незыблемостью афинской конституции, охранять существующее законодательство от различных нововведений, как на авторитет, имевший право аннулировать декрет народного собрания, несогласный со старыми законами¹⁴.

Если вышеуказанный фрагмент Филохора совершенно правильно определяет старинное право ареопагитов по охране законов (т. е. право заставлять должностных лиц соблюдать

¹³ G. Grotte, op. cit., v. IV, p. 104—118.

¹⁴ Старое право Ареопага наблюдать за законностью действий должностных лиц нигде (в том числе и у Аристотеля) не понимается как право аннулирования декрета, противоречащего законам. См. об этом Hignett, op. cit., p. 211.

существующие законы), то почему не предположить, что действительности соответствовало и другое право, которым мог обладать Ареопаг перед реформой Эфиальта: «присутствуя в народном собрании и в совете вместе с председателями, препятствовать решениям, вредным для города» (F. Jacoby Fgr. Hist. IIIB 328 F. 64b (a). По мнению Филохора, после реформы Эфиальта это право перешло в руки коллегии «стражей законов».

Введение *graphē ragapotōp* в Афинах происходит как раз в период, последовавший за реформами Эфиальта¹⁵: любой гражданин мог обжаловать любое постановление народного собрания как незаконное. Жалобы на противозаконие поступали и рассматривались в Совете (Афинская полития, 45,2), в народном собрании (Афинская полития, 59,2; Ксенофонт, Греческая история, 1, 7, 12) и в коллегии фесмофетов (Афинская полития, 59,2). Для окончательного решения дело передавалось суду присяжных (Эсхин, III, 5).

Таким образом, можно предположить, что компетенции Ареопага в области охраны конституции были переданы именно так, как сообщает нам Аристотель — Совету, народу и суду присяжных. Известно, какую ненависть вызывала «*graphē ragapotōp*» у афинских олигархов. Первым шагом олигархов 411 года до н. э. было приостановление действия жалоб на противозаконие и заявлений чрезвычайного характера (Фукидид, VIII, 67; Афинская полития, 29,4). Мы знаем, что тридцать тиранов прежде всего велели отменить законы Эфиальта и Архестрата (Афинская полития, 36,1). Может быть, эти законы поэтому и были так ненавистны для олигархов, ибо они регулировали процедуру, связанную с «*graphē ragapotōp*».

По Аристотелю, Ареопаг стал осуществлять функции охранителя государственного строя после нашествия Ксеркса. Усиление Ареопага могло быть вполне возможным следствием военного времени, когда деятельность народного собрания и Совета 500 могла лишиться регулярного характера в силу необычных условий этого периода. В тяжелой обстановке, когда приближение вражеской армии угрожало уничтожением Афинам, появилась необходимость в существовании одной постоянной власти, способной принимать быстрые решения и на которую возлагалась ответственность за спасение государства

¹⁵ Hignett, op. cit., p. 211—213.

(«Совет Ареопага прославился во время Мидийских войн». Полития, V, 3, 5, 1304a, 20).

При этом интересно отметить следующий факт: из Лисия (XII, 69) мы узнаем, что в другой, не менее ответственный момент истории Афин, в 404 году до н. э. после поражения при Эгоспотамах, афиняне именно Совету Ареопага поручают заботиться о спасении государства.

Эвакуация Афин в 480 г. до н. э. также связывается с деятельностью Ареопага (Афинская полития, 23,1). Если вспомнить, что Фемистокл (архонт 493 г.) был в это время членом Ареопага (Афинская полития, 25,3), то становится менее важными споры, вызванные формальным противоречием свидетельств Клидема и Аристотеля (Плутарх, Фемистокл, 10, 6—7) о том, кто руководил эвакуацией Афин — Фемистокл или Ареопаг¹⁶.

Именно в это время Ареопаг как коллегия бывших архонтов, т. е. людей, наиболее уважаемых и авторитетных в государственных делах, и мог получить право (хотя, очевидно, без всякого особого постановления на этот счет, Афинская полития, 23,1) препятствовать проведению в жизнь вредных и опасных предложений и ограждать народное собрание от опрометчивых решений. Может быть, именно эти права и были теми дополнительно приобретенными правами «*ta epīneita*», при помощи которых в дальнейшем была сделана попытка законсервировать государственный строй в рамках *patrios demokratia* и ограничить возросшую активность народа.

¹⁶ Необоснованные упреки в адрес Аристотеля, якобы недобросовестно освещавшего этот факт, мы находим у J. Day and M. Chambers, op. cit., p. 9—10, 121—122.

ПРИЛОЖЕНИЕ

БАТРАХОМИОМАХИЯ (ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕК)

Перевод В. Г. Боруховича

1. К вам, Пиерийские Музы, живущим в горах Геликона,
2. Ныне с мольбой обращаюсь, слагая новую песнь!
3. Вот уж лежит на коленях, на воском покрытых дощечках,
4. Песнь об ужаснейшей битве, неистовом деле Ареса.
5. Смертному роду людскому я в ней обещаю поведать,
6. Как воевали с лягушками мыши, как в подвигах бранных
7. Равными стали гигантам, Землею рожденным (об этом
8. Люди твердят повсеместно). Начало же было такое.
9. Некий мышонок, от ласки сбежав, замученный жаждой,
10. Остреньким рыльцем припал к воде в близлежащем бо-
лоте,
11. Радуясь влаге медвяной. Заметил его тут болтливый
12. Луж обитатель, со словом крылатым к нему обратился:
13. «Кто ты, чужак? От кого происходишь? Из стран ли да-
леких
14. Прибыл сюда? Расскажи мне всю истину, все без утайки!
15. Если в тебе отыщу я достойного друга, то в дом свой
16. Тотчас тебя поведу — и с дарами богатыми будешь.
17. Я же зовусь Щекодувом, великим царем нарекаюсь:
18. Чтят лягушата всей лужи во мне скриптроносного мужа.
19. Сам Грязевик мне родитель, который с царицею Водной
20. В пылкой любви сочетался на топких берегах Эридана.
21. Видно, и ты не простой, а прекрасной и знатной породы:
22. Не от царей разве ты скриптроносных и в подвигах слав-
ных
23. Род свой ведешь? Так скорей расскажи нам и точно по-
ведай!».
24. Так, отвечая, сказал Крохобор ему, глядя надменно:
25. «Разве мой род неизвестен тебе? Ведь он славен меж все-
ми!

¹ Перевод выполнен с издания: *Hymni homericci accendentibus epigrammatis et Batrachomyomachia, ex grec. Aug. Baumeister, Lipsiae, 1888.*

64. Быстро и весело в дом мой прибудешь ты гостем желанным».
65. Так он сказал и спину подставил. Мышонок проворно
66. Сел на нее и лапками крепко обнял лягушонка.
67. Весело плыть показалось мышонку вначале. Лягушка
68. Быстро неслася, вод встречных потоки легко рассекая.
69. Только тогда, как порfirной волною его окатило,
70. Лапки под брюхо поджал он, и полон смятенья и страха
71. Ключьями шерсть на себе выдирать стал в отчаяньи диком.
72. Сердцем он всем пожелал в этот миг на земле очутиться,
73. Громко стеная, от страха кровавого весь побледнел он,
74. Хвост как весло по воде опустил; и слабо вильнув им,
75. С жаркой молитвою о возвращеньи к богам обратился.
76. Волны меж тем его вновь окатили чредою холодной.
77. Дико тут взвизгнул мышонок и речью такой разразился:
78. «Верно, не так груз любовный Зевес, в быка обратившись,
79. Вез на широкой спине, когда к Криту умчал он Европу,
80. Как меня тащит лягушка на скользкой спине своей, в дальний
81. Дом направляясь, холодной водою меня обдавая!».
82. Зрелище тут вдруг ужасное взгляду обоих явилось:
83. Змей из воды показался. И шея, как палка, торчала
84. Ввысь из воды, изгибаясь. В испуге нырнул лягушонок,
85. И не подумав, что друга такого в беде оставляет.
86. Быстро на дно он спустился, от смерти спасаясь верной.
87. Друг же покинутый, царь Крохобор, забарахтался жалко,
88. Лапки вздымая, всем телом в испуге смертельном затрясся:
89. Вынырнул раз, и другой, но тут же опять опустился
90. Вниз на глубокое дно. Нельзя было смерти избегнуть:
91. Влажная шерсть его тяжестью страшной в пучину тянула.
92. Дух исpusкая, он речи такие вещал напоследок:
93. «Нет, не пройдет это даром тебе, Шекодув! Вероломно
94. Ты поступил! Как отважный моряк, гибну, брошенный с судна!
95. Ты, негодяй, на земле не посмел бы со мной состязаться
96. В беге, кулачном бою и борьбе. Только в водной стихии
97. Смог ты меня победить. Но глаза олимпийцев не дремлют:
98. Дорого гибель мою оплатите вы, лягушата!»
99. Так он сказал, и душа его в хладный Анд отлетела...
100. Гибель его царь узрел Блюдолиз, стоявший на береге.

101. Громко тут он завопил и мышам о несчастьи поведал.
102. Те же, о смерти собрата узнав, гневом вспыхнули
жарким,
103. Вестникам сразу приказ передали — звать всех на
собранье.
104. Местом собранья был избран дворец царя Хлебогрыза:
105. Сыном ему Крохобор приходился, которого тело
106. Хладное стыло в далеком от верного берега море —
107. В луже на самой средине. Когда ж розоперстая Эос
108. Встала из мрака, собиралися мыши. И с речью такою
109. Царь Хлебогрыз, полон скорби о сыне, ко всем обратился:
110. « Други! Хотя и один от лягушек столь тяжкое горе
111. Я претерпел — испытание всем нам они учинили.
112. О, сколь я жалок, отец, сыновей трех цветущих
лишившихся!
113. Первого ласка сожрала, схвативши его прямо с поля,
114. Миг улучив, как из норки он дерзостно высунул рыльце.
115. Злобные люди сгубили второго, его умертвивши
116. С помощью хитрой машины из дерева. Люди ей дали
117. Имя ловушки — но лучше погибелю ей называться!
118. Третий всех более дорог был мне и матери милой,
119. Но и его погубил Щекодув, опрокинув в пучину.
120. Так поскорее же, мыши, на подых лягушек походом
121. Двинемся, тело украсив оружием острым и грозным!»
122. Так убедил Хлебогрыз всех мышей изготовиться к бою.
123. В битву мышей сам Арес снарядил, зажигатель сражений.
124. В поножи мощные ноги одели, стручки разделивши
125. Ровно на две половины. Златой желтизною сияли
126. Эти стручки, что в течение ночи они понагрызли.
127. Панцири сделали мыши, искусно тростник изгибая,
128. Шкурою ласки покрыли затем, от болезни издохшей.
129. Крышки светильника щит заменили, а копьями стали
130. Длинные иглы — из меди тяжелой Ареса изделие.
131. Шлемом блестящим покрылись — стручком полевого
гороха.
132. Так приготовились мыши к войне. Лягушки, об этом
133. Сведав, дружно на сушу попрыгали, воды покинув.
134. Долго они совещались тут, быть войне или миру.
135. Только они рассмотрели причины вражды, вдруг
возникшей —
136. Вестник тут прибыл, торжественно жезл пред собою
несущий.
137. Звали его Горшколазом; великого Творогоеда

175. Ведь обитают они у тебе посвященного храма,
 176. Туком сладчайшим и жертвенным мясом себя услаждая».
 177. Так Кронид провещал, и ему отвечала Афина:
 178. Нет, мой отец, я мышай не спасу, пусть плохо им будет.
 179. Многих и тяжких несчастий они мне причиню стали.
 180. Съели венок из оливы, а также светильник, чтоб масло
 181. Выпить оттуда, изгрызли. Все это мне в душу запало.
 182. Пеплос погрызли затем, над которым я долго трудилась,
 183. Мягкую ткань создавая, на тонкой я ткала основе.
 184. Весь в решето превратили! Починщик, на грех, тут явился,
 185. Просит проценты с меня, что бессмертных всегда
удручают
 186. (Шерсть-то я в долг набрала и, отдать чем не зная,
страшуся).
 187. Но и за племя лягушек в поход выступать я не стану:
 188. Кваканье их мне постыло. Недавно, вернувшись с битвы,
 189. В сече изрядно устав, отдохнуть всей душой пожелала —
 190. Нет же, не дали уснуть мне, проклятое племя! От шума
 191. Веки сомкнуть не смогла и без сна так всю ночь
пролежала
 192. С тяжкою болью, главу до самих петухов не склонила!
 193. Боги! Не будем мешаться в их сечу! Пусть сами дерутся,
 194. Чтоб ни один не был ранен из нас стрелой изощренной.
 195. Дерзостна сила их, даже с бессмертными может
поспорить.
 196. Так насладимся же зрелищем, сверху взирая на битву!»
 197. Так провещала Афина, Олимп ей ответил согласьем.
 198. Купно собралися все в одно место, богини и боги,
 199. В трубы меж тем комары стали дуть, побуждая к
сраженью;
 200. Страшно потряс все воинственный гул. Сам Зевс
Громовержец
 201. Молнию с неба метнул. Началася великая сеча.
 202. Первым Квакун Лизуна поразил, стоявшего насмерть
 203. Всех впереди. Пронзило копье ему печень навылет,
 204. Грязнулся в прах он и мягкая шерстка покрылася пылью.
 205. Бросил в Грязнулю свой дрот Норолаз. Глубоко
вонзившись
 206. В грудь, закачалось тяжелое древко, и навзничь упал он,
 207. Смерть ему очи затмила, душа отлетела к Аиду.
 208. В самое сердце попав, поразил Свекловик Горшколаза,
 209. А Хлебоед Громоквака убил, распоров ему брюхо —
 210. Навзничь упал он, душа его прочь отлетела к Аиду.

211. Царь Блаторад, как увидел погибшего так Громоквака,
212. В шею метнул Норолазу копье...
213. Тут Траволюб, полон скорби, тростник изощренный
приподнял,
214. Сильно метнул — и не смог уже вновь его вытащить боле.
215. Дерзкий Лизун, в Траволюба копье изощренное бросив,
216. Не промахнулся. Пробило копье тому печень навылет.
217. Но увидав Корнееда бегущего, в заводь свалился:
218. Неукротимый, и тут устремился он на супостата,
219. Вынырнуть все же не смог. Пурпурною кровью окрасив
220. Лужу, простерся у берега, в глубинах заводи черной,
221. В пах и жирный животик смертельно ужаленный витязь.
222. Творогоед в этом месте великий доспехов лишился

224. Царь Мятлевик, Салогрыза узнав, устрашен его видом,
225. Бросил свой щит и в испуге к родному болоту помчался.
226. Лицообъеда в бою проколол Горшколаз² безупречный,
227. А Салогрыза убил, метнув в него камнем тяжелым,
228. Царь Водорад. Не выдержал череп, и мозг тут же вытек
229. Из носу. Брызнувшей кровью трава широко обагрилась.
230. Царь Смрадолюб, близ болота живущий, попал в

Блюдолиза

231. Длинным копьем, и смерть тому ясные очи затмила.
232. Мертвого за ноги взявиши, связав ему сухожилья,
233. К луже повлек его прочь Луковик и в пучину низвергнул.
234. Нд Крохобор отомстил за друзей, погибших в сраженьи:
235. В луже погиб Луковик, пораженный стрелой Крохобора,
236. Навзничь упал он, душа его прочь отлетела к Аиду.
237. Это увидев, Капустник метнул в Крохобора могучей
238. Лапою пригоршню грязи, едва не лишив его зrenья.
239. Тот осерчал чрезвычайно, и так же лапкой схвативши
240. Камень огромный, что высился бременем тяжким на
пашне,
241. Сильно метнул и рассек сухожилье Капустнику правой
242. Голени. Пал он на землю и смерть ему очи затмила.
243. Местью пылая, Хрипун устремился вперед. Крохобора
244. Сильно ударив, пробил ему брюхо, туда погрузивши
245. Древко копья целиком, и кишки из распоротой раны
246. Вытащил, мощно схватившись за древко могучею лапой.

² Вторичное появление Горшколаза на поле брани после того, как была описана в ст. 208 его гибель, иногда объясняют тем, что автор поэмы пародирует «Илиаду», в которой встречаются подобные промахи.

282. Некогда ты сокрушил беспощадно, а также смирил им
283. Племя гигантов, богам ненавистное, и Энкелада
284. И Капанея, великого мужа... Им только возможно
285. Мощь сокрушить Кускохвата, внушившего ужас
бессмертным».
286. Так провещала богиня, и с нею Кронид согласился.
287. Страшно вверху прогремев, потряс он высоты Олимпа,
288. Грозный перун приподнял, покружил высоко над главою,
289. Кинул его. Полетел далеко он из царственной дланi,
290. Прямо в мышьей угодил. Устрашился мыши вначале,
291. Все ж не смирил их перун, и яростью пуще зажглися,
292. Веря, что род истребить копьеносных лягушек сумеют.
293. Глядя на это с Олимпа, в заботе о тех же лягушках,
294. Помощь им выслал Кронид, спасая от гибели верной.
295. Воинство вдруг появилось чудовищ панцирноспинных,
296. Задом идущих и ножниц две пары у пасти несущих,
297. Черных, костистых и широколапых, без признаков шеи,
298. Длинные руки, глядят изподлобья, а плечи лоснятся,
299. Ног целых восемь, и нравом упорны; зовут же их люди
300. Раками. Ринувшись в бой, за хвосты мышьей похватали,
301. Стали откусывать их, заодно уж откусывать лапки...
302. Копья погнулись мышей. Испугались они чрезвычайно,
303. В бегство пустились позорное. Солнце меж тем
опустилось,
304. И однодневной войне волей Зевса конец совершился.

СОДЕРЖАНИЕ

К 70-летию Ивана Васильевича Синицына 5

Часть I. Археология

И. В. Синицын, В. А. Фисенко. Поселение срубной культуры Гуселка-II в окрестностях Саратова	12
В. И. Кац. О времени возникновения сельскохозяйственных усадеб на Гераклейском полуострове	28
В. Г. Миронов. Посуда Городецкого слоя Березниковского городища	37
Р. А. Стручалина. Некоторые итоги раскопок городища Патрэй	45

Часть II. История античного мира

Ю. В. Андреев. К вопросу об организации критских сисситий	56
В. Г. Борухович. Историческая концепция египетского логоса Геродота	66
Н. М. Елизарова. Выступления рабов и угнетенных народов римских провинций (по данным Цицерона)	77
Т. П. Кац. Античные традиции о колонизации Сардинии	93
М. Е. Карпачева. Каркассон от античности к средневековью	108
Л. А. Петрова. Античные и испано-арабские влияния на лирику Прованса	122
Э. Д. Фролов. Из предыстории младшей тирании (выступление Гермократа Сиракузского)	132
М. А. Цуканова. Аристотель о периоде главенства Ареопага после 480 г. до н. э. (К истолкованию «τὰ epithēta» в «Афинской истории». 25,2)	143
Приложение. Батрахомиомахия (Война мышей и лягушек) Перевод В. Г. Боруховича	154

Античный мир и археология

Выпуск первый

Под ред. проф. В. Г. Боруховича

Редактор Ю. В. Пешехонов.

Художник Г. И. Макаров.

Технический редактор М. Н. Босс.

Корректоры А. И. Яровинская, И. И. Чернышевская.

НГ42370. Сдано в набор 13.VIII.1971 г. Подписано к печати 29.II.1972 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 10,25. Уч.-изд. л. 10,4. Заказ 1953.
Тираж 1000 экз. Цена 65 коп.

**Издательство Саратовского университета, Университетская, 42.
Саратов. Объединение «Полиграфист». Пр. Кирова, 27.**

-65.-к-

600 =

